

Том 2, № 3
2005

Учредитель
Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор
Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия
К.А. Абульханова-Славская
Н.А. Алмаев
Т.Ю. Базаров
В.А. Барабанщиков
А.К. Болотова
А.Н. Гусев
А.Л. Журавлев
Г.В. Иванченко
Е.А. Климов
А.Н. Лебедев
Д.А. Леонтьев
Д.В. Люсин
Н.Б. Михайлова
В.Ф. Петренко
А.Н. Поддьяков
В.А. Пономаренко
И.Н. Семенов
Е.А. Сергиенко
И.Е. Сироткина
Е.Н. Соколов
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)
А.М. Черноризов
В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)
А.Г. Шмелев
Отв. секретарь
В.В. Овсянникова
Редактор О.В. Шапошникова
Переводы И.Е. Сироткиной
Корректура О.В. Гаврильченко
Компьютерная верстка
Е.А. Валуевой

Адрес издателя
и распространителя:
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20.
Тел. 772-95-71; факс 772-95-71
E-mail: id.hse@mail.ru

Перепечатка материалов только
по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2005 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

А.В. Юревич. Три источника и три составные части психологического знания 3

Теоретико-эмпирические исследования

А.А. Горбатков. Деятельностная динамика основных измерений эмоций: модель и литературные данные 19

Специальная тема выпуска:

В.Н. Дружинин — 50 лет

Д.В. Ушаков. Вступительное слово 43

Н.В. Дружинина. Жизнь как творчество 45

В.Н. Дружинин:

Психологическая наука как выбор 55

Психология семьи 60

Модель интеллектуального диапазона.

Интеллект и общество 78

Творчество: природа и развитие 91

Варианты жизни 108

А.Н. Воронин. Об объекте психологического исследования 125

А.Н. Поддьяков. Актуализация и развитие человеческих возможностей 130

Т.А. Ребеко. Пропозициональное сравнение и холистическое сопоставление 137

Короткие сообщения

С.А. Козловский. Мозговые механизмы удержания зрительного образа в рабочей памяти 142

Обзоры и рецензии

Сону Шамдасани. Юнг, которого разоблачают даже его биографы. *Рецензия Р. Смита* 148

Резюме выпуска на европейских языках 151

Vol. 2, № 3
2005

Publisher

State University
Higher School of Economics

Editor

T.N. Ushakova

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja
N.A. Almaev
T.Yu. Bazarov
V.A. Barabanshikov
A.K. Bolotova
A.N. Goussev
A.M. Chernorisov
G.V. Ivanchenko
E.A. Klimov
A.N. Lebedev
D.A. Leontjev
D.V. Lyusin
N.B. Michailova
V.F. Petrenko
A.N. Poddiakov
V.A. Ponomarenko
I.N. Semenov
E.A. Sergienko
V.D. Shadrikov (Vice Editor)
A.G. Shmelev
I.E. Sirotkina
E.N. Sokolov
D.V. Ushakov (Vice Editor)
A.L. Zhuravlev

Managing Editor

V.V. Ovsjannikova

Translation I.E. Sirotkina

Copy editing

O.V. Shaposhnikova,

O.V. Gavrilchenko

Page settings E.A. Valueva

Publisher and Distributor's Address:

ul. Myasnitskaya, 20, 101990,
Moscow, Russia.

Tel. 772-95-71; fax 772-95-71

E-mail: id.hse@mail.ru

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© SU HSE, 2005

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

A.V. Yurevich. Three Sources and Three Composite Parts of Psychological Knowledge 3

Theoretical and Empirical Research

A.A. Gorbatkov. The Dynamics of Basic Parameters of Emotions: A Model and Literary Data 19

Special Theme of the Issue.

V.N. Druzhinin – 50 years

D.V. Ushakov. Introduction 43

N.V. Druzhinina. Life as Creativity 45

V.N. Druzhinin:

Psychological Science as a Choice 55

Family Psychology 60

Model of Intellectual Diapason.

Intelligence and Society 78

Creativity, Its Nature and Development 91

Variants of Life 108

A.N. Voronin. On the Object of Psychological

Investigation 125

A.N. Poddiakov. Actualisation and

Development of Human Abilities 130

T.A. Rebeko. Propositional Comparison and

Holistic Juxtaposition 137

Work in Progress

S.A. Kozlovsky. Brain Mechanisms of Storing

Visual Images in the Working Memory 142

Reviews

Sonu Shamdasani. Jung Stripped Bare by His

Biographers, Even. *Reviewed by R. Smith* 148

Summary of the Issue 151

Философско-методологические проблемы

ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

А.В. ЮРЕВИЧ

Юревич Андрей Владиславович — заместитель директора Института психологии РАН, доктор психологических наук. Автор 8 монографий и 162 научных статей, посвященных актуальным проблемам психологии и науковедения. Член редакционных коллегий журналов «Вопросы психологии», «Психологический журнал», «Науковедение», ряда российских и международных научных организаций.

Контакты: yurevich@psychol.ras.ru

Резюме

В статье рассматриваются три основные области психологического познания, к числу которых автор относит психологические исследования (исследовательскую психологию), психологическую практику (практическую психологию) и обыденную психологию. По мнению автора, несмотря на традицию считать только первую область психологического познания собственно научной, в современной — постнеклассической — науке две другие области тоже выглядят вполне легитимными источниками научного знания, способными многим обогатить научную психологию.

Психологическое исследование

1. Научное знание основано на твердых эмпирических фактах.
2. Теории выводятся из фактов (и следовательно, вторичны по отношению к ним).

3. Наука развивается посредством постепенного накопления фактов.

4. Поскольку факты формируют основания нашего знания, они независимы от теорий и имеют самостоятельное значение.

5. Теории (или гипотезы) логически выводятся из фактов посредством рациональной индукции.

6. Теории (или гипотезы) принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдерживать проверку экспериментом (Weimer, 1976).

Приведенную систему утверждений можно использовать в качестве теста на выявление общей методологической позиции исследователя, относя полностью согласных с нею к радикальным позитивистам, полностью не согласных — к радикальным постмодернистам, согласных лишь частично — к представителям «умеренных» методологических ориентаций. А суммировавший эти утверждения У. Веймер назвал их «мифами о науке», подчеркнув, что они имеют мало общего с тем, как осуществляется реальное научное познание (там же).

Тем не менее именно данная, описанная У. Веймером в качестве «мифической» траектория научного познания в целом ряде научных дисциплин, в том числе и в психологии, считается нормативной и закреплена в стандартной структуре диссертаций, научных статей и т. п. В соответствии с воплощенным в ней образом науки ученый, представляющий собой некий беспристрастный и обезличенный «автомат по ”вычерпыванию знания из фактов”» (Eiduson, 1962), выводит из теорий гипотезы, проверяет их в эмпирических исследованиях и, обобщая результаты, строит новые теории и т. д. Согласно традиционному — позитивистскому — представлению о науке, бывает или, по крайней мере, должно быть *только так*, а все, что не вписывается в

данную траекторию познания, следует элиминировать из науки как «неправильное» или, что еще хуже, как «субъективное». Согласно новому взгляду на науку, утвердившемуся благодаря работам Т. Куна, П. Фейерабенда, У. Селларса, М. Полани и др., так *вообще не бывает*, поскольку факты всегда «теоретически нагружены», т. е. устанавливаются и интерпретируются на основе соответствующих теорий, теории принимаются и отвергаются не под давлением фактов, а под влиянием совсем других обстоятельств, а соответствующий образ научного познания — не что иное, как набор мифов о нем. Согласно третьей, более умеренной позиции, *так бывает, но бывает и по-другому*, универсализированная позитивизмом траектория приращения научного знания возможна, но возможны и другие, не похожие на нее траектории.

И действительно, даже на фоне постмодернистских и прочих современных представлений о постнеклассической науке, сделавших ее позитивистский образ по меньшей мере старомодным, не соответствующим новым, да и старым реалиям, все же трудно отрицать, что ученые ставят эксперименты и проводят другие эмпирические исследования, при всей своей предвзятости и приверженности определенным теориям проверяют их опытом, полученные результаты далеко не всегда интерпретируют так, как им хочется, нередко строят обобщения, опираясь именно на эмпирические данные, а не на что-то другое, и т. д. Возможно, позитивистский образ научного познания все же не следует списывать в тираж как полностью ошибочный или как сыгравший

важную роль только на определенном этапе развития науки, в современной же науке выглядящий как архаизм, а противоположный ему — постмодернистский — образ не следует считать безоговорочно победившим. И приращение психологического знания тем способом, который зафиксирован в описанных выше «мифах» о науке не так уж «мифично», а представляет собой один из реальных путей его развития. (Иначе всех психологов-эмпириков пришлось бы объявить либо слабоумными, не ведающими истинного смысла того, что они делают, либо шарлатанами, умышленно искажающими этот смысл.)

Однако и в случае признания универсализированной позитивизмом траектории научного познания, с одной стороны, и лишения ее того универсализированного смысла, который был вложен в нее позитивизмом, — с другой, она тоже нуждается в существенном расширении. «Ученый — это не видекамера и не магнитофон» (Maslow, 1966, p. 122). Каждому исследователю свойственно индивидуальное «личное уравнение», определяющее его возможности как наблюдателя (Порус, 1990). «Реальность лежит за пределами наблюдаемого и поэтому скорее выводится, чем воспринимается» (Maslow, 1966, p. 74). Развитие технологии экспериментирования сопровождается возрастанием количества интерпретативных звеньев, что равнозначно возрастанию его субъективной опосредованности (Pinch, 1985). Любой познавательный акт в качестве своей основы, помимо формализованного знания, науки требует неформализуемого «личностного знания» (Порус,

1990). Научное исследование — это «наведение мостов между зримым и воображаемым» (Eiduson, 1962, p. 134), и т. п.

Все это, в отличие от постмодернистского образа науки, не разрушает традиционного — позитивистского — образа научного познания, однако, сохраняя воплощенную в нем познавательную траекторию — от фактов к теориям, смягчает, расширяет и в значительной мере «психологизирует» его, примиряя «объективное и беспристрастное» познание с выражением психологических особенностей познающего субъекта (см.: Юревич, 2001б). И в нынешних условиях, отмеченных расширением влияния постмодернистской методологии, это, наверное, единственно возможный вариант «спасения» позитивистского образа науки, позволяющий не выплеснуть с водой и ребенка: сохранить здоровое содержание этого образа, одновременно преодолев его искусственную линейность и излишний ригоризм, «примилив» его с не вписывающейся в него реальностью.

Уместно и, видимо, весьма своевременное и обратное действие — дополнение постмодернистского образа науки элементами традиционной позитивистской логики, которое в таком случае выглядит *не как его позитивистское ограничение, а как расширение*. Излюбленное постмодернистами высказывание А. Эйнштейна: «Именно теория определяет результаты наблюдения» (цит. по: Mahoney, 1976, p. 16) — можно трактовать следующим образом: не только теория определяет результаты наблюдения. А в известном высказывании П. Фейерабенда: «Теория, выдвигаемая ученым, зависит не только

от фактов, имеющих в его распоряжении, но и от *традиции*, представителем которой он является, от математического аппарата, которым случайно владеет, от его вкусов, его эстетических взглядов, от мнения его друзей и других элементов, которые существуют не в фактах, а в мышлении теоретика и, следовательно, носят субъективный характер» (Фейерабенд, с. 54) — можно уловить и признание того, что от фактов она все же *зависит*.

В результате представляется, что «примирительная» позиция, объединяющая традиционный — позитивистский — и современный — постмодернистский — взгляды на науку, полезна для каждого из них, позволяя сохранить их здоровые стороны и при этом преодолеть содержащиеся в них крайности. А универсализированная позитивизмом траектория научного познания при ее соответствующем расширении и «психологизации» выглядит его не вымышленной, а реальной траекторией, но при этом не единственно возможной траекторией, а одной из них.

Психологическая практика

Вторая базовая траектория психологического познания проложена так называемой практической психологией. Формально практическая или прикладная психология — это психологическая практика, имеющая такое же отношение к психологии как науке, какое инженерная практика имеет к физике. Однако в действительности психологическая практика — это «больше, чем практика», она представляет собой достаточно самостоятельную область психологического *познания*.

Любопытно, что самостоятельности и (в значительной мере) самодостаточности этой области, как правило, придается негативный смысл, и подобная самодостаточность обычно отмечается в связи с разобщенностью, а то и «схизисом» (Василюк, 1996) исследовательской (или академической) и практической психологии. Так, Р. Ван дер Влейст пишет о том, что исследовательская и практическая психология фактически представляют собой две разные науки, использующие разные «языки», разные «единицы» анализа и различные «логики» его построения (Vleist Van der, 1982). А Ф.Е. Василюк акцентирует их *социальную* разобщенность в виде размежевания соответствующих сообществ: «Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о «звездах» психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» (Василюк, 1996, с. 26).

Любопытно и то, что, когда на фоне разобщенности академической и практической психологии даются характеристики каждой из них — дабы показать, в чем они расходятся, практическая психология обычно выглядит «лучше» академической, а вина за их несостыковку возлагается на психологию академическую, по мнению ее «обвинителей», слишком

консервативную и неразворотливую для того, чтобы производить применимое на практике знание. Причем в последнее время наметилась тенденция отмерять современность, прогрессивность и прочие позитивные, а равно и противоположные им негативные характеристики двух областей психологии от их вовлеченности в культуру постмодернизма и освоения соответствующей методологии. И в этом плане практическая психология тоже выглядит «лучше» академической.

Д. Полкинхорн, например, выделяет такие общие черты постмодернизма и психологической практики, как нефундаментальность, фрагментарность, конструктивизм, понимание знания как динамичного, социально конструируемого и зависящего от контекста, неопрагматизм, подчеркивая, что психологи-практики охотнее применяют постмодернистскую методологию, чем академические психологи, но признавая при этом, что существуют и «близкие к практике» психологи-исследователи, которые тоже преуспели в освоении и распространении этой методологии (Polkinhorne, 1994). Л. Сасс улавливает в современной психологической, особенно в психоаналитической, практике такие постмодернистские черты, как релятивизм, скептицизм, вымысленность, акцентируя их в качестве ее ключевых отличий от академической психологии (Sass, 1994). К. Герген отмечает, что, в отличие от академической психологии, современная психологическая практика эволюционирует в русле постмодернистской мысли, имеет дело с развивающейся индивидуальностью человека и сосредоточивается на контек-

стуальных смыслах человеческой деятельности (Gergen, 1994). В результате теоретическое знание академической психологии часто вступает в конфликт с эмпирическим знанием современности, психологическая практика предпочитает теоретическому знанию гетерогенные и качественные знания повседневной жизни, приобретающие достоверность в личном опыте (там же), а практическая психология представляет собой достаточно самостоятельную область психологического познания и психологической науки (следовательно, противопоставление практической психологии исследовательской психологии логически некорректно), которая не ждет, пока академическая наука снабдит ее необходимым знанием, а это знание самостоятельно добывает. «Практика — это не только трансформация психического содержания, но и процесс самопознания, познания группы, других людей, познание психопрактического процесса, новых реальностей, т. е. в ней наличествует исследовательский компонент» (Карицкий, 2003, с. 143). И симптоматично, что она осуществляет собственную методологическую рефлексивную методологию (там же), что характерно для различных областей *научного познания* и знаменует их вступление в фазу зрелости.

Познавательный, знание-создающий потенциал практической психологии связан не только с дефицитом академического знания, которое может быть использовано на практике. Психолог-практик не только заполняет «белые пятна» в структуре академического знания и создает новое психологическое знание не

только потому, что ему не хватает знания, производимого академической психологией¹. Очевидно, сказываются не только дефицит существующего знания, но и *неизбежно творческий характер самой практической психологии*, имеющий, как минимум, три слагаемых. Во-первых, случаи, с которыми имеет дело практический психолог, всегда индивидуальны, обобщенного знания, которым он обладает, всегда недостаточно для решения стоящим перед ним уникальных проблем, и они не могут быть решены путем проекции общих алгоритмов. В результате всегда приходится адаптировать обобщенное знание и соответствующие алгоритмы к индивидуальным случаям, что неизбежно оборачивается созданием нового знания. Во-вторых, психолог-практик не только конкретизирует и модифицирует общее, но и делает обратное — обобщает индивидуальное, формулируя свой личный опыт в общезначимых терминах, а иногда и в виде общих закономерностей. И это тоже порождает новое знание. В-третьих, любая ситуация взаимодействия психолога-практика с его клиентом уникальна вследствие не только того, что уникален клиент, но и того, что *уникален сам психолог, а также ситуация его взаимодействия с клиентом*, что неизбежно порождает новое знание об этом взаимодействии.

Знание, вырабатываемое практической психологией, имеет ряд существ-

венных отличий от знания, которое принято ассоциировать с академической психологией и на котором лежит печать традиций, заложенных в эпоху создания первых психологических лабораторий.

Исходной точкой его выработки служит *анализ конкретных ситуаций* (соотносимый с тем, что в академической психологии принято называть case studies), а объект познания для практического психолога — индивидуальный клиент или группа, в то время как типовой объект академической психологии — выборка, в которой индивидуальные особенности входящих в нее индивидов, как правило, растворены. Как отмечает Р. Браун, «в социальных науках, как и вообще в науке, индивидуальные действия представляют интерес только как представители некоторого класса действий» (Brown, 1963, p. 73). Разумеется, «объекты», с которыми имеет дело практический психолог, не только индивидуализированы для него, но и воспринимаются им как представители некоторых классов объектов, а свои обобщения он строит на основе сопоставления и обобщения их индивидуальных особенностей. Однако в данном случае общее надстраивается над индивидуальным и в определенном смысле «вторично» по отношению к нему, в то время как академический психолог имеет дело именно с классами объектов — *с выборками, а не с отдельными*

---

¹В данной связи можно отметить, что «неудобоваримость» знания, производимого академической психологией, для психологической практики обусловлена не столько его излишней «теоретичностью», как принято считать, сколько, напротив, его «эмпиричностью». Типовой продукт исследования, выполненного в русле академической психологии, — это коэффициенты корреляции между переменными, демонстрирующие, «что на что влияет», и имеющие весьма отдаленное отношение к потребностям практической психологии.

испытываемыми, от индивидуальных особенностей которых он обычно абстрагируется.

Знание, производимое практической психологией, как правило, *не квантифицировано*, т. е. представлено не в форме коэффициентов корреляции, статистических закономерностей и т. п., а в виде личных наблюдений, ноу-хау и т. д. и не проходит через сито математического анализа, без которого очень редко обходятся исследования академических психологов. В результате оно значительно чаще имеет характер личностного или «группового» знания, чем знание академической психологии, хотя и в последней соответствующие виды знания достаточно распространены.

Это знание в большинстве случаев *не верифицировано* — по крайней мере, в тех формах, которые признаны нормативными в академической психологии. В типовом случае практический психолог формулирует его в виде своего личного опыта, основными критериями достоверности которого выступают богатство этого опыта, пропорциональное тому, насколько долго накопивший его психолог занимается психологической практикой, его авторитет в сообществе психологов-практиков и т. п., а не подтверждающие данный опыт эмпирические исследования. Поэтому симптоматично, например, то, что, хотя выросший из психотерапевтической практики психоанализ (как теория) стал одной из самых влиятельных психологических концепций и превратился в своего рода «религию» западного общества (Беккер, Босков, 1961), ни одно из его основополагающих утверждений до сих пор

не получило сколько-нибудь убедительного эмпирического подтверждения (Аллахвердов, 2003, и др.). Психологи-практики, использующие в своей работе базовые представления психоанализа, либо просто верят в их истинность, рассматривая их как аксиомы, не нуждающиеся в доказательствах, либо воспринимают в качестве их подтверждения успешность практической деятельности, основанной на них. И то, и другое, разумеется, очень далеко от тех стандартов верификации, которые приняты в академической психологии.

Знание практической психологии основано на конвенциях, *а еще чаще включает в себя конвенции*, которые в академической психологии выглядели бы очень странными или, по крайней мере, потребовали бы эмпирических подтверждений. Например, конвенции о том, что те или иные детали сновидений имеют определенный психологический смысл, о психологическом значении рисунков пациентов и т. п. Такие утверждения, как: «Мужчины стремятся к богатству из-за того, что конкурировали со своими отцами за любовь своих матерей» (Brown, 1963, p. 71), — звучат почти анекдотично для тех, кто не разделяет конвенций психоанализа, а сами эти конвенции подкрепляются не фактами, а верой, не слишком принципиально отличающейся от веры ряда племен в то, что дожди вызываются ритуальными танцами. Да и одна из главных традиций психоанализа — во всем видеть скрытую сексуальность — тоже выглядит как конвенция, не получившая обязательного для академической психологии эмпирического подтверждения.

Вместе с тем налицо тенденции не только к углублению разрыва между практической и академической психологией и возрастанию дистанции между соответствующими локусами психологического сообщества, но и к их сближению, причем не только тем способом, который традиционно считается нормативным для науки, — «подстраивания» практической психологии под академическую и вырастания из нее как своего рода «психологической инженерии», но и обратным.

К примеру, анализ «единичных случаев», изучение уникальных жизненных ситуаций и т. д. получает все большее распространение и в академической психологии, что в немалой степени было подготовлено идеями классиков отечественной психологии. Например, Л.С. Выготский стремился вывести законы психологии искусства из «анализа одной басни, одной новеллы и одной трагедии» (Выготский, 1983, с. 405) и при этом подчеркивал, что «засилие индукции и математической обработки и недоразвитие анализа значительно погубили дело Вундта и экспериментальной психологии» (там же, с. 402). Вследствие размывания традиционных, позитивистских ориентиров академической психологии в современной, постнеклассической науке (Степин, 1990) такие атрибуты практической психологии, как качественный анализ, изучение единичных случаев, признание значимости уникального опыта, полученного в обход репрезентативных выборок и подсчета коэффициентов корреляции, становятся все более распространенными и в исследовательской психологии. Дж. Шоттер отмечает тенден-

цию к изучению таких традиционных тем академической психологии, как восприятие, память, научение и мотивация, в контексте постмодернистской социальной практики (Shotter, 1994). А Ф.Е. Василюк провозгласил, что «нет ничего теоретичнее хорошей практики» (Василюк, 1996), выразив претензии практической психологии на создание *теоретического* знания, которое традиционно считалось прерогативой академической психологии. Налицо и тенденция к развитию методологического самоанализа практической психологии, традиционно ассоциировавшегося с академической наукой и явившегося естественной реакцией на разрастание и усложнение психологической практики (см.: Вачков, 2003; Карицкий, 2003, и др.). А в академическом сообществе — как отечественном, так и зарубежном — все более разрастается описанный Д. Полкинхорном слой «близких к практике» исследователей (Polkinhorne, 1994), которые успешно сочетают академическую научную деятельность с практической.

Все эти и подобные им процессы имеют две стороны: во-первых, изменение традиционной академической психологии, ее «движение» навстречу психологии практической, в том числе и в плане усвоения характерных для нее стандартов; во-вторых, легализация и признание практической психологии (в том числе и психологией академической) в качестве не только области психологической практики, но и *сферы производства психологического знания*, а также признание вполне «научным» того знания, которое она производит.

Обыденная психология

Третья базовая траектория психологического познания сопряжена с обыденным познанием.

Наука выросла из обыденного познания и до сих пор опирается на него. «Вся наука является не чем иным, как усовершенствованием повседневного мышления», — писал А. Эйнштейн (Эйнштейн, с. 200), а Л. де Бройль — что «мы конструируем наши понятия и образы, воодушевляясь нашим повседневным опытом» (Broglie, 1936, p. 242). «В процессе становления и развития картин мира наука активно использует образы, аналогии, ассоциации, уходящие корнями в предметно-практическую деятельность человека (образы корпускулы, волны, сплошной среды, образы соотношения части и целого как наглядных представлений и системной организации объектов и т. д.» (Степин, 1989, с. 10). И поэтому, как констатирует Дж. Джейсон, образ науки как «организованного здравого смысла» *общепризнан* в современном науковедении (Jason, 1985).

Запечатленное в «филогенезе» науки воспроизводится и в «онтогенезе» каждого конкретного ученого. «Став ученым, человек не перестает быть субъектом обычного донаучного опыта и связанной с ним практической деятельности. Поэтому система смыслов, обслуживающих эту деятельность и включенных в механизм обычного восприятия, принципиально не может быть вытеснена предметными смыслами, определяемыми на

уровне научного познания» (Лекторский, 1980, с. 189). Причина очень проста: «Большая, а возможно, и основная часть предметного мышления ученого формируется в тот период, когда он еще не стал профессиональным ученым. Основы этого мышления закладываются в его детстве» (Holton, 1978, p. 103). В результате, как отмечает В.П. Филатов, освоение ученым форм познания, характерных для науки, сравнимо с обучением второму — иностранному — языку, которое всегда осуществляется на базе родного языка — обыденного познания (Филатов, 1989, с. 126). Причем зависимость от обыденного опыта и привычных схем его осмысления существует во всех науках, даже в наиболее развитых и, казалось бы, давно дистанцировавшихся от этого опыта, таких, как физика. В частности, «физики накладывают семантику социального мира, в котором живут, на синтаксис научной теории» (цит. по: Miller, 1989, p. 333). А, например, Гейзенбергу принадлежит такое признание: «Наша привычная интуиция заставляет нас приписывать электронам тот же тип реальности, которым обладают объекты окружающего нас социального мира, хотя это явно ошибочно» (там же, p. 330)².

Психология вписывается в общую схему взаимоотношений науки и обыденного познания, однако при этом взаимоотношения научной психологии и обыденного психологического познания носят особый характер. Одна из главных причин этого состоит в том, что так называемый

²Эта же тенденция отчетливо представлена и в «филогенезе» физической науки. «Вся физика, ее определения и вся ее структура первоначально имели, в известном смысле, антропоморфный характер», — писал М. Планк (Планк, 1966, с. 25).

«человек с улицы» хотя и осуществляет физическое, химическое, биологическое и т. п. познание, обладая соответствующими рецепторами и органами чувств, все-таки это познание имеет меньше сходства с познавательным процессом, осуществляемым соответственно физикой, химией и биологией, чем постоянно осуществляемое им обыденное психологическое познание — себя и других людей — с познанием, которое реализует научная психология.

Для научной психологии близость к обыденному психологическому познанию порождает неоднозначную ситуацию. С одной стороны, обыденная психология, существующая намного дольше психологии как науки, накопила богатейшее психологическое знание и служит для нее важнейшей точкой опоры. Этот вид психологического знания можно вслед за В.П. Филатовым называть «живым» знанием, индивидуально приобретаемым человеком в его повседневной жизни и обобщающим его уникальный личностный опыт (Филатов, 1990)³. И вполне симптоматична попытка Г. Келли выстроить систему научной психологии с опорой на обыденную психологию, переведя ключевые понятия последней на «язык» научных категорий (Attribution..., 1970). С другой стороны, эта близость и богатые возможности обыденной психологии в качестве источника психологического знания таят и опасность для научной психологии — постоянную угрозу ее статусу

как науки. И это вынуждает ученых-психологов постоянно отвечать на вопрос: «Чем научное психологическое познание отличается от обыденного и, зачем нужны профессиональные психологи, если каждый человек — психолог?» А это, в свою очередь, вынуждает научную психологию постоянно поддерживать дистанцию с психологией обыденной, трактовать ее наблюдения и обобщения как «ненаучные» и т. п. А в «зазор» между научной и обыденной психологией постоянно встраивается так называемая «поп-психология», наиболее типичными примерами которой служат книги «Как заводить друзей?», «Как нравиться женщинам?» и т. п.⁴, авторы которых дают советы, опираясь в большей степени на свой здравый смысл, чем на научное знание, что выглядит как постоянное подсыпание песка в охранительный ров вокруг крепости.

Несмотря на форсирование дистанции с обыденным психологическим познанием научная психология не может абстрагироваться от него. Одна причина невозможности такого абстрагирования является «родовой» для всей науки и состоит в ее описанной выше «онтогенетической» и «филогенетической» зависимости от обыденного познания. Другая — «видовая» для психологии — коренится в том, что любой психолог одновременно является субъектом и научного, и обыденного психологического познания, будучи не способным произвольно «включать» одно

³В.П. Филатов считает целесообразным различать это знание и системы донаучного знания, такие, как мифология, религия, алхимия и др. (Филатов, 1990).

⁴Любой, кто посещает наши книжные магазины, не может не заметить, что подобные издания составляют основную часть продаваемой там психологической литературы.

из них, «выключая» другое. К тому же знания научной психологии всегда «не хватает», причем не только психологу-практику, но и психологу-исследователю, и он вынужден регулярно восполнять недостаток научного знания своим «личностным» знанием, основным источником которого служит его обыденный опыт.

Здесь, правда, нужно сделать оговорку, что обыденный опыт профессионального психолога не вполне тождествен обыденному психологическому опыту «человека с улицы». Обыденный психологический опыт профессионального психолога приобретается им на фоне профессионального знания, часто ассимилируется и интерпретируется на основе научных категорий, а основой его приобретения является не просто здравый смысл «человека с улицы», а *профессиональный здравый смысл*. Этот профессиональный здравый смысл служит прослойкой между научным и обыденным психологическим познанием, сближая их и содействуя их взаимообогащению, но отнесение его исключительно к области научного опыта представляет собой либо профессиональный самообман, либо профессиональную конвенцию, призванную придать больший научный «вес» деятельности профессиональных психологов.

Разумеется, зависимость от обыденного психологического познания более характерна для психологов-практиков, деятельность которых имеет больше общего с искусством, нежели с применением научного знания и использованием стандартных, отработанных наукой алгоритмов, область которых покрывает лишь незначительную часть необходимого

практике. Однако и в исследовательской психологии эта зависимость выражена достаточно отчетливо. Приведем высказывание М. Полани, успевшее стать хрестоматийным: «Внелогическое суждение является универсальным способом соединения элементов научного знания, не элиминируемым никакими формальными процедурами» (Полани, 1985, с. 195). Основой этого «внелогического суждения», связывающего между собой элементы научного знания, во многих случаях служит здравый смысл и опыт психолога, приобретаемый вне сферы его профессиональной деятельности. А те гипотезы, которые направляют основную часть психологических исследований, хотя и подаются — в соответствии с позитивистскими стандартами — их авторами как «вытекающие» из теорий и других общих утверждений психологической науки, в действительности часто представляют собой формулировку интуитивных ощущений психологов, результирующих их обыденный опыт. Симптоматично, что даже Э. Толмен был вынужден признать: когда существует слишком много степеней свободы в интерпретации эмпирических данных, исследователь неизбежно черпает объяснительные схемы из своей собственной феноменологии (Tolman, 1959). Он же сделал и еще одно любопытное признание: пытаясь предсказать поведение изучаемых им крыс, он идентифицировал себя с ними, обнаруживал в себе стремление в прямом смысле слова «побивать в их шкуре», регулярно задавая себе вопрос: «А что бы я сделал на ее (крысы — А.Ю.) месте?» (там же).

Но, пожалуй, наиболее яркий пример в данном плане — сами

психологические теории. В соответствии со стандартными — опять же, позитивистскими — представлениями о науке они строятся путем обобщения эмпирических данных, путем пересмотра, уточнения и т. п. других теорий или путем конкретизации неких более общих общеметодологических принципов. Возможно, так действительно бывает (вновь не будем списывать в тираж позитивистские представления как абсолютно неверные, впадая в прямо противоположную крайность). Но налицо и другой способ построения психологических теорий. Например, теории психоанализа, которую З. Фрейд построил на основе обобщения своего опыта общения с пациентами, а также рефлексии над своими собственными психологическими проблемами. Или теории его последователя — Дж. Салливена, который занялся изучением шизофрении, поскольку сам страдал от нее и основную часть своих теоретических обобщений построил на основе саморефлексии (Perry, 1982). А в работах У. Джемса, по мнению его психобиографов, можно не только обнаружить проявление его психологических особенностей, но и проследить перепады его настроения (Richards, 1987)⁵. Таких примеров в психологии, как, впрочем, и в других науках о человеке, предостаточно, в результате чего Б. Эйдусон сформулировала следующий вывод: «Теории природы человека являются интеллектуальными средства-

ми выражения в меньшей степени объективной реальности, чем психологических особенностей их авторов» (Eiduson, 1962, p. 197). Хотя противопоставление одного другому не вполне корректно: психолог может «выражать», адекватно понимать и объяснять именно эту объективную реальность, «пропуская» ее через свой личный опыт и фиксируя в своих собственных психологических особенностях.

Л. Хьел и Д. Зиглер отмечают, что в основе психологических теорий лежит система имплицитных, не всегда осознаваемых представлений о человеческой природе, выражающая личный опыт авторов этих теорий (Хьел, Зиглер, 1997). А Дж. Ричардс подчеркивает, что, хотя все теории, создаваемые в науках о человеке и обществе, несут на себе печать личностных особенностей их авторов, нет ни одной науки, в которой эта связь проявлялась бы с такой отчетливостью, как в психологии (Richards, 1987). Подобная зависимость представляется естественной и неизбежной, хотя и не вписывается в традиционное — позитивистское — самосознание психологической науки и противоречит ее стремлению выглядеть системой познания, изучающей и обобщающей исключительно внешний (по отношению к самому исследователю) опыт. Во-первых, во многих случаях «творческое поведение — это сублимация глубоких негативных переживаний» (Albert, Runco, 1986, p. 335)⁶. Психоло-

⁵Он же, по мнению его психобиографов, воплотил свои личные особенности в созданную им философскую систему: будучи прагматиком по своему личностному складу, Джемс свои бытовые прагматические установки возвел в ранг общефилософских принципов (Bjork, 1983).

⁶Авторы этой формулы придают ей универсальный смысл, видя в сублимации негативных переживаний *главный* стимул творчества, что выглядит, опять же если не разделять психоаналитических конвенций, весьма спорно.

логия в данном плане «удобна» тем, что психолог может познавать именно то, что он сублимирует, т. е. делать объектом профессионального психологического познания то, что гнетет лично его, как в случаях Фрейда или Салливена, и в таких ситуациях проекция психологических особенностей самих психологов на разрабатываемые ими теории неизбежна. Во-вторых, как подчеркивает Дж. Холтон, ученый всегда стремится «уяснить отдаленное, неизвестное и трудное в терминах близкого, самоочевидного и известного по опыту повседневной жизни» (Holton, 1978, p. 102). А для психолога наиболее «близок и самоочевиден» его собственный психологический опыт, порожденный его самоанализом, и в этом случае, как пишет А. Маслоу, «познание себя самого логически и психологически первично по отношению к познанию внешнего мира» (Maslow, 1966, p. 48)⁷.

Означает ли все это «дискредитацию» психологических теорий ввиду того, что в них запечатлена проекция психологических особенностей их авторов, или другую крайность — необязательность и «излишество» общепринятых в психологии исследовательских приемов вследствие того, что находимое психологом в других он может найти и в себе? Подобные выводы могли бы стать квинтэссенцией двух экстремальных — позитивистского и постмодернистского — способов видения науки, а одновременно и иллюстра-

цией абсурдности любых «экстримов».

Психолог — не марсианин, и его обращение к самому себе как к объекту психологического осмысления — это обращение не к психике иноземного существа, а к человеческой психике, представленной ему наиболее естественным и доступным для осмысления способом. А запечатление в психологических теориях личностных особенностей их авторов — это отражение в них важных и общезначимых свойств человеческой психологии, даже если они не универсальны, а свойственны людям определенного типа (данное обстоятельство, впрочем, тоже необходимо учитывать, рассматривая претензии психологических теорий на универсальность). Когда древние медики ставили медицинские эксперименты на самих себе, они в принципе делали то же самое, от чего подчас страдали они сами, но не общезначимость их открытий⁸. Вместе с тем психолог никогда не может быть уверен в общезначимости своего личного опыта и в достаточной универсальности закономерностей, выявленных им путем саморефлексии. Это создает потребность в проведении исследований на других людях, в набирании статистики и т. п., в результате чего самоанализ органически дополняется традиционным арсеналом исследовательской психологии, и одно ни в коей мере не исключает другого, а стремление найти в других найденное

⁷Отсюда, в частности, проистекают такие формулы, как: «Понимая нечто, субъект понимает самого себя и, лишь понимая себя, способен понять нечто» (Порус, 1990, с. 264), «Познай самого себя — это одна из главных заповедей силы и счастья человека» (Фромм, 1990, с. 208) и др.

⁸В какой-то степени этим путем идут и некоторые современные специалисты по детской психологии, изучая ее закономерности на своих собственных детях.

психологом в самом себе — вполне правомерный ориентир психологического исследования. Смещается — относительно позитивистских ориентиров — не весь исследовательский арсенал психологии, а лишь исходная точка психологического познания, которой может быть не только внешний для психолога объект, но и его самоанализ.

***

Таким образом, можно констатировать, что научной психологии свойствен *плюрализм способов познания*, а основными источниками психологического знания служат: а) специально организованное — в соответствии с научными стандартами — психологическое исследование, б) психологическая практика, в) обыденный опыт. Традиционная психология в качестве собственно «научного» признавала только первый, что, разумеется, не было методологическим или каким-либо другим артефактом и сыграло немалую позитивную роль в становлении психологии как науки. Вместе с тем такое сужение «легальных» источников психологического познания создавало его существенно искаженный образ, во многом содействовало

созданию и углублению разрыва между исследовательской и практической психологией, препятствовало экспликации истинной методологии этого познания и интеграции психологии. Новый образ психологического познания и соответствующая методология, формирующиеся в постнеклассической науке, основанные на размытии монистических принципов, формируемые идеями «методологического плюрализма» (Смирнов, 2004), «методологического либерализма» (Юревич, 2001а) и др., включают не только новое отношение к психологическим теориям и т. п., но и новое отношение к *источникам* психологического знания, среди которых нет «единственно правильного» или «единственно научного». Этот образ предполагает не только признание различных, традиционно конфликтовавших друг с другом систем психологического знания — когнитивизма, бихевиоризма, психоанализа и др. — как равно адекватных способов понимания и изучения психологической реальности, но и легитимизацию различных способов психологического познания как вполне «научных», взаимодополняющих и обогащающих друг друга.

Литература

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961.

Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

Вачков И.В. Нужна ли практическому психологу методология? // Труды Ярославского методологического семинара.

Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 72–79.

Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1. М., 1983.

Карицкий И.Н. Методология практической психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 135–158.

Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.

Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966.

Полани М. Личностное знание. М., 1985.

Порус В.Н. Искусство и понимание: сотворение смысла // Заблуждающийся разум?: Многообразие внеучного знания. М., 1990. С. 256–277.

Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 276–291.

Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

Степин В.С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 152–166.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Филатов В.П. Научное познание и мир человека. М., 1989.

Филатов В.П. Об идее альтернативной науки // Заблуждающийся разум?: Многообразие внеучного знания. М., 1990. С. 152–174.

Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.

Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.

Эйнштейн А. Собр. науч. тр. М., 1967. Т. 4.

Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001а. № 5. С. 3–18.

Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб., 2001б.

Albert R.S., Runco M.A. The achievement of eminence: A model based on a longitudinal study of expertly gifted boys and their families // Conceptions of giftedness. Cambridge, 1986. P. 332–357.

Attribution: Perceiving the causes of behavior. Morristown, 1970.

Bjork D. The compromised scientist: William James in the development of American psychology. New York, 1983.

Brogie L. de. La physique nouvelle et les quants. P., 1936.

Brown R. Explanation in social science. Chicago, 1963.

Eiduson B.T. Scientists, their psychological world. New York, 1962.

Gergen K.J. Toward a postmodern psychology // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 17–30.

Holton G. The thematic component in scientific thought. Cambridge, 1978.

Jason G.L. Science and common sense // Journal of critical analysis. 1985. Vol. 8. № 4. P. 117–123.

Mahoney M.J. Scientists as subjects: The psychological imperative. Cambridge, 1976.

Maslow A. The psychology of science: A Reconnaissance. New York, 1966.

Miller A.G. Imagery, metaphor, and physical reality // Psychology of science. Contributions to metascience. Cambridge, 1989. P. 326–341.

Perry H.S. Psychiatrist of America. Massachusetts, 1982.

Pinch T. Towards an analysis of scientific observation: The externality and evidential significance of observational reports in physics // Social studies of science. 1985. Vol. 15. № 1. P. 3–36.

Polkinhorne D.E. Postmodern epistemology and practice // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 146–165.

Richards G. Of what is history of psychology a history // British journal for the history of science. 1987. Vol. 20. № 65. P. 201–211.

Sass L.A. The epic of disbelief: The postmodernist turn in contemporary psychoanalysis // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 166–182.

Shotter J. «Getting in touch»: The Meta-methodology of a postmodern science of

mental life // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 58–73.

Tolman E.C. Principles of purposive behaviour // Psychology: A study of science. New York, 1959. Vol. 2.

Vleish Van der R. Special psychological theory and empirical studies of practical problems // Confronting social issues: Applications of social psychology. London, 1982. Vol. 1. P. 7–22.

Weimer W.B. Psychology and the conceptual foundations of science. Hillsdale, 1976.

Теоретико-эмпирические исследования

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ЭМОЦИЙ: МОДЕЛЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАННЫЕ

А.А. ГОРБАТКОВ

Горбатков Александр Алексеевич — преподаватель Института педагогики и психологии Свентокшиской Академии (Кельце, Польша), кандидат психологических наук. Кандидатскую диссертацию по теме «Структура психической диспозиции и ее позитивно-негативная асимметрия» (руководитель — проф. В.А. Ядов) подготовил и защитил в 1981 г. на факультете психологии Ленинградского университета. Тематика научной работы касается главным образом дименсиональной структуры и деятельностной динамики эмоций. Результаты представлены в 80 публикациях на русском, польском и английском языках, а также в выступлениях на конференциях в России, Польше, Англии, Швеции и др.
Контакты: a.gorbatkow@pu.kielce.pl

Резюме

В работе представлен обзор литературы по проблеме деятельностной динамики эмоций в свете разработанной автором модели, касающейся четырех основных измерений аффективной сферы: позитивные эмоции, негативные эмоции, их баланс и интегральная величина (общий уровень эмоциональной активации). Показано, что гипотетические кривые зависимости этих измерений эмоций от эффективности деятельности, содержащиеся в той зоне модели, которая относится к популяции большинства обычных людей, действующих в обычных условиях (монотонная нисходящая кривая для отрицательных эмоций, колоколообразная кривая для положительных эмоций, инвертированная J-образная кривая с тенденцией роста для эмоционального баланса, инвертированная J-образная кривая с тенденцией снижения для интегральной величины эмоций), в значительной степени согласуются с доминирующими в литературе по этой теме представлениями и данными. Обсуждены некоторые трудности, возникающие при работе с литературой в рамках данной тематики.

Введение

Под деятельностной динамикой эмоций мы понимаем изменения в эмоциях, обусловленные изменениями в параметрах деятельности, прежде всего в ее результатах. Зависимость переживаемых субъектом эмоций от результатов (уровня выполнения) деятельности, с которой они связаны, достаточно давно в той или иной форме изучается в психологии и проанализирована в ряде обзорных работ (см., например: Iaffaldano, Muchinsky, 1985; Podsakoff et al., 1996; Shore, Martin, 1989; Vroom, 1964; Warr, 1999), однако большинство исследователей сводят рассматриваемые эмоции лишь к одному измерению (биполярно понимаемой валентности, или балансу), а искомые зависимости — к линейным. В разра-

ботанной нами модели (Горбатков, 2002б, 2003; Gorbatkow, 2003) эмоции рассматриваются в четырех основных измерениях (позитивные и негативные эмоции, их баланс и интегральная величина)¹, а зависимость каждого из них от эффективности деятельности² рассматривается как нелинейная. В настоящей статье мы намерены представить попытку обзора литературы в свете указанной модели, чтобы ответить на вопрос, насколько постулируемые моделью гипотетические кривые зависимости этих измерений эмоций от эффективности деятельности (и некоторых других связанных с ней переменных) согласуются с существующими представлениями и данными, касающимися большинства обычных людей, действующих в обычных условиях.

---

¹В рамках такого подхода позитивные и негативные эмоции измеряют с помощью униполярных шкал, например: «равнодушный — радостный» и «равнодушный — грустный». Баланс и интегральную величину (общий уровень эмоциональной активации) либо измеряют с помощью прямых шкал (например, биполярной шкалы «грустный — радостный» и униполярной «равнодушный — взволнованный»), либо вычисляют на основе показателей позитивных (П) и негативных (Н) эмоций, например, по аддитивным формулам $P-N$ и $P+N$ (см., в частности: Bradburn, 1969).

²Под эффективностью (успешностью) деятельности индивида мы понимаем соотношение между ее позитивными и негативными результатами. Из этого следует, что в качестве основного фактора, детерминирующего эффективность деятельности, мы должны рассматривать не столько разного рода «затраты» (усилий, времени и т. п.), сколько уровень развития когнитивных характеристик индивида (способности, опыт), релевантных параметрам деятельности данной категории. Чем выше уровень развития этих характеристик и степень их соответствия данной деятельности, тем менее трудной и новой (незнакомой) является она для субъекта и тем более высокой может быть ее эффективность. Случай, когда результат деятельности обеспечивается не столько способностями и опытом, сколько затратами усилий, времени и т. п., когда «потери» по своей величине приближаются к «приобретениям», мы в данной работе оставляем за пределами внимания и как не соответствующий вышеприведенной трактовке эффективности (охарактеризовать деятельность, имеющую высокий результат, «купленный дорогой ценой» как эффективную, — значило бы вступить в противоречие с реализуемой здесь логикой), и как менее типичный для большинства людей. Последнее обстоятельство, согласующееся как с теоретическими соображениями (см. ниже), так и со здравым смыслом, позволяет нам измеримый в эмпирических исследованиях результат деятельности (о нем судят по количеству и

Модель деятельностной динамики эмоций

Модель нелинейной гетерохронной деятельностной динамики базовых измерений эмоций характеризуют следующие основные особенности. Модель эта относится к ситуации, когда рост результативности обеспечивается растущим по мере освоения деятельности опытом, повышающимся уровнем ориентировки в ситуациях данной категории при одновременном падении (или более медленном росте) уровня необходимых для ее осуществления затрат. Основные тенденции динамики эмоций по мере роста успешности деятельности от некоторого условно-предельного нуля до некоторой условно-предельной единицы представлены на рис. 1. Согласно модели, по мере роста эффективности деятельности как отрицательные, так и положительные эмоции сначала растут, затем — после достижения максимума при некоторых промежуточных уровнях эффективности — падают. Однако если первые растут быстрее, чем падают, то вторые, наоборот, растут медленнее, чем падают. Иначе говоря, для пер-

вых перелом в динамике наступает раньше (при более низких уровнях эффективности), чем для вторых. Описанная динамика отрицательных и положительных эмоций детерминирует динамику их баланса (соотношения) и интегральной величины (общего уровня эмоциональной активации). Имеющее место на начальных этапах освоения ситуации ухудшение (увеличение степени негативности) эмоционального баланса сменяется его улучшением в границах области промежуточных степеней трудности с наступающим далее новым его ухудшением (уменьшением степени позитивности). При этом интегральная величина эмоций сначала растет, затем — после достижения максимума при среднем уровне эффективности — падает.

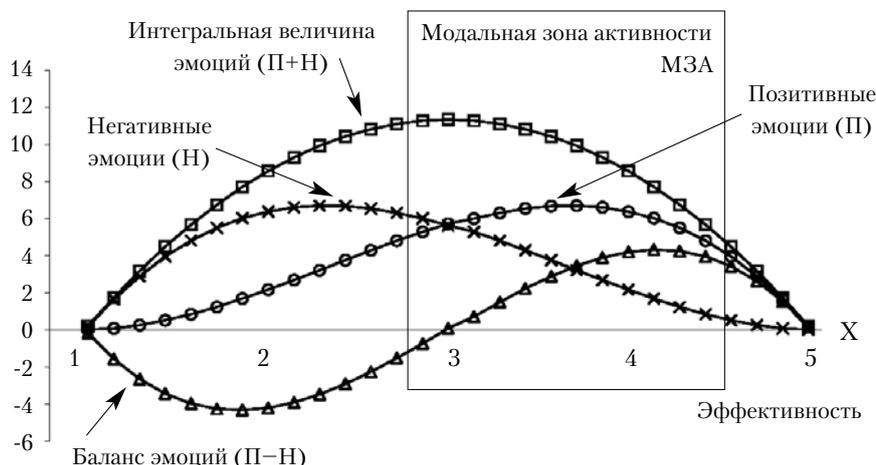
Предполагается, что характерные для большинства («модальная популяция») обычных людей, функционирующих в обычных условиях, уровни выполнения основных видов деятельности не охватывают целого теоретически возможного континуума эффективности. Такой человек функционирует в границах несколько «позитивно» смещенной промежуточной зоны этого континуума —

качеству произведенной продукции, школьным отметкам, экспертным оценкам, показателям тестов достижений и т. д.) рассматривать как до известной степени приемлемую меру ее эффективности. Из представленного понимания эффективности следует, что в качестве косвенных ее мер можно рассматривать такие переменные, как трудность и новизна деятельности для субъекта (с обратным направлением шкалы), уровень его информированности о ситуации функционирования, уровень его контроля над ней и т. п. Одной из возможных мер (по причине монотонной связи с эффективностью), хотя и менее адекватных, чем приведенные (по причине некоторой нелинейности этой связи), является также знаменитое число проб. Такая широкая трактовка переменной эффективности деятельности может вызывать возражения, однако плюсов от ее применения мы видим существенно больше, чем минусов, особенно если учесть актуальное состояние проблемы, отражающее достаточно ранний этап ее разработки, прежде всего концептуально-теоретической.

Рисунок 1

Эскиз модели деятельностной динамики эмоций: зависимость основных измерений эмоций от эффективности деятельности (Горбатков, 2003, с. 79)

зоны, определяемой критическими для него нижними и верхними порогоми новизны и сложности деятельности. Функционирование в границах этой так называемой *модальной зоны активности* (МЗА) позволяет человеку решать следующие основные задачи: не выполнять виды деятельности настолько трудные (очень низкая эффективность), чтобы перевес потерь над достижениями привел к опасности снижения уровня его функционирования; не выполнять виды деятельности настолько легкие (очень высокая эффективность), чтобы возникала угроза развитию индивида, т. е. его своевременному переходу на более высокий

уровень функционирования; выполнять виды деятельности такого уровня трудности, который делает возможным выраженный позитивный баланс достижений и потерь (т. е. достаточно высокую эффективность — позиция на шкале эффективности между очень высоким и средним ее значениями — в скорее легких, чем трудных задачах). Иное соотношение достижений и потерь в большинстве выполняемых видов деятельности не могло бы обеспечить людям реализацию не только функции «развития», но даже функции «сохранения». Указанное гипотетическое расположение МЗА позволяет предположить следующие кривые³ динамики эмоций

³Колоколообразной мы называем немонотонную одновершинную *симметричную* кривую. Инвертированной J-образной мы называем немонотонную одновершинную *асимметричную* кривую с тенденцией *роста* (левое плечо длиннее, чем правое) или *снижения* (правое плечо длиннее, чем левое).

по мере роста результативности деятельности в большинстве выборок обычных людей, функционирующих в обычных условиях (рис. 1): монотонную нисходящую кривую для отрицательных эмоций; колоколообразную кривую для положительных эмоций; инвертированную *J*-образную кривую с тенденцией роста для эмоционального баланса; инвертированную *J*-образную кривую с тенденцией снижения для интегральной величины эмоций. Наряду с собственно деятельностью пониманием независимой переменной описанной модели представляется возможным ее расширительное толкование как связанной с улучшением любого из важных аспектов жизни человека, которые изучаются в исследованиях «субъективного благополучия» и «качества жизни», таких, как содержание труда, параметры среды, здоровье и т. д.) (см., например: Аргайл, 1990; Diener et al., 1999). Каждый из элементов жизненной ситуации индивида, улучшаясь, изменяет его жизнь в том же самом направлении, что и повышающаяся эффективность основных видов его активности, т. е. обеспечивает рост возможностей удовлетворения индивидом своих потребностей.

Насколько представленные в модели кривые динамики эмоциональных переменных в границах МЗА согласуются с существующими представлениями и данными, касающимися большинства обычных людей, действующих в обычных условиях? Как оказалось, данные, релевантные модели, найти в литературе весьма нелегко. В психологии труда, например, где проведено наибольшее количество исследований на тему

зависимости эмоций от успешности деятельности, подавляющее большинство из них, как указывает в энциклопедической статье П. Ворг (Warr, 1999), касалось только измерения валентности-баланса (позитивные и негативные эмоции как отдельные измерения, не говоря уже об эмоциональной активации, изучались весьма редко) и использовало при этом только линейные статистики. В работах же, использовавших нелинейные статистики, рассматривались, как правило, независимые переменные, лишь косвенно и часто неоднозначно (как, например, уровень требований, предъявляемых к работе) связанные с успешностью деятельности. Нелегкой также оказалась идентификация представленного в некоторых работах материала как относящегося именно к данному измерению, а не к какому-либо другому. Трудно иногда, например, преодолеть впечатление, что когда некоторые авторы пишут «интерес», то читать нужно «интерес минус тревога», или когда пишут «радость», то читать нужно «радость минус огорчение», что может быть следствием господствующего в профессиональном сознании исследователя (или, скорее, в его бессознательном) традиционного представления о взаимоисключающих отношениях между «противоположными» эмоциями (см.: Горбатов, 2002а). В этих случаях приходится либо отказываться от рассмотрения материала, либо решаться на идентификацию, по необходимости приблизительную. Те данные, которые удалось обнаружить в литературе по данной теме, свидетельствуют о следующем.

Кривые динамики основных измерений эмоций

Негативные и позитивные эмоции

Моноotonно падающая кривая динамики *негативных эмоций* в границах МЗА не только соответствует обыденным представлениям (чем лучше ориентируешься в ситуации, чем эффективнее действуешь, тем меньше причин для беспокойства, тревог, огорчений), но имеет также существенную эмпирическую поддержку в публикациях по теме зависимости тревожности — наиболее популярного в психологии «представителя» системы отрицательных эмоций⁴ — от уровня выполнения деятельности. Широкая распростра-

ненность обратной связи между этими переменными констатирована, например, в результате анализа ста двадцати шести (!) исследований, в которых параметр эффективности был представлен школьной успеваемостью, измерявшейся разными способами (школьные оценки, контрольные работы, тесты достижений) (Seipp, 1991). Доминирование сходных связей констатировано и в других обобщающих работах (Mueller, 1992; Snow, Swanson, 1992; Warr, Bunce, 1995)⁵. Не является в этом отношении исключением и высшая школа. В работе П.Д. Рабиновича и М.П. Нужиной (1987)⁶, например, показано, что студенты-медики, успевающие на «хорошо» и «отлично», в сравнении с теми, кто учится на

⁴Эта исторически наиболее «заслуженная» в психологии эмоция, когда-то почти монополярно фиксировавшая на себе внимание исследователей, сегодня уже не может рассматриваться как главный представитель эмоциональной сферы индивида, хотя иногда и «пытается» в такой роли выступать, как, например, в некоторых концепциях темперамента (см. обзор в работе: Strelau, 1998); а когда исследователь приходит к выводу, что задачу углубленного познания механизмов функционирования эмоциональной сферы имеет смысл решать, начиная с какой-либо одной из эмоций, то этой одной оказывается нередко тревога или страх (например: LeDoux, 2000), и если в качестве объекта берется несколько эмоций, то центральное место в поле исследовательского внимания с немалой вероятностью займут эмоции того же типа (см. например: Gray, 1987). Функцию же «репрезентанта» негативной составляющей эмоциональной сферы тревожность часто и успешно выполняет (например: Russell, 1989).

⁵В некоторых работах отмечают нулевую (или очень слабую) корреляцию успеваемости с тревожностью (см. например: Гордеева, 2002; Прихожан, 2000; Pintrich, DeGroot, 1990), причины чего, на наш взгляд, можно искать, среди прочего, в месте, занимаемом этой деятельностью в системе ценностей большинства выборки, в том, насколько совпадают между собой область жизнедеятельности, к которой относится измеренная в исследовании тревожность (например, жизнедеятельность в целом, как в большинстве наиболее известных методик), и та область, к которой относится измеренная в исследовании успешность деятельности (учеба в школе), в степени соответствия реальной области разброса уровней успешности учебной деятельности в обследованных популяциях тому, что мы здесь называем МЗА, и др.

⁶Вопреки названию этой работы, в качестве независимой переменной в ней выступают не столько эмоциональные и другие личностно-психологические особенности студентов, сколько их успеваемость, которая использовалась в качестве основания деления выборки на подвыборки. Сходное несоответствие имеет место в ниже упоминаемой статье Р. Студенского (Studenski, 1981).

«удовлетворительно», имеют более низкий уровень тревоги и других отрицательных эмоций. Обратная зависимость тревожности от уровня выполнения была установлена также применительно к трудовой деятельности (см., например: Jamal, 1984; Spector et al., 1988). Подобную зависимость обнаружили и во многих экспериментальных исследованиях (см. например: Хекхаузен, 2003; Lewis, Haviland, 2000). Так, в исследовании Ч.Д. Спилбергера с соавт. (Spielberger, O'Neil, Hansen, 1972) повторяющееся правильное решение испытуемыми задач одной и той же категории (определение естественнонаучных понятий) и «объективно» одинакового уровня трудности уменьшало связанную с ними тревожность. Для участка шкалы трудности, соответствующего очень легким заданиям (правая половина зоны 4–5 на рис. 1), такой динамики тревожности не отмечено, что позволяет предполагать для всей совокупности заданий зависимость типа гиперболической (L-образной), которая напоминает форму представленного в зоне 3–5 участка кривой отрицательных эмоций (рис. 1).

Позитивные эмоции несравненно реже выступают в качестве предмета анализа, однако сведения об их зависимости от некоторых связанных с эффективностью деятельности переменных все же представлены в ряде источников. Опирающееся на результаты исследований, проведенных в разных странах, представление М. Чиксентмихайи о том, что одним из условий так называемого «оптимального переживания», в структуре которого важное место занимают положительные эмоции, является постановка перед собой не слишком

трудных и не слишком легких задач (Csikszentmihalyi, 1996), говорит в пользу их колоколообразной зависимости от информационно-эффективных переменных.

Еще более известными являются данные об одновершинной зависимости интереса — наиболее часто, по утверждению К. Изарда (Изард, 1980), переживаемой положительной эмоции — от такого рода переменных. Интерес к сообщению о каком-либо объекте является максимальным, если оно содержит в себе как новые, так и знакомые элементы (см., например: Lewicka, 1993; Teigen, 1987) или, иначе говоря, если оно не является ни слишком непонятным, ни слишком понятным (тривиальным). Понимая смысл как прежде всего позитивно-эмоциональное образование, связанное главным образом с эмоциями группы «радость», Р.Х. Шакуров утверждает, что деятельность (и жизнедеятельность) лишается смысла в тех случаях, когда препятствия непреодолимы, и в тех, когда они отсутствуют (Шакуров, 2003). Зависимость сходной формы обнаружена в исследованиях смеха. В соответствии с гипотезой «когнитивного вызова» (Zigler, Levine, Gould, 1967), с которой согласуются некоторые экспериментальные данные, дети с большей вероятностью смеются над шутками, лежащими на границе их растущих возможностей, а не над слишком очевидными или слишком непонятными шутками (см.: Изард, 1980).

К классу колоколообразных можно отнести также кривую динамики одного из трех компонентов любви в модели Р. Стернберга (Sternberg, 1986) в адаптации Б. Войчишке

(Wojciszke, 1989). Мы имеем в виду компонент (intimacy), который в данной концепции связывается с положительными эмоциями. Согласно указанной модели, динамика этого компонента в процессе развития отношения к партнеру (характеризующемся, среди прочего, накоплением информации о нем, повышением эффективности общения с ним и уменьшением степени его «новизны—сложности» для субъекта) характеризуется ростом, который по прошествии определенного времени сменяется падением⁷.

Быть может, как следует из нашей модели, некоторые данные об отсутствии линейной зависимости положительных эмоций от успешности деятельности были бы иными в случае применения исследователями нелинейных статистик вместо линейных. Например, вовлеченность (involvement) в работу, высоко коррелируя с удовлетворенностью разными ее аспектами, прежде всего удовле-

творенностью ее содержанием («удовлетворенностью работой самой по себе», $r = 0.52$), а также степенью ее разнообразия по содержанию и представленностью аспекта контакта с другими людьми (см.: Muchinsky, 1987), заставляет предполагать высокий вес в ней эмоций типа интереса и радости, характерных для имеющей позитивно-эмоциональный характер «внутренней мотивации» (см.: Isen, 2000). При этом вовлеченность не коррелирует линейно с результативностью работы (П.М. Мухински считает это странным, см.: Muchinsky, 1987), что, возможно, объясняется именно нелинейностью указанной зависимости. Другой пример: в работе М. Гартмана (Gurtman, 1992) показано, что с проблемами в общении высоко коррелируют отрицательные эмоции ($r = 0.637$), тогда как положительные эмоции коррелируют с ними (по абсолютной величине) намного ниже ($r = -0.216$)⁸, и именно такое

⁷Идентификация описанного в статье Войчишке второго эмоционального компонента любви, которым является страсть (passion), с точки зрения реализуемого в нашей работе представления об основных измерениях эмоций, является задачей более трудной. Его описание страсти напоминает измерение эмоциональной активации, а соответствующая кривая в целом напоминает нашу кривую интегральной величины эмоций, однако некоторые детали модели любви позволяют усматривать в параметре страсти определенную «примесь» измерения эмоционального баланса. Так, в последней фазе развития любви кривая страсти попадает в квадрант отрицательных значений, несовместимых с природой измерения общей эмоциональной активации, которое характеризуется не знаком переживания, а только его силой. Содержанием же третьего компонента любви (commitment), согласно этой концепции, является когнитивное отражение субъектом широко понимаемой «эффективности-полезности» (баланса приобретений и потерь) данного «межличностного союза» для него, а кривая динамики указанной переменной монотонно растет, напоминая по форме классическую S-образную кривую научения. Именно на последнем компоненте «держится» «любовный» союз двух людей после минимизации двух других его компонентов. Кривая динамики негативных эмоций в этой модели не представлена, что является немаловажным упущением, поскольку всевозможные «страдания» — неперенный атрибут описаний любви в разного рода посвященных ей (прежде всего художественных) текстах.

⁸Проблемы, трудности в общении — это (обратный) показатель его эффективности. Общительность же — это показатель коммуникативной мотивации. Интересно, что с общительностью

соотношение линейных корреляций постулируется моделью в МЗА.

Эмоциональный баланс и интегральная величина эмоций

Имеется сравнительно много данных, в той или иной степени подтверждающих немонотонную одновершинную кривую *эмоционального баланса*⁹, выступающую как находящуюся в границах МЗА часть синусоидальной кривой. Начнем со сделанного В. Вундтом обобщения, согласно которому, «как учит опыт всех времен, самым благоприятным условием для чувства счастья является умеренное обладание благами» (Вундт, 1913, с. 390). Сходные представления обосновывают и некоторые современные авторы. Т. Щитовски считает, что умеренное, а не максимальное обладание благами как наиболее благоприятное условие для

чувства счастья объясняется тем, что человек может получать удовольствие, только испытывая некоторую потребность. Богатые же общества могут лишиться людей удовольствий именно потому, что, давая им возможность легко удовлетворять потребности, не позволяют последним достичь такой степени напряжения, уменьшение которой обусловило бы возникновение чувства удовольствия (Scitovsky, 1976). Одновершинная зависимость эмоционального баланса от некоторых коррелятов эффективности выполняемой работы обнаружена в психологии труда, где показано, например, что наибольшая удовлетворенность имеет место при средних уровнях контроля работника над ситуацией (см.: Warr, 1999). Соответствует ей также известный факт максимальной привлекательности деятельности промежуточных уровней трудности (см.:

(а также экстравертивностью, важным компонентом которой она является) чаще обнаруживается более тесная связь положительных эмоций, чем отрицательных (см., например: Bradburn, 1969; Watson, 2000).

⁹Упомянутые в данном параграфе в связи с эмоциональным балансом переменные (чувство счастья, удовлетворенность, привлекательность и др.) имеют биполярный характер, будучи измеренными либо с помощью прямых биполярных шкал (например: Feldman Barrett, Russell, 1998), либо посредством регистрации поведенческих выборов, например, заданий разной степени трудности (например: Хекхаузен, 2003). Биполярный характер могут также иметь некоторые униполярно измеренные эмоции, если им свойственна имманентная биполярность. В этом случае респондент как бы подразумевает существование противоположного полюса шкалы. Так, согласно доминирующим сегодня размерным представлениям, переживание счастья относится не столько к измерению положительных эмоций, сколько к измерению эмоционального баланса (например: Feldman Barrett, Russell, 1998). Иначе говоря, с переживанием счастья мы имеем дело тогда, когда в его структуре большое количество положительных эмоций сопровождается малым количеством отрицательных. Употребление терминов «негативный» и «позитивный» (например: позитивная или негативная привлекательность) в данном параграфе относится не к униполярным измерениям позитивных и негативных эмоций, а к позитивной и негативной половинам шкалы баланса.

¹⁰Правда, для лиц с доминированием мотива избегания картина может быть иной (см.: Хекхаузен, 2003). Но, во-первых, как следует не только из исследований по мотивации достижения,

Хекхаузен, 2003)¹⁰. Согласуются с обсуждаемой кривой зависимости эмоционального баланса от эффективностных переменных также данные о том, что наибольшие шансы на признание есть у продуктов творческой деятельности (научных теорий, произведений искусства и т. п.), имеющих не слишком малую и не слишком большую степень новизны и оригинальности (Simonton, 1999). Некоторые исследования дают не прямую, а косвенную информацию в пользу существования рассматриваемой здесь зависимости. Если сходство людей между собой (по интересам, установкам, ценностным ориентациям и т. д.) трактовать как фактор, облегчающий ориентацию в особенностях друг друга, то вытекающий из некоторых исследований вывод о наибольшей привлекательности промежуточных уровней межличностного сходства (Brewer, 1991) можно, в частности, понимать как следствие динамики познания: негативная привлекательность малой информированности — позитивная привлекательность промежуточных уровней информированности — индифферентность или негативная привлекательность (скука) высоких уровней информированности¹¹.

В ряде теорий зависимости эмоционального баланса от таких корре-

лятов эффективности деятельности, как степень новизны и сложности объекта, обосновывается не только одновершинность, но и асимметричность этой зависимости, обусловленная разной длиной и наклоном ветвей выражающей ее кривой (инвертированная *J*-образная кривая), что увеличивает ее соответствие рассматриваемой модели в границах МЗА. Согласно такого рода представлениям и релевантным им эмпирическим данным, сильное информационное рассогласование (высокая степень сложности и новизны ситуации для субъекта, которая имеет место при слабой его ориентировке в ситуации, обуславливающей низкую эффективность деятельности) вызывает доминирование негативных эмоций, умеренная степень рассогласования характеризуется преобладанием позитивных переживаний, а слабое рассогласование (минимальная степень сложности—новизны и максимальная эффективность деятельности при максимально возможной степени ее автоматизации) является эмоционально индифферентным (Berlyne, 1971; Mandler, 1982, и др.).

Данные в поддержку идеи инвертированной *J*-образной кривой получены и в многочисленных исследованиях так называемого «эффекта экспозиции» (Р. Зайонц): по мере

но и из множества исследований по проблеме эмоционального благополучия (Diener, Suh, Lucas, Smith, 1999), такой тип личности не является доминирующим; во-вторых, в реальной жизни, в отличие от ситуации лабораторной, человек гораздо чаще имеет возможность реализовать свою тенденцию избегания, вообще отказываясь от выполнения деятельности тех категорий, которые ее актуализируют. Собственно говоря, второе является важной причиной первого.

¹¹В других контекстах такая зависимость может пониматься как результат одновременного действия двух «противоположных» тенденций — стремления быть похожим на других (в рамках решения задачи идентификации с группой) и стремления быть непохожим на других, быть уникальным (в рамках решения задачи идентификации с самим собой) (см.: Jagymowicz, 2003).

увеличения числа предъявлений нового объекта баланс его привлекательности — непривлекательности для субъекта постепенно растет (сдвигается в сторону позитивного полюса), но только до определенного уровня, после чего начинает снижаться (см.: Berger, 1999; Bornstein, 2001; Frederick, Loewenstein, 1999); полученная таким образом немонотонная кривая характеризуется обусловленной ее асимметричностью общей монотонной тенденцией увеличения степени позитивности отношения к объекту (Bornstein, 2001; Monahan, Murphy, Zajonc, 2000; Zajonc, 2001)¹².

Ссылка на одновершинную асимметричную немонотонную кривую эмоционального баланса может прояснить некоторые данные о его прямой и обратной линейной зависимости от эффективностных переменных. В исследовании В.С. Магуна (1979), например, сравнивались выборы более «зрелых» и менее «зрелых» инженеров (молодые инженеры — опытные инженеры; рядовые инженеры — руководители групп и др.). Обнаружилось, что во всех парах зрелые имели значимо более высокий уровень поведенческих проявлений качеств комплекса «самостоятельность — творчество» (правая часть МЗА), чем менее зрелые инженеры (левая часть МЗА). Корреляции между отношением к этим качествам (измеренным разными методиками, имеющими, как правило, «биполярный» характер, т. е. изме-

ряющими позитивно-негативный баланс отношения) и их поведенческими проявлениями у менее «зрелых» инженеров в большинстве случаев оказались положительными (93%), тогда как у их более «зрелых» коллег число положительных связей уменьшилось до 48%, а число отрицательных возросло с 5 до 36. Вырисовывающаяся из этих данных кривая похожа на ту, которая представлена в нашей модели: левая ее ветвь соответствует более выраженным прямым корреляциям, правая — менее выраженным обратным. Рассматриваемая кривая может оказаться полезной и для понимания данных о существовании как положительных, так и отрицательных (реже обнаруживаемых и, как правило, более слабых) линейных корреляций между успешностью деятельности и удовлетворенностью трудом (см., например: Iaffaldano, Muchinsky, 1985). Малая, хотя и значимая, средняя теснота связи между этими переменными может быть обусловлена именно ее нелинейностью, а позитивность этой связи — асимметричностью кривой.

Что касается *интегральной величины эмоций* (общей эмоциональной активации), то проведенные исследования чаще всего обнаруживают тенденцию ее падения по мере освоения ситуации. Так, ориентировочная реакция (вспомним, что ее показатели, как, например, КТР и показатели, используемые исследователями эмоциональной активации, во многих случаях совпадают), согласно

¹²В пользу такой асимметричности немонотонной кривой свидетельствует также множество полученных с помощью линейных статистик данных о существовании общей тенденции улучшения баланса по мере роста успешности деятельности и других эффективностных переменных (см., в частности: Горбатков, 2002).

большинству полученных данных, слабеет по мере уменьшения степени новизны раздражителя (Соколов, 1960)¹³. Во многих экспериментальных исследованиях (некоторые «исключения» соответствуют, вероятно, другим зонам модели) показано также, что решение мыслительных задач более способными испытуемыми в сравнении с менее способными (как и решение легких задач в сравнении трудными) сопровождается менее высоким уровнем активации (см.: Berlyne, 1969).

Многие подкрепленные эмпирическими данными когнитивные теории эмоций, наряду с положением о снижении уровня эмоциональной активации в процессе успешной адаптации индивида, содержат положение о сопровождающем его при этом росте степени позитивности переживаний (см., например: Изард, 1980; Хекхаузен, 2003), т. е. улучшении эмоционального баланса, что также соответствует модели. Такое соотношение направлений изменения двух измерений может обусловить обратную корреляцию между ними. И именно такая связь нередко обнаруживается в исследованиях. Т.А. Ито с соавт. (Ito, Сасиорро, Lang, 1998), например, показали существование обратной корреляции между активацией и валентностью ($r = -0.40, p < 0.001$) при измерении эмоциональной реакции испытуемых на произведения изобразительного искусства. Представление об указанном характере деятельностной динамики эмоциональной активации и эмоционального

баланса имеет достаточно долгую историю. Три столетия тому назад подобные зависимости постулировал Б. Спиноза (1957), сравнивая мудреца с невеждой. Для первого в сравнении со вторым, по его мнению, характерно то, что сегодня мы бы назвали более низкой эмоциональностью при более высокой степени позитивности переживаемых эмоций. Г. Ланге (1896) считает закономерностью снижение эмоциональности по мере интеллектуального развития человека, этот вывод вытекает из сравнения более и менее цивилизованных народов, ранних и продвинутых стадий развития каждого из них, более и менее интеллектуально развитых индивидов и т. д. С другой стороны, интеллектуальное развитие, по Ланге, сопровождается тенденцией возрастания степени позитивности типичного для индивида эмоционального настроения, т. е. баланса эмоций. Подтверждают такую зависимость и работы по общественно-историческому развитию человека. Отмечается как тенденция динамики в направлении от доминирования эмоциональной вовлеченности к доминированию «рациональной нейтральности» (Elias, 2003), так и тенденция увеличения степени позитивности эмоционального баланса (Eibl-Eibesfeldt, 1997; Wojciszke, Pieńkowski, Krzykowski, 1995).

С описываемыми здесь тенденциями, на наш взгляд, до известной степени могут быть соотнесены теоретически и эмпирически обоснованные (в дящемся несколько десятилетий

¹³Если же принять во внимание и более редкие зависимости противоположного характера (зона 1–3), то получим полную, представленную на рис. 1 колоколообразную кривую (Шакуров, 1962).

лонгитюде) положения концепции Томаса и Чесс (Thomas, Chess, 1977; Chess, Thomas, 1984), согласно которой так называемый «трудный темперамент» является конфигурацией черт, среди которых доминирование негативных эмоций и большая интенсивность эмоциональных реакций выступают в тесной связи с замедленной адаптацией к изменениям ситуации функционирования. Противоположные черты (доминирование позитивных эмоций, малая или умеренная интенсивность эмоциональных реакций вместе с выраженной способностью к успешной адаптации к изменениям) характеризуют «легкий темперамент». Значительно более частая встречаемость представителей «легкого темперамента» в сравнении с трудным¹⁴, (первых можно соотнести с гипотетически «многолюдной» средней частью МЗА, вторых — с ее относительно «малолюдной» левой крайней частью) также говорит в пользу возможности связать приведенные данные с МЗА.

Определенную поддержку в литературе находят и те стороны модели, которые могут быть соотнесены с концепциями, касающимися нелинейных аспектов непосредственного (т. е. не опосредованного динамикой успешности деятельности) взаимного соотношения параметров кривых интегральной величины и баланса эмоций в МЗА. Можно полагать, например, что соотношение кривых этих двух измерений в модели МЗА согласуется с известными представле-

ниями Д. Хебба (Hebb, 1955) и Д. Берлайна (см. его концепцию в версии 1967 г.: Berlyne, 1967; см. также: Madsen, 1980) о соответствии максимального позитивного эмоционального баланса промежуточному уровню активации. Указанное соответствие обычно объясняется тем, что такой уровень активации является наиболее привлекательным для большинства людей. С точки же зрения нашей модели это соответствие можно объяснять также и тем, что некоторый достаточно высокий уровень успешности деятельности (успешность выше средней, но ниже очень высокой, т. е. средняя часть МЗА) характеризуется как максимальным позитивным эмоциональным балансом, так и промежуточным уровнем активации (рис. 1). Иначе говоря, по логике модели, человек предпочитает некоторый промежуточный уровень активации не столько потому, что он сам по себе привлекателен, сколько потому, что наиболее привлекательный уровень успешности деятельности является среднеактивирующим. Для менее успешных (т. е. более трудных) деятельностей характерен худший эмоциональный баланс (и при этом очень высокий уровень активации). Возрастающая автоматизированность более успешных деятельностей, делая их очень легкими и ведя к их эмоциональности (неинтересности), также ухудшает баланс переживаний (и связана с очень низким уровнем активации)¹⁵. Все это справедливо

¹⁴Обнаружено 40% первых и 10% вторых в изученной Томасом и Чесс выборке, включающей представителей среднего класса США.

¹⁵Такое объяснение не только вытекает из модели, но и соответствует представлениям, традиционным в не меньшей степени, чем вышеприведенное.

для людей, в аффективной сфере которых ведущую роль играет измерение баланса. И таких людей большинство (Feldman Barrett, 1998¹⁶). Если же в качестве ведущего рассматривать измерение активации, то наряду с людьми, ориентированными на средний уровень активации, можно выделить два других типа людей: ориентированных на высокий и ориентированных на низкий уровень активации и, соответственно, ищущих впечатлений и эмоций или избегающих их (Maio, Esses, 2001; Zuckerman, 1994). Первые как бы реализуют движение от точки 4 к точке 3 модели, вторые — движение от точки 4 к точке 5. Из соотношения высоты и градиентов кривых на отрезках 3–4 (негативный градиент круче, чем позитивный) и 4–5 (позитивный градиент круче, чем негативный) следует, что лица, ориентированные на высокий уровень активации, должны искать не столько позитивные впечатления, сколько негативные, а те, кто ориентирован на низкий уровень активации, должны избегать не столько негативных впечатлений, сколько позитивных. Согласующиеся с этими гипотезами данные получены, например, в исследованиях, проведенных в рамках концепции «поиска впечатлений» М. Цукермана (см. обзор в работе Zuckerman, 1994, а также, например: Szczurkowska, 1993; Zaleski, 1990).

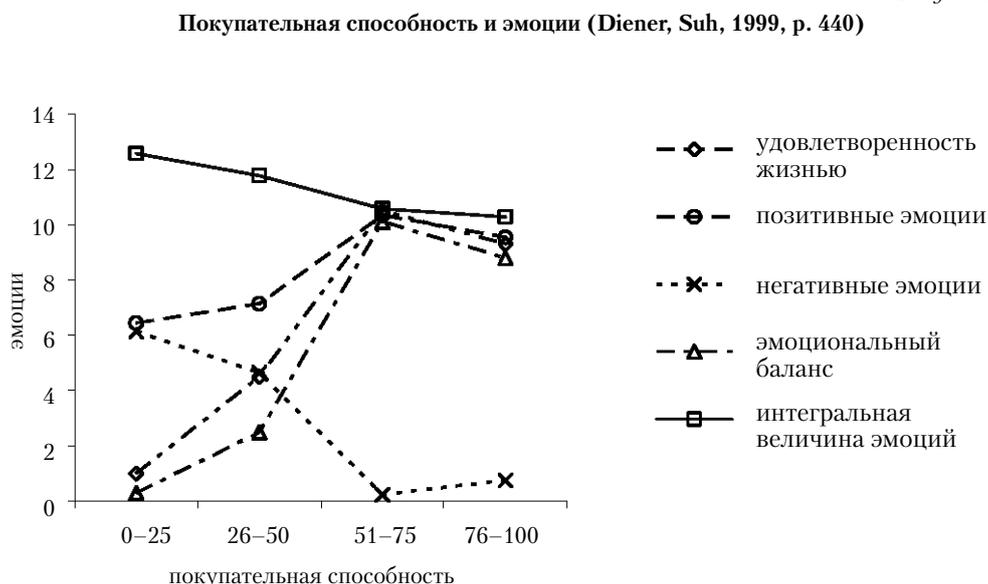
Комплекс четырех измерений эмоций

Здесь мы представим две работы наиболее редкой категории, а именно такие, в которых содержатся данные обо всех четырех измерениях эмоций. Однотипность используемых в такого рода случаях измерительных шкал и рассчитываемых на их основе показателей обеспечивает наибольшую сопоставимость получаемых результатов.

В первой из этих работ осуществлялось сравнительное исследование эмоционального благополучия жителей 40 стран (см.: Diener, Suh, 1999), в котором негативные и позитивные эмоции были измерены с помощью известной шкалы Брадбурна, состоящей из двух отдельных униполярных шкал (Bradburn, 1969), а показатели эмоционального баланса и интегральной величины эмоций рассчитывались нами (на основе имеющихся в источнике данных) по аддитивным формулам (приведены на рис. 1). Кроме того, в работе измерялась общая удовлетворенность жизнью (биполярная переменная типа эмоционального баланса с предположительно бóльшим весом когнитивно-оценочных компонентов в ее структуре; см.: Diener et al., 1999). А интервал оси X нашей модели, которому соответствуют полученные данные, как можно думать, в значи-

¹⁶Концепция Л. Фельдман Барретт (Feldman Barrett, 1998) касается аффективных измерений активации и валентности (баланса). В качестве показателей этих измерений она рассматривает факторные оценки соответственно по общему и биполярному факторам, получаемым в результате факторизации (без ротации) тестовых оценок разнообразных эмоций. А в качестве показателей «фокусированности на активации» и «фокусированности на валентности» Фельдман Барретт рассматривает соотношение этих факторов по информативности. Показана характерная для большинства людей бóльшая «фокусированность» на валентности, чем на активации.

Рисунок 2

Примечание. Представленные в источнике (Diener, Suh, 1999, p. 440) кривые положительных и отрицательных эмоций построены на Z-оценках, что может создать неадекватное впечатление об их взаимном положении. Например, впечатление негативного баланса эмоций в позиции 0–25 оси X на рисунке в источнике является ложным, поскольку, согласно приведенной в этой же работе таблице (Diener, Suh, 1999, p. 436), даже в наихудшем случае баланс эмоций не принимает отрицательной величины. Мы разместили эти кривые на рисунке так, чтобы их положение соответствовало табличным «сырым» оценкам. Кривые эмоционального баланса и интегральной величины эмоций построены на основе показателей, рассчитанных нами на основе аддитивных формул, приведенных на рис. 1.

тельной степени совпадает с МЗА, поскольку рассматриваемые данные получены при обследовании выборок, большинство которых составляют обычные люди ряда «обычных» стран. Такая их локализация, среди прочего, согласуется с приведенными в той же работе (Diener, Suh, 1999, p. 436; см. также рис. 2) данными о том, что даже в случаях «наихудших» из обнаруженных в исследовании средних величин показателей эмоционального баланса они не являются отрицательными (находятся вблизи зоны амбивалентности —

сходства по величине эмоций противоположных знаков), а средний уровень позитивных эмоций в целой выборке стран существенно превышает средний уровень негативных эмоций. Исследование показало (рис. 2), что по мере роста среднего уровня покупательной способности людей (один из показателей эффективности их жизнедеятельности) динамика переживаемых ими позитивных эмоций характеризуется подъемом с последующей стабилизацией и наступающим затем некоторым снижением, что примерно соответствует

картине в области МЗА нашей модели (рис. 1). При этом изменение отрицательных эмоций описывается кривой, сравнительно слабый подъем которой на последнем этапе ее динамики также позволяет, как нам кажется, считать ее не противоречащей существенно форме зависимости, представленной в той же зоне теоретической модели. Сходными с нашими являются также кривые эмоционального баланса и интегральной величины эмоций. Валидность кривой эмоционального баланса до известной степени подтверждается почти идентичной с ней кривой удовлетворенности жизнью, поскольку последняя, будучи, как и эмоциональный баланс, биполярной переменной, измерялась иначе. Удовлетворенность жизнью имеет показатель, полученный не на основе измеренных с помощью отдельных униполярных шкал ее позитивных и негативных

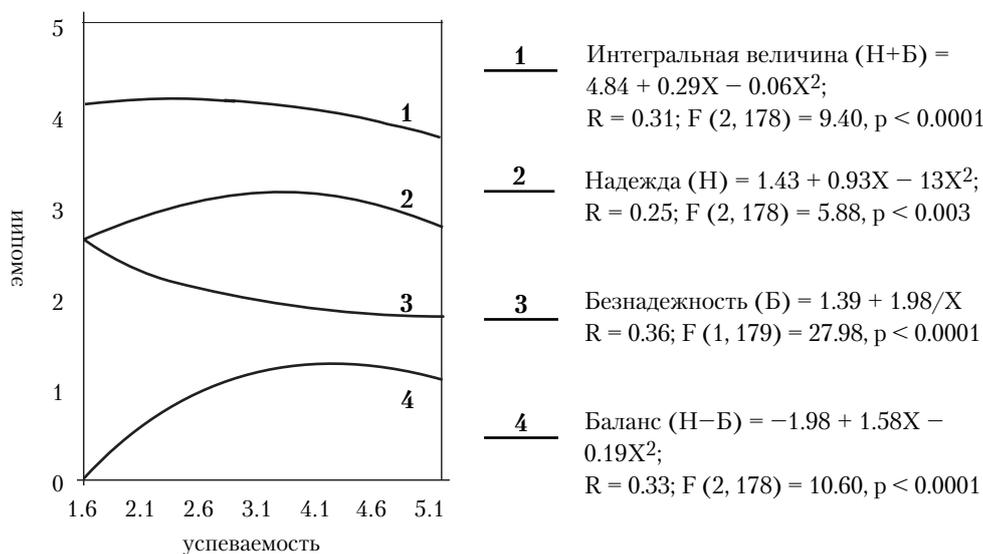
составляющих, а при «прямом» измерении с помощью биполярной шкалы типа «удовлетворен—не удовлетворен».

Более непосредственно — в сравнении с описанным исследованием — независимая переменная модели (успешность деятельности) была представлена в работе А.А. Горбаткова (Горбатков, 2003; Gorbatkow, 2001), где измерялась успеваемость 181 учащегося восьмых классов польской общеобразовательной школы (средний возраст 14.3 лет). В качестве эмоциональных переменных фигурировали измеренные с помощью модифицированной шкалы А. Бека (см.: Gorbatkow, 2002) чувства надежды и безнадежности. Показатели эмоционального баланса и интегральной величины эмоций рассчитывались на основе аддитивных формул.

Связи, характеризующие динамику четырех измерений эмоций по мере

Рисунок 3

Успеваемость и эмоции (Горбатков, 2003, с. 84)

роста успехов в учебе, оказались следующими (рис. 3). Наилучшей аппроксимацией для надежды оказалась квадратическая функция в форме колоколообразной кривой: по мере роста школьной успеваемости примерно до 3.5 баллов (при шестибальной системе оценок) уровень переживания этой положительной эмоции растет, в то время как дальнейший рост достижений субъекта сопровождается ее снижением. Наиболее значимой для безнадежности оказалась гиперболическая аппроксимация, отражающая сопровождающее рост успехов монотонное снижение уровня этой эмоции. Динамику баланса эмоций характеризует квадратическая зависимость в форме перевернутой буквы *J* с тенденцией роста. Деятельностная динамика интегральной величины эмоций выразилась в квадратической функции в форме немонотонной кривой с тенденцией снижения.

«Неассимилирующиеся» литературные данные

В данном параграфе мы хотели бы привлечь внимание к тому, что применительно к ряду (не обсуждавшихся в настоящей работе) областей психологии эмоций, особенно тех, которые имеют не столько теоретическую, сколько эмпирическую родословную, работа с литературой может оказаться весьма нелегкой. В качестве одной из наиболее «проблемогенных» в рассматриваемом отношении нам видится область сложных аффективно-поведенческих комплексов, таких, например, как депрессия. Так, весьма интересной представляется зависимость, согласно которой

более высокие уровни депрессии связаны с крайними уровнями трудности выполняемой работы, а наименьшей «способностью» вызывать депрессию обладает средний уровень трудности (Caplan et al., 1975; цит. по: Argyle, 1994, p. 88). Но как вписать такую зависимость в рамки рассматриваемой в настоящей работе модели? Если депрессию связать с группой отрицательных эмоций, эта закономерность будет противоречить как модели, так и приведенным выше данным о монотонной обратной зависимости «главной» отрицательной эмоции — тревожности — от уровня выполнения деятельности. Если же депрессивные эмоции понимать не столько как негативные, сколько как «непозитивные», т. е. как часть группы эмоций, занимающих в эмоционально-оценочном пространстве место в области противоположного полюса измерения положительных эмоций, то полученную в этом исследовании зависимость можно рассматривать как согласующуюся с кривой, представленной в модели.

Описанные многими авторами данные в большей степени склоняют к принятию второго способаdimensionальной интерпретации депрессивных эмоций, чем первого. Понимание такого рода эмоций, как связанных не столько с негативнозначимыми событиями, сколько с отсутствием позитивнозначимых событий, характерно для некоторых классических (Фрейд, 1923) и современных (см., например: Huflejt-Łukasik, 1999) концепций депрессии. Сходное понимание dimensionальной сути депрессивных эмоций свойственно также некоторым более общим теоретическим представлениям о структуре

аффективного пространства (например: Russell, Feldman Barrett, 1999), реализуемым также в психологии труда (например: Wag, 1999), где именно и получены обсуждаемые данные об U-образной зависимости депрессии от трудности выполняемой профессиональной деятельности. Исследования свойственных людям *представлений об эмоциях* (взаимной семантической близости разных «эмоциональных» терминов) подтверждают теоретическую круговую модель аффективного пространства «circumplex», которая постулирует ортогональность депрессии и негативных эмоций типа тревожности. Картина зависимостей, обнаруживаемых при измерении *самых эмоций* несколько иная: здесь указанные переменные значимо коррелируют между собой по той причине, что, как упоминалось выше, в реальности для аффективной сферы большинства людей характерна ведущая роль измерения баланса в дименсиональной паре баланс–активация и связанная с этим некоторая деформация «эмоционального круга» (Feldman Barrett, 1998). Однако абсолютная величина (обратной) корреляции депрессивных эмоций с эмоциями положительными является существенно более тесной (например: Feldman Barrett, Russell, 1998, р. 975), что свидетельствует в пользу мнения о принадлежности депрессивных переживаний скорее к измерению позитивных эмоций, чем негативных. Таким образом, есть некоторые основания для включения данных об U-образной зависимости

депрессии от уровня трудности деятельности в разряд скорее поддерживающих нашу модель, чем противоречащих ей.

С другой стороны, осмысленной кажется и совсем иная интерпретация. Если депрессию все же отнести к измерению отрицательных эмоций (отделив их от также свойственных ей эмоциональных состояний типа апатии, релевантных, возможно, точке 1 модели; см.: Горбатков, 2004), то, быть может, левый конец обсуждаемой эмпирической U-образной кривой (выраженная депрессия) соответствует точке 2 модели (высокий уровень отрицательных эмоций при высоком уровне трудности деятельности), а правый конец этой кривой (также выраженная депрессия) *выходит за границы модели*¹⁷. Поясним нашу мысль. Указанные два конца кривой, видимо, можно связать с двумя типами депрессии. Один обусловлен неудовлетворением потребностей сохранения, другой – потребностей развития (см.: Симонов, 1981). Депрессия второго типа (связанный с предельно низким уровнем трудности деятельности конец кривой), скорее всего, не столько соответствует крайней правой точке оси X модели (точка 5 на рис. 1), сколько находится на оси совсем другой переменной. В норме этой точке соответствует не депрессия, а спокойное, или, лучше сказать, индифферентное, без эмоций, выполнение человеком относительно высоко автоматизированной, а значит, легкой для него и максимально эффективной

¹⁷Наименьший же уровень депрессии на этой кривой выражает то, что характерно для большинства людей (средненормальный уровень трудности деятельности), и должен соответствовать средней точке МЗА модели.

деятельности. И только если деятельность в течение длительного времени выполняется на неизменном уровне при отсутствии «внешней» или/и «внутренней» возможности перехода на новый уровень функционирования, или, иначе говоря, имеет место *застой*, может развиться депрессия, т. е. динамика эмоций в этом случае обусловлена изменением не столько эффективности ситуации человека (здесь: застой), сколько ситуации временной (время продолжает идти), чему соответствует не ось эффективности деятельности (или трудности деятельности как обратного показателя эффективности) в моделях типа нашей, а ось времени, ось длительности пребывания человека в стагнации. Это, впрочем, касается и другого конца эмпирической кривой, который мы выше связали с точкой 2 оси X модели (или точкой 1 в случае апатии). В норме этим точкам, очевидно, соответствуют «нормальные» отрицательные эмоции (при очень трудной ситуации) или равнодушие (при ситуации, представляющейся субъекту неразрешимой), которые, меняясь по мере освоения ситуации (или при ее смене), не задерживаются надолго в такой позиции. Депрессивные же эмоции становятся возможными, если «нахождение» в какой-то из этих точек чрезмерно «затянется». И здесь решающим оказывается временной фактор. Очевидно, что ось времени (стагнации) должна рассматриваться в рамках какой-то другой модели. За границы нашей модели (и рассматриваемой в данной работе проблемы вообще) случай *застоя* выходит именно потому, что ее сутью является *динамика* — динамика эффектив-

ностных переменных как фактор, детерминирующий изменения в эмоциях. Иначе говоря, если стагнационно-временная интерпретация эмпирической U-образной кривой депрессии является верной, то эта кривая не релевантна нашей модели.

Заключение

По нашему мнению, приведенные данные в своем большинстве обнаруживают соответствие предложенной модели в границах МЗА, позволяющее надеяться, что дальнейшая работа с литературой вряд ли даст существенные основания для отказа от нее. Более вероятным мы считаем нахождение новых, релевантных модели, быть может, не вполне согласующихся с ней фактов, которые могут послужить основанием для ее развития. Что касается новых исследований, то наиболее очевидной является нужда в данных о динамике положительных эмоций в зависимости от более или менее непосредственных мер эффективности деятельности. Недостаточное количество исследований такого типа, вероятно, обусловлено, помимо прочего, неукорененностью в обсуждаемой проблематике представления о них как относительно не зависящих от эмоций отрицательных (см.: Горбатков, 2002а) при значительно большей исследовательской «популярности» последних. А именно немонотонная одновершинная кривая положительных эмоций в модальной зоне активности данной модели производит впечатление наиболее нетривиальной. При разработке данной темы явно недостаточное внимание исследователи уделяют измерению интегральной величины

эмоций (общий уровень эмоциональной активации) (см., например: Wagt, 1999). Все это намечает пути дальнейших поисков.

Представляется необходимым не только продолжать и углублять поиск и анализ результатов исследований, полученных в группах обычных людей, функционирующих в обычных условиях («функциональное большинство», соответствующее МЗА), но и расширять работу, распространяя ее на популяции, более экстремальные по параметрам, связанным с эффективностью деятельности («функциональные меньшинства»). Причем из расширительного понимания независимой переменной модели (см. выше) следует, что с «зонами функциональных меньшинств» можно связывать не только выборки лиц с очень низким или очень высоким уровнем эффективности выполняемой ими деятельности, но также выборки, выделенные на основе других имеющих экстремальные уровни факторов удовлетворения жизненно важных потребностей. Таковыми, например, могут быть выборки людей, функционирующих в очень опасных и сложных или, наоборот, в исключительно безопасных и облегченных условиях. Одной из наиболее интересных и наименее исследованных, на наш взгляд, является зона 1–2 модели, где по мере освоения ситуации растут не только положительные эмоции, но — как бы вопреки здравому смыслу — растет также уровень отрицательных эмоций. Иллюстрацией этого явления, нам кажется, может служить «парадоксальное» увеличение тревожности по мере уменьшения опасности ситуации, нашедшее свое отражение в данных Р. Студенского

(Studenski, 1981). Проведенное им обследование шахтеров (повышенный уровень опасности позволяет, как мы полагаем, связать эту профессию в некоторых ее аспектах с обсуждаемым отрезком оси X модели), работающих в шахтах с различной вероятностью аварийности, показало существенный рост тревожности по мере снижения вероятности аварий ($p < 0.01$; а после объединения «соседних» выборок, что мы сделали на основе приведенных в этой статье данных, значимость возросла до $p < 0.00001$). Кроме того, в одной из обследованных выборок с ростом стажа от нуля до пятнадцати лет, или, иначе говоря, с ростом профессионального опыта и уровня овладения опасной ситуацией, также обнаружена тенденция повышения тревожности ($p < 0.05$).

Как показала наша работа с опубликованными результатами исследований, в некоторых случаях ассимиляция представляющихся релевантными проблеме данных является заданием сложным. Это касается, например, тех областей психологии эмоций, которые были порождены не столько логикой развития науки, сколько нуждами практики. Так, анализ (в контексте модели) данных, касающихся влияния трудности деятельности на депрессию, оказался нелегким вследствие отсутствия возможности ее уверенной идентификации в аффективном плане как связанной с измерениями негативных или позитивных эмоций. Немалые трудности возникли и при попытке определения сути независимой переменной в рассматриваемой зависимости. Такое положение вещей обуславливает интерпретации типа «с одной стороны... с другой стороны...».

Отмеченные сложности показывают, что для продвижения вперед в выбранной нами области изысканий нужны дальнейшие исследования при четко обозначенных позициях в аспектах ди-

менциональности и линейности—нелинейности реализуемых теоретических подходов с очищением—разведением содержания как независимых, так и зависимых переменных.

Литература

Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.

Вундт В. Основы физиологической психологии. СПб., 1913. Т. 2.

Горбатков А.А. Динамика связи между положительными и отрицательными эмоциями // Вопросы психологии. 2002а. № 4. С. 132–140.

Горбатков А.А. Успешность деятельности и эмоции. Эскиз модели // Мир психологии. 2002б. № 4. С. 48–65.

Горбатков А.А. Модальная зона активности: к проблеме зависимости эмоций от успешности деятельности // Психологический журнал. 2003. № 4. С. 78–92.

Горбатков А.А. «Информационная» и «энергетическая» модели влияния результатов деятельности на эмоции // Психологический журнал. 2004. № 4. С. 41–55.

Гордеева Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 47–102.

Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Ланге К.Г. Душевные движения. СПб.: Павленков, 1896.

Магун В.С. Диспозиции и реальное поведение личности // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979. С. 120–159.

Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: Психологическая природа

и возрастная динамика. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000.

Рабинович П.Д., Нурждина М.П. Зависимость успеваемости студентов от их характерологических особенностей // Вопросы психологии. 1987. № 6. С. 112–115.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.

Соколов Е.Н. Нервная модель стимула и ориентировочный рефлекс // Вопросы психологии. 1960. № 4. С. 60–75.

Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1.

Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Смысл, 2003.

Шакуров Р.Х. Об эмоциональном компоненте ориентировочного рефлекса // Вопросы психологии. 1962. № 2. С. 156–165.

Шакуров Р.Х. Психология смыслов: теория преодоления // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 18–33.

Argyle M. The social psychology of everyday life. London and N.Y.: Routledge, 1994.

Berger J.E. The influence of advertising frequency on attitude-behavior consistency: A memory based analysis // Journal of Social Behavior and Personality. 1999. Vol. 4. P. 547–568.

Berlyne D.E. Arousal and reinforcement // D. Levine (ed.). Nebraska symposium on motivation. Lincoln: University of Nebraska Press, 1967. P. 1–110.

- Berlyne D.E.* Struktura i kierunek myślenia. W.: PWN, 1969.
- Berlyne D.E.* Aesthetics and psychobiology. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1971.
- Bornstein R.F.* Efekt samej ekspozycji // Encyklopedia Blackwella. Psychologia społeczna / A.S.R. Manstead, M. Hewstone (eds.). W.: Jacek Santorski & Co, 2001. P. 73–74.
- Bradburn N.M.* The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine, 1969.
- Brewer M.B.* The social self: On being the same and different at the same time // Personality and Social Psychology Bulletin, 1991. Vol. 17. P. 475–482.
- Caplan R.D., Cobb S., French J.R.P., Van Harrison R., Pinean S.R.* Job Demands and Worker Health. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, 1975.
- Chess S., Thomas A.* Origins and evolution of behavior disorders: From infancy to early adult life. N.Y.: Brunner/Mazel, 1984.
- Csikszentmihalyi M.* Psychologia optymalnego doświadczenia. Przeptyw. W.: Studio EMKA, 1996.
- Diener E., Suh E.M.* National differences in subjective well-being // D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.). Well-Being. The foundations of Hedonic Psychology. N.Y.: Russell Sage, 1999. P. 434–450.
- Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L.* Subjective well-being: Three decades of progress: 1967 to 1997 // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. P. 276–302.
- Eibl-Eibesfeldt I.* Miłość i nienawiść. W.: PWN, 1997.
- Elias N.* Zaangażowanie i neutralność. W.: PWN, 2003.
- Feldman Barrett L.* Discrete emotions or dimensions: The role of valence focus and arousal focus // Cognition and Emotion. 1998. Vol. 12., P. 579–599.
- Feldman Barrett L., Russell J.A.* Independence and bipolarity in the structure of current affect // J. of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. P. 967–984.
- Frederick S., Loewenstein G.* Hedonic adaptation // D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.). Well-Being. The foundations of Hedonic Psychology. N.Y.: Russell Sage, 1999. P. 302–329.
- Gorbatkow A.A.* On the dependence of hope and hopelessness on a level of performance // VIIth European Congress of Psychology. Book of abstracts. London: EFPPA, 2001. P. 132.
- Gorbatkow A.A.* Skala nadziei-beznadziejności dla adolescentów: trafność konwergentna i dyskryminatywna // Psychologia Rozwojowa. 2002. Vol. 7 (3). P. 121–132.
- Gorbatkow A.A.* Model of the dependence of affective dimensions on activity efficiency // VIIIth European Congress of Psychology. Abstract book. Vienna: BOP, 2003. P. 318.
- Gray J.A.* The psychology of fear and stress. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Gurtman M.B.* Trust, distrust, and interpersonal problems: a circumplex analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62. P. 989–1002.
- Hebb D.O.* Drives and the CNS (conceptual nervous system) // Psychological Review. 1955. Vol. 62. P. 243–254.
- Hufleit-Lukasik M.* Depresja – wybrane modele teoretyczne // Nowiny psychologiczne. 1999. Vol. 1. P. 5–20.
- Iaffaldano M.T., Muchinsky P.M.* Job satisfaction and job performance: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1985. Vol. 97. P. 251–273.
- Isen A.M.* Positive affect // T. Dalgleish, J. Power (eds.). Handbook of cognition and emotion. Chichester: Wiley, 2000. P. 521–541.
- Ito T.A., Cacioppo J.T., Lang P.J.* Eliciting affect using the International Affective Picture System: Trajectories through Evaluative Space // Personality and Social Psychology Bulletin. 1998. Vol. 24. P. 855–879.

- Jamal M.* Job stress and job performance controversy: An empirical assessment // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1984. Vol. 33. P. 1–21.
- Jarymowicz M.* O utajonych przejawach atrakcyjności i awersyjności podobieństwa JA – INNI // *Przegląd psychologiczny*. 2003. Vol. 46 (3). P. 237–252.
- LeDoux J.* *Mózg emocjonalny*. Poznań: Media Rodzina of Poznań, 2000.
- Lewicka M.* Mechanizmy zaangażowania i kontroli w działaniu człowieka // M. Kofta (ed.). *Psychologia aktywności: zaangażowanie, sprawstwo, bezradność*. Poznań: Nakom, 1993. P. 15–62.
- Lewis M., Haviland J.M.* (eds.). *Handbook of emotions*. N.Y.: Guilford Press, 2000.
- Madsen K.B.* *Współczesne teorie motywacji*. W.: PWN, 1980
- Maio G.R., Esses V.M.* The Need for Affect: Individual Differences in the Motivation to Approach or Avoid Emotions // *Journal of Personality*. 2001. Vol. 69. №. 4. P. 583–614.
- Mandler G.* The structure of value: Accounting for taste // M.S. Clark, S.T. Fiske (eds.). *Cognition and affect*. New York: Academic Press, 1982.
- Monahan J.L., Murphy S.T., Zajonc R.B.* Subliminal mere exposure: Specific, general, and diffuse effects // *Psychological Science*. 2000. Vol. 11. P. 462–466.
- Muchinsky P.M.* *Psychology Applied to Work. An Introduction to Industrial and Organizational Psychology*. Chicago, Illinois: The Dorsey Press, 1987.
- Mueller J.H.* Anxiety and performance // A.P. Smith, D.M. Jones (eds.). *Handbook of human performance*. London: Academic Press, 1992. Vol. 3. P. 127–160.
- Pintrich R.R., DeGroot E.V.* Motivational and self-regulated learning components of classroom academic performance // *Journal of Educational Psychology*. 1990. Vol. 82. P. 33–40.
- Podsakoff P.M., MacKenzie S.B., Bommer W.H.* A meta-analysis of the relationship between Kerr and Jermier's substitutes for leadership and employee job attitudes, role perceptions and performances // *J. of Applied Psychology*. 1996. Vol. 81. P. 380–399.
- Russell J.* Measures of emotion // R. Plutchik, H. Kellerman (eds.). *Emotion. Theory, research, and experience*. Toronto, Ontario, Canada: Academic Press, 1989. Vol. 4. P. 83–111.
- Russell J.A., Feldman Barrett L.* Core Affect, Prototypical Emotional Episodes, and Other Things Called Emotion: Dissecting the Elephant // *J. of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 76. P. 805–819.
- Scitovsky T.* *The joyless economy*. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Seipp B.* Anxiety and Academic Performance: A Meta-analysis of findings // *Anxiety Research*. 1991. Vol. 4 (1). P. 27–41.
- Shore L.M., Martin H.J.* Job satisfaction and organizational commitment in relation to work performance and turnover intentions // *Human relations*. 1989. Vol. 42. P. 625–638.
- Simonton D.K.* Creativity from a historic perspective // R.J. Sternberg (ed.). *Handbook of creativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 116–133.
- Snow R.E., Swanson J.* Instructional psychology: Aptitude, adaptation, and assessment // *Annual Review of Psychology*. 1992. Vol. 43. P. 583–626.
- Spector P.E.* Interactive effects of perceived control and job stressors on affective reactions and health outcomes for clerical workers // *Work & Stress*. 1987. Vol. 1. P. 155–162.
- Spielberger C.D., O'Neil H.F., Hansen D.N.* Anxiety, drive theory and computer assisted learning // B.A. Maher (ed.). *Progress in experimental personality research*. New York, 1972.
- Sternberg R.J.* A triangular theory of love // *Psychological review*. 1986. Vol. 93. P. 119–135.

- Strelau J.* Psychologia temperamentu. W.: PWN, 1998.
- Studenski R.* Poziom lęku przed zagrożeniem a wypadki przy pracy // Przegląd Psychologiczny. 1981. Vol. 24 (1). P. 137–135.
- Szczurkowska J.* Potrzeba poszukiwania wrażeń według koncepcji M. Zuckermana a preferencja sytuacji o różnym ładunku emocjonalnym // Kieleckie Studia Pedagogiczne i Psychologiczne. Vol. 7. Kielce: WSP. 1993. P. 99–118.
- Teigen K.H.* Intrinsic interest and the novelty-familiarity interaction // Scandinavian Journal of Psychology. 1987. Vol. 28. P. 199–210.
- Thomas A., Chess S.* Temperament and Development. New York: Brunner/Mazel, 1977.
- Vroom V.B.* Work and motivation. N.Y.: Wiley, 1964.
- Warr P.B.* Well-Being and the Workplace // D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.). Well-Being. The foundations of Hedonic Psychology. N.Y.: Russell Sage, 1999. P. 392–412.
- Warr P.B., Bunce D.J.* Trainee characteristics and the outcomes of open learning // Personnel Psychology. 1995. Vol. 48. P. 347–375.
- Watson D.* Mood and temperament. N.Y.: Guilford Press, 2000.
- Wojciszke B.* Dynamika miłości // Przegląd psychologiczny. 1989. Vol. 3. P. 711–730.
- Wojciszke B., Pieńkowski R., Krzykowski R.* Polska norma negatywnego myślenia o świecie społecznym: niezadowolenie z życia, kraju i prezydenta // B. Wojciszke (red.). Jacy są Polacy? Kolokwia psychologiczne. Vol. 4. W.: IP PAN, 1995. P. 23–42.
- Zigler E., Levine J., Gould L.* Cognitive challenge as a factor in children's humor appreciation // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 6. P. 332–336.
- Zuckerman M.* Behavioral expressions and biosocial bases of sensation seeking. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.
- Zajonc R.B.* Mere exposure: A gateway to the subliminal // Current Directions in Psychological Science. 2001. Vol. 10. P. 224–228.
- Zaleski Z.* Potrzeba wrażeń jako motyw poszukiwania pozytywnej i negatywnej stymulacji // A. Januszewski, Z. Uchnast, T. Witkowski (eds.). Wykłady z psychologii w KUL. Vol. 5. Lublin: RW KUL, 1990. P. 31–40.

---

*Специальная тема выпуска:
В.Н. Дружинин — 50 лет*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В своей книге «Психология общих способностей» Владимир Николаевич Дружинин со ссылкой на М. Зощенко обсуждает проблему критических дат в жизни творческих людей и приводит список великих людей, умерших в возрасте 37–38, 42 и 45 лет. Это Пушкин и Моцарт, Рафаэль и Маяковский, Рембо и Гоголь... В этом списке нет психологов, однако, к сожалению, и они не ушли от этой мрачной и таинственной закономерности. В 38 лет умер Л.С. Выготский, в 42 — В.Д. Небылицин, в 45 — сам В.Н. Дружинин.

Владимир Николаевич Дружинин родился в 1955 году в селе Дунино Ярославской области, с золотой медалью окончил школу, а затем с наименьшим блеском (ничего, кроме пятерок, за все время обучения) — Ярославский университет. Дальнейшая его научная судьба связана с Институтом психологии АН СССР (позднее — РАН), где он защитил кандидатскую и докторскую диссертации и прошел все ступени лестницы от младшего научного сотрудника до заведующего лабораторией психоло-

гии способностей и заместителя директора. В.Н. Дружинин основал Институт психологии Государственного университета гуманитарных наук и до своей смерти в 2001 году был его директором-деканом.

Владимир Николаевич много сделал как администратор и организатор науки, но все же в первую очередь он был ученым. Он внес вклад в целый ряд научных областей: психологию интеллекта и психодиагностику, психологию творчества и семьи, экзистенциальную психологию и методологию. Большой ученый, однако, не только разрабатывает ту или иную научную область, но еще и привносит в науку свой собственный стиль, свой подход, оригинальный взгляд на вещи. Творческий расцвет Владимира Николаевича пришелся на трудное для нашей науки время — 90-е годы XX века, когда постсоветская психология, получая мизерное финансирование, искала новое место в обществе. Это было время эмиграции из науки, внешней (за границу) и внутренней (в более оплачиваемые сферы бизнеса), а также поиска новых

ориентиров, связанного с уходом марксистской идеологии и необходимостью осознания собственной идентичности в условиях открывшегося взаимодействия с западными психологами.

Будучи ярко выраженным генератором идей, В.Н. Дружинин с удивительной легкостью порождает замыслы, включающие теоретическую модель и способы ее эмпирической проверки. Эмпирические исследования, выполненные В.Н. Дружининым или под его руководством, всегда одухотворены идеей, моделью. Его теории эмпирически проверяемы и в то же время включены в культурный контекст. Его общекультурная эрудиция была огромна, и в своих теоретических построениях он легко оперировал идеями раннехристианских мыслителей и данными современных социологических опросов, концепциями из квантовой физики и высказываниями поэтов, текстами Унамуно и математической теорией тестов.

Особенностью мышления Владимира Николаевича было то, что, разработав множество моделей, он не проявлял видимого интереса к их объединению в единую сверхтеорию и только усмехался в ответ на предложение это сделать. Он не отождествлял себя со своими теориями, был готов признавать их временным полезным инструментом, который можно будет отбросить при появлении лучшего инструмента. Было впечатление, что он столь же мало ценит порождаемые им модели, сколь легко они ему даются. Так же примерно он относился к чужим теориям, в чем, вероятно, одна из причин его непочтительности к авторитетам. Однаж-

ды в публичном докладе он назвал рассуждения одного из классиков нашей психологии «художественным свистом», чем навлек на себя гнев некоторых своих весьма уважаемых слушателей. В то же время он мог оценить работу никому не известного автора. В своих книгах он с одинаковым почтением цитировал работы академиков и аспирантов.

Большой ученый — всегда индивидуальность. Вряд ли кто-либо другой, подражая стилю В.Н. Дружинина, смог бы создать малую часть того, что удалось ему. Владимир Николаевич был ярким носителем созидательной и антидогматической идеи, он не только сам внес большой вклад в науку, но и разбудил способность к научному творчеству во многих людях из своего окружения.

В этом номере журнала рубрика «Специальная тема» посвящена памяти Владимира Николаевича, которому в августе исполнилось бы 50 лет. Мы публикуем воспоминания его вдовы Натальи Валентиновны, выдержки из его работ разных лет, фотографии и стихи Владимира Николаевича, а также три научные статьи, которые с разных сторон освещают творчество ученого.

*Д.В. Ушаков,
редактор раздела
«Специальная тема номера»*

ЖИЗНЬ КАК ТВОРЧЕСТВО

Н.В. ДРУЖИНИНА

Дружинина Наталья Валентиновна — супруга Владимира Николаевича Дружинина, математик.

Четыре года Владимира Николаевича нет с нами, а его идеи живут, и то, что было непонятно или вызывало сопротивление тогда, сейчас востребовано.

Идей было множество, он их генерировал постоянно и щедро делился с коллегами. Потом некоторые, подбывая их, писали статьи — он никогда не обижался на это, просто не замечал. Приятели не раз советовали ему быть осторожнее и не разбрасываться собственными мыслями, на что муж отвечал: «Пусть пользуются чужими, если своих нет, а мне некогда проверять все свои идеи».

Откуда он их брал? Отовсюду. Из воздуха. Иногда я была очевидцем тех самых состояний, когда ученый вскрикивает «Эврика!». Как-то Владимир Николаевич сел на диван смотреть телевизор. На журнальном столе перед ним лежала книга «Лекции по астрологии» М.Б. Левина, раскрытая на странице, где известный астролог размышляет о распределении

ролей в христианской троице: Отец, Сын и Дух Святой. Владимир Николаевич машинально стал читать текст. «Дух на иврите (Шехина, Шхна) — женского рода, т. е. Дух — женское начало, Отец — мужское начало, а Сын — синтез мирового мужского начала и женского начала и результат их взаимодействия, он — жизнь». Прочитав эту фразу, Владимир Николаевич на несколько минут замер, сконцентрировался, взял лист бумаги и, уйдя в себя, начал быстро писать своим непонятным почерком, который потом было трудно разобрать, потому что рука не успевала за мыслью. Остановившись, объяснил, что ему в голову пришла гениальная мысль о том, что каждая культура порождает определенную нормативную модель семьи, структура отношений в которой отражает отношения между основными действующими лицами религиозной доктрины, являющимися символами веры. Более того, в религии эти отношения приобретают

освященное, идеальное, предписываемое значение: так фиксируется идеал человеческих отношений и поведения. Вскоре появилась книга «Психология семьи».

В век «воинствующего индивидуализма», когда люди привыкли больше говорить, нежели слушать, больше презентировать себя, чем воспринимать окружающих, он на удивление быстро понимал всех, часто даже быстрее, чем человек успевал договорить. Читая чужие работы, диссертации, на которые нужно было дать отзыв, быстро ухватывал главную мысль, часто выводил следствия из работы намного интереснее авторских. Подсказывал, какие более яркие результаты можно извлечь, при этом не напрашиваясь в соавторы. Всегда старался улучшить чужой труд, и многие люди были ему благодарны за это.

Будучи ярким лидером, не старался окружить себя людьми посредственными, которые могли бы создать ровный фон для его сверкания. Не боялся конкуренции, уважал творческие личности, всегда оказывал поддержку и был абсолютно лишен чувства зависти. Ему нравился ответ Черчилля на вопрос, заданный ему: «Почему в Англии нет антисемитизма?» — «Потому что англичане не считают себя глупее евреев».

Идеи вылетали из него фейерверком. Многие «опробовал» на мне, спрашивая: «Правда, гениально?» Я, как математик, бывало, находила в них логические ошибки, брюзжа: «Что же гениального в том, что из десяти идей только одна оказывается верной?» — «Зато у меня их много, а у других вообще ни одной». И был прав, потому что две верные идеи из двадцати — это уже много.

Никогда не заикливался на одной идее. А.Н. Воронин в своих воспоминаниях о Владимире Николаевиче, вошедших в сборник тезисов «Психология способностей», изданный к конференции, посвященной 50-летию В.Н. Дружинина, описывает случай совместной работы над проблемой способностей. Результаты сложной обработки данных не подтвердили ни одной выдвинутой гипотезы, что обескуражило Владимира Николаевича, но ненадолго. Через полчаса он радостно сообщил, что все можно очень просто объяснить с помощью его новой теории способностей в разных условиях социального контроля. А.Н. Воронина смутило такое несоответствие их представлений о способностях полученным результатам, и, перепроверив данные, он нашел ошибку в заданных параметрах. Повторная процедура обработки данных дала результаты, в общих чертах соответствующие прежним гипотезам. Сообщив о найденной ошибке Владимиру Николаевичу, он в ответ услышал: «Вот и мне на собственном опыте пришлось убедиться, что в основе новой теории часто лежит какая-то ошибка».

Жизнь заставила проверять идеи экспериментально. Этот опыт был обобщен в книге «Экспериментальная психология», которая, судя по количеству изданий, стала бестселлером у психологов еще до того, как ей присвоили гриф учебника. Психологи говорят: ничего лучшего в этой области еще никто не написал. И не случайно на конференции, посвященной 50-летию В.Н. Дружинина, работа шла по двум направлениям: 1) способности, одаренность, творчество и 2) экспериментальная психология.

Был талантлив сам — занимался изучением одаренности. Читая его статьи, вижу, что он описывал свое «одаренное детство». Обобщенный портрет талантливого человека, который Владимир Николаевич приводит в своих книгах и статьях, как будто списан с него. Это автономность поведения, независимость в суждениях и поступках; высокая развитость эстетического чувства; эмоциональная ранимость и повышенная тревожность. Нетипичное, с точки зрения большинства, поведение одаренных людей создает проблемы в общении. Владимир Николаевич не мог понять «необходимости безусловного принятия условных социальных отношений». Меня несколько смущало то, что в работах Владимира Николаевича в виде теории был изложен его личный опыт. Мне казалось, что каждый одаренный человек должен быть одарен по-своему. Прочитав воспоминания о муже А.В. Карпова, я поняла, что не только мне такие мысли в голову приходили. Оказывается, каждому психологу известна закономерность, «согласно которой то, чем предпочитает заниматься ученый, связано с теми личностными особенностями, которыми он сам характеризуется. Проще говоря, личность во многом определяет проблематику, а проблематика в значительной мере является "зеркалом" личности ученого».

Далее А.В. Карпов пишет, что чаще всего «психолог предпочитает разрабатывать проблематику, связанную с такими особенностями психики, которые у него самого представлены в дефицитарном виде. Это — своего рода проявление феномена психической компенсации на "гно-

Автопортрет В.Н. Дружинина

сеологическом уровне"... И именно в этом плане научная деятельность В.Н. Дружинина была исключением из данной закономерности. При всем многообразии палитры его научных интересов (а она действительно была очень обширна), главным предметом его изучения была все же проблема общих способностей, а также проблема способностей в целом. Но именно ими он и обладал в ярко выраженной форме. Более того, предложив выделять "триаду" общих способностей (по критерию их дифференциации с блоками приема, переработки и использования информации) — интеллект, креативность, обучаемость, он, по существу, сам указал главные черты своего "когнитивного портрета". Благодаря студенческому другу Владимира Николаевича за столь глубокий и безошибочный анализ его личности и точность формулировок.

Интеллект, по мнению А.В. Карпова, был «сердцевиной» личности Владимира Николаевича и одновременно главным предметом его научных интересов. Высочайшая обучаемость и великолепная память позволили ему стать образованнейшим человеком нашего времени. Яркое выражение креативности Владимира Николаевича, как совершенно верно отметил А.В. Карпов, «не требовала больших психофизиологических затрат, была для него естественным и даже необходимым проявлением его натуры», «более того, она была именно потребностью». Творчество было источником его жизненных сил. Более того, он стремился каждый момент прожить по-новому, отвергая штампы и шаблоны. Проявлялся как творческая воля. Я часто замечала, что даже его взгляды на одну и ту же проблему менялись в зависимости от его настроения и обстановки. Он не запоминал, что говорил, и, бывало, на один и тот же вопрос, заданный различными людьми в разное время, давал взаимоисключающие ответы. Когда я его ловила на слове, он отвечал, что было бы гораздо хуже, если бы он всю жизнь твердил одно и то же. И это так, поскольку жесткая структуризация и кристаллизация информации означает для человека творческую смерть.

Он сам не замирал «в стойке» перед авторитетами и не требовал от других безоговорочного принятия своих идей. Более того, ему даже нравилось, когда с ним спорят, и он просил психологов проверять его идеи. Он не настаивал на абсолютности результатов экспериментов, проведенных им самим, его аспирантами и дипломниками, понимая, что не на все

вопросы можно получить ответ в эмпирическом исследовании. И предлагал воспринимать эти результаты как иллюстрацию, а не как доказательство. В своих книгах «Психология семьи» и «Варианты жизни» он говорит о том, что это лишь авторский взгляд на часть мира.

Владимир Николаевич не лишал других права на собственную картину мира. Когда вышла серия книг математика А.Т. Фоменко о новой хронологии истории, образованным людям, чьи познания в истории превосходили курс средней школы, было очевидно, что предпринята попытка искажения истории. Владимир Николаевич, прочитав пару книг А.Т. Фоменко, сказал: «Это, конечно, ерунда, но такие авторы полезны обществу тем, что берегут умы и заставляют думать».

«Однако, как бы то ни было, с определенной долей условности можно считать, что теория общих способностей, которую разрабатывал В.Н. Дружинин, одновременно в значительной степени — «автобиографическая» теория: это — теория «про него самого», теория, в которой «продукт творчества» и сам «творец» во многом совпадают — и гносеологически, и онтологически» (из воспоминаний А.В. Карпова).

Но Владимир Николаевич старался проверять свои теории. Идею о том, что в основе творчества лежит подражание, и чтобы включиться в деятельность по преобразованию человеческой культуры, человек должен овладеть способами творческого поведения через подражание другому, опробовал на себе. Он был романтик в душе и хороший поэт. Стихи писал с детства, но периодами. Было

заметно, как его творческая активность переключалась с науки на поэзию и обратно. Когда не шла научная мысль или не было благоприятных внешних факторов для осуществления планов, он впадал в состояние, которое у обычного человека называется депрессией, а для него это был уход в себя на невероятные глубины, в которых он черпал поэтическое вдохновение. В начале 1990-х годов это состояние длилось год. Результатом такой «отключки» от внешнего мира стали две сотни стихов.

Как-то он решил провести ревизию написанного, оставил только то, что нравилось, и в мусор полетели пачки стихов, толстая тетрадь, вся исчерканная. Сердился, что не может написать лучше, на себя, конечно. Хочется снова процитировать А.В. Карпова, лучше которого об этом не скажешь: «Если перед ним возникала какая-то проблема, связанная с материалом, с заданным ему вопросом, а он не мог сразу же ее

решить, то он воспринимал это — не преувеличивая — как личную обиду: но обиду не на кого-то другого, а на себя — за то, что он чего-то не знает (пока). Но должен знать». При этом испытывая чувство внутреннего беспокойства и дискомфорта. И одновременно с освоением нового знания или дела шла шлифовка уже достигнутого. Перфекционизм — стремление к совершенству — свойство одаренных людей, пишет Владимир Николаевич в статьях об одаренности.

Эксперимент, поставленный на себе, заключался в следующем. Помню как-то Владимир Николаевич сказал: «Мне нужно научиться подражать стилю любого поэта, освоить технику стихосложения, чтобы легко писать свои стихи». На это занятие ушло немало времени, он перечитывал автора за автором, впитывая, как губка, их мысли, вживаясь в стиль. Результат такой поэтической работы над собой — забавные пародии.

Владимир Дружинин

Из лирики

«Светлые печали,
Легкая тоска...» —
Стих готов к печати,
Не дрожит рука.

Горные вершины...
Плачут по лесам...

Давид Самойлов

Светлые печали,
Легкая тоска
По небу промчали,
Словно облака.
А под ним осталось
Все, что я сберег:
Легкость, свет и старость,
Море и песок.

Кто об этом пишет,
Уж не я ли сам?

Памятные строки,
Вздохи при луне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

Тот же свет весенний
И осенний цвет...
Суриков, Есенин,
Лермонтов и Фет.

Его университеты

*Евгений Евтушенко
Мои университеты*

«Я хочу быть всегда недоучкой»

Не умею считать. Математикам
делаю ручкой!
Не умею читать: я хотел быть всегда
недоучкой.

Ничего не кончал. Мы и сами —
ребята с усами:
На Пегасе летал под нью-
йоркскими я небесами!

Ничему не учусь — лоб трещит, как
еловые доски,
Ну, а коль захочу, то в момент
становлюсь Циолковским.

И поэтов толпа предо мною стоит в
унижение:
«Без диплома — беда, помоги стать
учеными, Женья!»

Хорошист

Олег Хлебников

Тебе говорили: «Нам нужен хор!» —
как хором я петь не хотел!
Но так как учился на «отл.» и «хор.»,
старательно в хоре пел».

Начальник сказал (в баритоне — металл!):

«Нам Хлебников нужен свой!»
Я с детства начальников почитал:
Приказано петь — так пой.

Хоть я и учился на «отл.» и «хор.»,
Но в рифмах был не мастак.
Но я бы любой пережил позор —
Начальство решило так!

Издерганный, нервный терпенье
терял,
Тянул за хвосты котов,
Пролил потов, обтесал матерьял —
И новый поэт готов.

Из жизни фруктов

За что вы, девушки, поэтов любите?
Ведь четверть века тому назад
Не только высохшие изюминки,
Но даже спелый был виноград!

От старой дачи ключи заброшены.
Где дубликаты?
Пуста кровать.
Изюм дается уже не дешево —
Порой приходится и покупать...

Монолог

Андрей Вознесенский

«За что нас только бабы балуют?»
«... две изумительные изюминки
хоть и раскроются тебе в ответ...»

На суде, в раю или в аду,
скажет он, когда придут истцы:
«Я любил двух женщин, как одну.
Хоть они совсем не близнецы».
Все равно что скажут, все равно!
Не дослушивая ответ,
он двустворчатое окно
застегнет на черный шпингалет.

Андрей Вознесенский

«— Я любил всех женщин, как одну...
 Если спросят на суде истцы:
 «Алименты не платил кому?!» —
 Отверчусь, скажу, что близнецы.

Разобраться с ними мудрено...
 Ведь когда супруг хватал за грудь,
 Выходил в открытое окно,
 Забывая что-то застегнуть...»

Плоды просвещения

Астрофизики учебник
 Как-то в руки мне попал,
 И великое смущенье
 Я душою испытал:

Нету бога в мирозданье —
 Дед неправду говорил!
 Нет светил — и слух тиранят
 Хоры жутких черных дыр!

Я такое, братцы, знаю —
 Громко вымолвить нельзя:
 Не прямая, а кривая
 Нас теперь ведет стезя.

Прежде говорил с богами
 Иль со звездами поэт,
 А теперь живем во сраме...
 Потому что бога нет!

Пишем плоско, мыслим мелко
 И беседуем порой
 Толь с летающей тарелкой,
 Толи с черною дырой...

Анатолий Передреев

Беспощадна суть познания
 Страшно логика ясна...
 Нету бога в мирозданье,
 Есть пространства кривизна...
 Разбегание галактик,
 Тяжкий холод черных дыр.
 Ни душой, ни мыслью брэнной
 Не объять мне этих сил!
 Где вы, где вы во вселенной,
 Хоры стройные светил?..

Паршинская весна

Белла Ахмадулина
День поэзии

«Не в Паршино хожу дорогой Паршинской...»
 «Пропустит если — в Паршино иду».
 «...Но знала: главный хмель покуда не почат».
 «И хочется простейшего какого-то:
 Нравоученья, вещи и числа...
 Но ничему не верит ум испуганный
 И малых величин не признает...»

1984

Я помню: прохожу дорогой
 Паршинской
 (Кто мил себе, тот в Паршине
 живет).
 Но скука, но — томление! Не
 спрашивай!
 Хожу и жду, покуда хмель пройдет.
 Ах, нет — взойдет! Он больше
 уважаем мной,
 Когда на нем цветения печать,
 Но отчего я расточаю жалобы,
 Что главный хмель покуда не
 почат?..
 Не верит ум цветению черемухи.
 По Паршину движеньем круговым
 Скольжу, а семантические промахи
 Я объясню круженьем головы.
 И хочется простейшего какого-то:
 Нравоученья или сигарет...
 Изменник, ум! Жить в Паршине
 рискованно,
 Пока луной лица бледнеет цвет.
 Пока не понимает ум испуганный
 Ни малых, ни великих величин,
 Текст, вдохновленный паршинскою
 скукою,
 От болдинских стихов не отличим...

После подобных упражнений, когда Владимир Николаевич долго набивал руку на подражании, появились сотни две стихов, уже ни на чьи не похожих. Когда они попали в руки к из-

вестному поэту Григорию Поженяну, он часть из них опубликовал в «Литературной газете» (14.07.93, № 28) со своим предисловием, несколько строк из которого приведены ниже.

Он истинный поэт и настоящий мастер. В этом легко убедиться:

Мне нечего делать
В проулках твоей Братиславы.
Как нищему в банке,
Скопцу в мусульманском раю.
Пора возноситься,
Мы руки сплетаем, как травы.
Мы прыгаем с ходу в небесный колодец,
Адью.

Точно. Жестко, вызывающе. Но кажется, что за вызовом должно что-то обязательно открыться.

Оказывается, огорчение. Не частное, личное, а обращенное ко всему существу. Не декларация, а горький выдох после раздумья.

Облезшие стены
Укрылись за утренней дымкой.
И новое время
Отпущено Богом в кредит,
И надо спускаться, бродить
среди вас невидимкой.
Узнать: для чего же?
И, только узнав, уходить.

Я листаю тяжелую стопку стихов. Плод работы долгих лет. Чаше бывает, когда мучительно ищешь, за что бы уцепиться, доказывая правоту необходимости публикации. На этот раз я ловлю себя на том, что хочется процитировать и то, и это.

Далее шла подборка стихов В.Н. Дружинина.

Мне, напроць лишенной поэтических способностей, всегда было интересно, как люди пишут стихи. Муж мне на этот вопрос ответить не мог. Но однажды я наблюдала этот про-

цесс. Владимир Николаевич ушел в себя, не замечая моего присутствия. Взял лист бумаги, и, не отрываясь, записал стих. На вопрос: «Как это получилось?» — ответил: «Почувствовал гул в голове, который сложился в строки». Хочу еще раз согласиться с А.В. Карповым в том, что креативность была для Владимира Николаевича потребностью, жизненной необходимостью. В статье «Психология творчества», описывая процесс стихосложения, он передает свой собственный опыт. «Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихосложение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, мирозерцания. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадает в зависимость от наркотиков и алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом. Это состояние безличия, в котором находится поэт, когда отсутствует ощущение личной инициативы и не чувствуется личной заслуги при создании творческого продукта, в человеке как бы вселяется чуждый дух, или ему внушают мысли, образы, чувства извне. Это переживание приводит к неожиданному эффекту: творец начинает с равнодушием относиться к своим творениям или, более того, с отвращением».

Видимо, поэтому Владимир Николаевич без сожаления выбрасывал стихи пачками и, улавливая идеи из космоса, щедро транслировал их в окружающую среду, оплодотворяя ее. Сейчас больно осознавать, как много мы потеряли.

В.Н. ДРУЖИНИН

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ВЫБОР

Из книги «Экспериментальная психология», 1999 г.

Почему люди (и довольно большое количество) занимаются такой странной областью деятельности, как наука? Возможно, на их выбор влияет постоянное переживание дефицита знаний о мире, которое ощущается как непонимание. В конечном счете ученый — это человек, который, может быть, иногда испытывает ощущение достаточности знания о чем-то, но это переживание тут же сменяется ощущением недостаточности, неполноты, «нестыковки» и побуждает восполнять эту неполноту не только фантазиями (тогда он не ученый, а сказочник), но и каким-либо действием, неважно каким: «внутренним», мыслительным либо внешним. Главное, что свое непонимание исследователь объясняет объективной нехваткой знания о мире. Иногда восполнить это незнание можно, прочитав книги, побеседовав с компетентными людьми — к этому и сводится обучение в средней и высшей школе, проверить свои незнания на практике, решая задачи и сдавая экзамены. Если и это не излечивает от ощущения загадочности мира, выпускник вуза поступает в аспирантуру или претендует на

нищенский оклад в научной лаборатории. Чувство нехватки знания имеет, скорее всего, иррациональную природу, и потребность, порождающая это переживание, бессознательна. Она не сводится к так называемой познавательной мотивации, которая присуща человеку и высшим животным. Познавательная потребность осознается, но не каждый человек, интересующийся каким-либо предметом, стремится стать исследователем. Я не беру в расчет тех, кто занимается наукой из-за «внешних» по отношению к сути научной деятельности причин, а таковых — 99.9 %. Речь идет о единичных субъектах, для которых занятие наукой — образ жизни, а не занудная работа с 9 до 18 или способ удовлетворения тщеславия и достижения социального успеха и т. д. Хотя и эти мотивы нельзя сбрасывать со счетов.

Кроме того, современная наука — устойчивый социальный институт, гигантская система. Когда она поддерживается либо государством, либо частными инвестициями, то неизбежно рекрутирует обычных, «нормальных» людей, для которых занятие

Молитва

Ты спаси меня
Под багряным и синим
Небом,
Летним и зимним
Солнцем,
В крике лосином
Перелесков осиновых,
Земля, если имя твое опорочил твой сын
Делом иль словом своим.

За все, что свершить не в силах,
Прости меня!

Прости за зло, что тебе принесли
В зависти, в гордости, в подлости.

Как слово суть,
Как смерть косу,
Как утро росу,
Я грех свой несусь.

В.Н. Дружинин, 1972 г.

наукой не имеет никакого «экзистенциального смысла» и является такой же «нормальной» работой, как ремонт электроаппаратуры или хирургическая практика. Но вряд ли эти люди породили науку — особую форму человеческой деятельности — и поддерживают ее как особую сферу жизни со своими оригинальными правилами поведения, ценностями и т. д. и т. п.

Что касается занятий психологической наукой, то вопрос еще более запутан. В.М. Бехтереву приписывают фразу: «Психологи — с психинкой, неврологи — с нервинкой». Примеров такого рода хватает: близорукие занимаются зрением, социальные психопаты — нравственной регуляцией поведения, состоявшие в браке не менее 5 раз посвящают жизнь психологии брака и семьи, а поэты-неудачники изучают психологию творчества. Ч. Дальтон, открывший явление цветовой слепоты — неразличения красного и зеленого цветов (дальтонизм), — сам имел этот дефект. З. Фрейд, по воспоминаниям близких ему людей, был сексуальным невротиком. С другой стороны, основоположник многих направлений психологии Ф. Гальтон, занимавшийся проблемой способностей, был гением, а уровень интеллекта «самого» Ж. Пиаже вообще вне критики и оценок.

Выбор той или иной области психологии в качестве предмета изучения может быть обусловлен либо «избытком», либо «недостаточностью» того или иного «психического качества» у человека, главное, что это качество стало предметом его внимания либо внимания окружающих. «Ужели слово найдено?» Может быть, чувство глобальной дезадаптации, ощущение

своей непохожести на других людей и толкает человека в объятия «музы психологии» — Психеи? Но тогда чем психология отлична от других сфер человеческого творчества, где комплекс неполноценности, открытый А. Адлером, тоже проявил свою силу? Помимо переживания непохожести, у психолога должна присутствовать еще одна особенность: осознание различия субъективной и объективной реальности. «Наивный» человек не различает их в своей повседневной жизни. Однако сны или необычные состояния сознания (при болезни, травме или опьянении — что в нашей культуре вещь все же обычная) вызывают у него мысли, что эти два мира различны и есть «граница», их разделяющая. Не столько дезадаптация, сколько изначальная неприспособленность, «неприлаженность» душевного склада некоторых людей к миру, который прежде всего — мир человеческого общения, — связанная с желанием эту дисгармонию преодолеть, и может привести человека в психологию. Мир другого человека должен быть для психолога загадкой именно потому, что попытки приписать другому качества своего внутреннего мира, свои личные особенности приводили и приводят его к неудачам в общении и взаимодействии. Но психолог — не психопат, он чувствителен к «обратной» связи при общении. Именно это позволяет ему не приписывать свой мир другому, не опираться на прежний обыденный опыт, а каждый раз относиться к психике другого как к загадке, разгадку которой надо найти самому. «Душеведческая» направленность ума — результат жизни психолога, порожденный необычностью внутреннего мира,

неадаптированностью к внешнему миру, чувствительностью к состояниям и поведению другого и стремлением эту неадаптированность преодолеть рациональными методами, исследуя особенности психики других людей. Отсюда и терпимость, снисходительность к людям, присущая психологам, поскольку изначально допускается возможность различных, нестандартных форм поведения, мыслей, переживаний. То, что другим людям дается как бы «само собой», — навыки поведения и общения, психолог вырабатывает и приобретает путем рефлексии и самообучения. Р. Кеттелл с коллегами проводил исследование личностных черт, отличающих психологов-исследователей от психологов-практиков, с помощью опросника 16PF. «Профессиональные портреты» строились с учетом эффективности деятельности ученых в форме регрессионных уравнений. Аргументами в них были личностные черты, функцией — эффективность, весовые коэффициенты указывали на вклад факторов в прогноз эффективности профессиональной деятельности.

Для психолога-практика:

$$Эфф. = 0.72A + 0.29B + 0.29H + 0.29N.$$

Для психолога-исследователя:

$$Эфф. = 0.31A + 0.78B + 0.47N,$$

где А — готовность к контактам, N — умение поддерживать контакт, В — общая интеллектуальность, H — насыщенность контактами с другими людьми.

Очевидно, психологи-исследователи с трудом переносят интенсив-

ное общение и не тянутся к нему: тяжело постоянно переживать дезадаптацию (если следовать нашей гипотезе). Отсюда и меньшая значимость готовности к контактам, но (!) большая значимость умения поддерживать контакт для профессионального успеха исследователя. Психолог-практик нуждается в «живой воде» человеческого общения. Для него это естественная среда обитания, люди ему не надоедают, а контакты с ними потребны и никогда не утоляют жажду общения.

Российские психологи Н. А. Аминов и М.В. Молоканов (Аминов Н.А., Молоканов М.В. О компонентах специальных способностей будущих школьных психологов // Психологический журнал. 1992. № 4) выявили, что для успеха практического психолога самыми важными качествами личности являются: общий интеллект (фактор В по Кеттеллу) и стрессоустойчивость, поддерживающий стиль общения (фактор Н). Психолог-исследователь в большей степени готов к контактам, интеллектуален, эмоционально холоден и рационален в поддержании контактов, сдержан при проявлении общего интереса к человеку. Практик умеет поддерживать контакт и устойчив к стрессу при общении, может контролировать свое поведение, эмоционально заразителен, эмпатичен, повышено самоуверен, расслаблен, энергичен и самодостаточен. Следовательно, психолог-практик, в отличие от исследователя, является личностью, способной хорошо адаптироваться к социальной среде. Похоже, на стезю психологии его толкают совсем иные мотивы, нежели психолога-исследователя: он успешно взаимодействует с людьми и полагает, что их

можно изменить в лучшую сторону; понимая их проблемы, он не обращает внимания на различия между собой и другими людьми. Ларошфуко был прав, когда написал: «Чем умнее человек, тем больше он видит различий между людьми, для человека заурядного — все люди на одно лицо».

Нет успешного психолога без высокого интеллекта.

Если человек осознал, что его субъективный мир и мир объективной реальности — это «две разные реальности», если он понял, что нет людей, абсолютно похожих друг на друга, если в его сознании или подсознании живет чувство недостатка своих знаний о субъективном мире других людей и причинах их поведения, тогда у него есть шанс стать психологом не только по названию.

В.Н. ДРУЖИНИН

ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

Из книги «Психология семьи», 1996 г.

«Liber» на латыни означает и «книга», и «свободный»... Эта книга о несвободе. Не может быть никакого института общества, более несвободного (в смысле навязывания определенных правил жизни человеку), более жесткого, чем семья. Посему следует отбросить все розовые сказки о «демократической семье», «либеральной семье», равенстве и т. д. и т. п. ... Проблемы брака и любви-эроса, а не любви-агапе, останутся за пределами изложения. Любовь и общество антагонисты...

Ответственность, власть, любовь

Психологические модели элементарной семьи можно разделить по следующим основаниям:

1. Кто несет ответственность за семью: отец или мать (или достигший дееспособного возраста ребенок)?

«Нормальной» семьей будем считать семью, где ответственность несет муж (отец).

«Аномальной» семьей назовем такую семью, где отец не несет ответственности за нее.

Если ответственности не несет никто, это «псевдосемья».

2. Кто доминирует в семье?

В патриархальной семье доминирует отец.

В матриархальной семье доминирует мать.

В так называемой «детоцентрической» семье реально (психологически!) доминирует ребенок, его потребности или капризы. В эгалитарной семье властные функции распределены, но их распределение — постоянная почва для конфликта (отсюда возникновение «теории конфликта» для описания современной семьи), можно назвать ее конфликтной семьей.

Иерархия доминирования включает трех членов семьи, посему важно не только определить, кто доминирует над всеми, но и саму иерархию власти—подчинения. На первый взгляд теоретически в полной элементарной нуклеарной семье существует всего лишь шесть типов иерархии (в порядке доминирования): 1) отец — мать — ребенок, 2) отец — ребенок — мать, 3) мать — отец — ребенок,

4) мать — ребенок — отец, 5) ребенок — отец — мать, 6) ребенок — мать — отец. Однако отношения доминирования не являются транзитивными, т. е., если отец главенствует над ребенком, а тот над матерью, мать вполне может главенствовать над отцом, поэтому число вариантов с учетом нетранзитивности на два больше.

3. Эмоциональная близость — отдаленность также характеризует отношения в тройке отец — мать — ребенок: ребенок может быть «ближе» к матери, чем к отцу, и, наоборот, родители могут быть ближе друг к другу, чем к ребенку, все могут быть равно близки друг другу и т. д.

Языческая семья

Примером семейных отношений, характерных для языческой культуры, являются отношения в русской семье XII–XIV веков. По мнению многих историков, рубежом, отделяющим языческий тип семьи от христианского, стал XVI век. Модель православной семьи отразилась в знаменитом «Домострое», написанном одним из величайших мыслителей эпохи Сильвестром — воспитателем, а затем соучастником реформ молодого Ивана IV...

Отношения мужа и жены строились не на отношениях доминирования—подчинения, а на изначальной конфликтности. В славянском язычестве женщина не является существом, подчиненным мужчине («недо-человеком», человеком второго сорта): она иной человек, обладающий качествами, отличными от мужских, носитель особой женской силы. Тайное женское могущество являлось причиной ее власти над мужчиной и

внушало страх, почтение и даже ненависть.

Женщина обладала свободой, как добрачной, так и в браке. Если девицу принуждали выйти замуж без ее согласия, и она причиняла себе увечье, с виновников взыскивался штраф. Ограничивалась не только власть отца, но и власть мужа. Ритуальная свобода закреплялась в особой женской жизни: в обычаях, запретах, женских обрядах, праздниках. Женщина имела возможность развода и могла, если ее не устраивал муж или отношение к ней семьи мужа, вернуться к матери и отцу. Поскольку чаще всего роды враждовали между собой (Монтекки и Капулетти — отголосок язычества на итальянской почве), то и отношения мужа и жены сохраняли оттенок вражды, конфликта. Муж не доверял жене, жена мужу. Муж ждал от жены козней, лжи, отравления и пр.

В христианской культуре главные отношения: отец — ребенок, мать — ребенок — отделены друг от друга и различны. В языческой культуре на первый план выступают отношения между поколениями. Разумеется, речь идет не о поколениях, в смысле Ортеги-и-Гассета, как носителях разной меняющей друг друга культуры, а поколениях чисто биологических...

С наглядностью отношения между поколениями богов отражены в мифологии, в частности древнегреческой: мифы отражают противоречия между поколениями в крайних формах борьбы и уничтожения старого поколения богов новым. Еще более явно отражены отношения в семье: верховные олимпийцы Зевс и Гера находятся в постоянной борьбе, вражде. На каждую проделку своего супруга Гера делает ответный ход, да

В.Н. Дружинин, Воронеж, 1973 г.

Как рад водитель пустоте дорожной,
Как рада письмам дальняя родня,
Я рад, что Вам становится несложно,
Совсем несложно забывать меня.

Безоблачно, но где-нибудь ненастье,
Я далеко, но где-то рядом с ней...
И Вам уже становится так ясно,
Так ясно, что не может быть ясней.

И словно поезд простучит порожний,
Прочтутся фразы, губы леденя,
И Вам уже становится несложно,
Совсем несложно не любить меня...

и его многочисленным подругам спуску не дает...

Страх перед женщинами отразился в мифах о женщинах-воинах, которые реально существовали, — амазонках. В скандинавской мифологии мертвых героев уносят на Валгаллу валькирии — девы-воительницы. Русские женщины эпохи язычества не отставали: образы богатырш-«поляниц» запечатлены в былинах. Спуску мужчинам они не давали: ни своим, ни врагам. Образ поэзии Н.А. Некрасова отнюдь не христианский по происхождению.

Ваятель брежневско-сталинской эпохи Вучетич одарил наше отечество массивными статуями языческих дев-воительниц, порочащих саму идею священной защиты Родины. Российская православная культура, как известно, почитает Богородицу, или позднюю языческую интерпретацию женского образа — Березиню. Сходство бетонных истуканов с валькириями — образами германской мифологии, наводит на иные ассоциации. Хуже того: и киевская «Лаврентьевна» (так прозвали киевляне «свою» деву с мечом), и сталинградская не защищают города, стоя лицом на запад, но повернуты спиной к западу, а лицом на восток. То есть девы с мечами производства Вучетича атакуют наши города!

Общехристианская модель семьи

Ни одна мировая религия не отводит столь важное место семье в системе вероучения, как христианство. Можно определить само христианство как религию семьи (о. Анджей Беллат. Иосиф Обручник как икона отца // Человек. № 3. 1994, с. 96–110).

Спаситель родился в настоящей земной семье, у него были, его кормили и воспитывали настоящие «земные» отец и мать...

Триаду, которая в христианстве олицетворяет семью, составляют Бог-сын, Бог-отец и Богородица. Богородица выполняет женскую функцию. О. Сергей Булгаков причислил Богородицу к одной из ипостасей Бога, построив Божественную Четверицу: Отец, Сын, Дух Святой и Богородица, за что и подвергся обвинениям в ереси.

Включение женского начала в состав христианской троицы имеет глубокое основание. Дух на иврите женского рода (Шехина, Шхна). В апокрифическом Евангелии от Филиппа есть такие строки: «Сын родился не от Духа, а от Отца, потому что не может женщина родить от женщины». Но можно и отождествить Дух святой и Богородицу. Тогда он действительно будет «переходом» между Отцом и Сыном: Мария родила Мессию от Бога-отца...

Но термин «Святое семейство» в христианстве относится совсем к другой семье. В состав ее входят Иосиф Обручник, Иисус Христос и Дева Мария. В христианстве произведено четкое разделение Отца-воспитателя (Иосиф) и отца «генетического» и духовного (Бог-Отец).

Следовательно, христианское вероучение предписывает миру две модели семьи: идеальную «божественную» и реальную, земную, «нормальную»...

Семья в русской православной культуре и культуре католицизма

Православный Символ Веры обязывает верить в единого Бога, который

всегда повсеместно выступает в трех лицах. Но акценты в православном вероисповедании по сравнению с католическим иные.

В православии Дух святой исходит лишь от Бога-отца. Догмат о троице не зафиксирован в Священном Писании, а принят лишь на основе апостольской традиции. На I и II соборах (325 и 381 гг.) был принят символ веры, что дух святой исходит лишь от Бога-отца. Этот догмат был подтвержден и на III Эфесском соборе (Правило 7). Принцип филиокве (*лат.* «и от сына»), согласно которому дух святой исходит равно от Отца и от Сына был сформулирован на Толедском соборе в 589 году и добавлен к христианскому Символу Веры (8-й член). Греко-византийская церковь, однако, не приняла принципа филиокве, что и послужило почвой для многочисленных ересей, авторы которых (Ориген, Арий и пр.) считали Бога-сына «меньшим» по сравнению с Богом-отцом...

Структура идеальной православной семьи является производной от общехристианской модели. Но выбор православие делает в пользу «божественной» семьи, а не Святого семейства (Иисус, Иосиф-Обручник, Мария). Доминирует в триаде Бог-отец, причем его доминантная роль чрезвычайно выражена: он высится над сыном и Богородицей и не виден в своей небесной резиденции. Возникает ощущение его незримого присутствия в мире, но нет его конкретного облика. Он правит миром семьи издали, не присутствуя в нем. Мать и дитя предоставлены сами себе, но периодически ощущают незримую и грозную власть Отца. Доминирование Отца над Сыном в православии

более выражено, чем в католицизме. Богородица в подчиненном положении. Менее выражена ответственность Бога-отца: он доминирует, властвует, но не управляет, или же его управление не подвластно земному разумению. Отвечает за дела семьи Мать и царица небесная. Сын психологически ближе к матери, чем к отцу, и мать также ближе к сыну, чем к отцу.

В православном вероисповедании доминирует роль Богородицы над ролью жены и, соответственно, материнское отношение над отношением любовным (отношением полов). Не случайно в православной культуре нет акцентуации эротических отношений между супругами: они не отрицаются и не репрессированы, а как бы признаются малозначительными («нулевая» валентность). И тем самым отдаются на откуп российскому язычеству (учитывая российское «двоеверие»). Эротика в российской культуре не освящена христианским светом. Этот архетип вошел в коллективное бессознательное русского народа чрезвычайно глубоко. Например, для большинства современных искусствоведов непонятен факт, почему российский рок практически асексуален, в отличие от англо-американского, в котором тематика любви и секса доминирует. Сексизм или ограничение сексуальности — показатели значительности этой сферы отношений, в русской же культуре эротическая тематика — чаще сфера непристойного, целиком принадлежит «низовой» (равно — языческой) культуре.

И для Матери Бог-отец является не ее партнером, а именно отцом ее ребенка. От грозного Бога-отца людям

ничего хорошего ждать не приходится, но Богоматерь с младенцем Христом на руках может вымолить у всемогущего прощение и заступиться за своих детей, уберечь их от гнева Господня. Отчуждение Иисуса Христа от Бога-отца в православной традиции проявляется в неоформленности самого облика Иисуса: на иконах он либо младенец на руках у Марии, либо Спас («Ярое око», «Нерукотворный», «Спас в силах»), по сути в образе не спасителя, но отца-вседержителя, грозного и повелевающего.

В русской православной иконописной традиции практически нет изображений Христа на его земном жизненном пути. Сюжеты тайной вечери, распятия, несения креста, страстей не характерны для русской иконописи и появляются лишь на картинах живописцев школы XVIII–XIX веков (а также у ряда новаторов, в том числе Н. Ге)...

Современная российская семья не подходит под категорию православной, и о ней пойдет речь в дальнейшем...

Семейные отношения в католицизме и протестантизме

Если для восточного, в том числе православного российского христианства, характерно придание Христу черт Отца и вообще доминирование образа Бога-отца в Святой Троице, то католицизм, напротив, придает большее значение чертам Иисуса Христа. Доминанта Отца признается, но в реальном культе он уступает место Сыну.

Особое значение в католицизме имеет культ Девы Марии. Православие подчеркивает земное начало в

Богородице (вплоть до слияния ее культа с языческим культом богини плодородия).

Кульм Мадонны в католицизме настолько значим, что католическая церковь изменила ортодоксальную догматику. Напомню, что в XIX веке был провозглашен догмат о непорочном зачатии Марии ее матерью св. Анной («де имманулата консенционе»), в 1950 году о телесном вознесении Богородицы после смерти на небо. Наконец, папа Павел VI в 1964 году провозгласил Богородицу «матерью церкви».

При том что православие возвышает Бога-отца, большее значение в православной морали придается не отношению власти—подчинения, а аффилиации, психологической близости, любви, чем как бы компенсируется мощный вектор власти: Отец — Сын — Богородица. Обратимся к мысли великого российского философа И.А. Ильина: «Православие взывает к свободному человеческому сердцу. Католицизм взывает к покорной воле. Православие ищет побудить в человеке живую, творческую любовь и христианскую совесть. Католицизм требует от человека повиновения и соблюдения предписания (законничество)... Православие идет в глубь души, ищет искренней веры и искренней доброты. Католицизм дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью благодеяния» (И.А. Ильин. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Т. 1. М., 1992, с. 300)

Напротив у католика «вера» пробуждается от волевого решения: довериться такому-то (католически-церковному авторитету), подчиниться и

В походе со студенческой группой, 1974

Я хочу навсегда поселиться
В стороне захолустной, лесной —
Одиночества серая птица
Все кружит и кружит надо мной.

Здесь меня ожидает сторожка,
Здесь кукушка две жизни сулит,
И медовая тает морошка,
И звезда голубая горит.

А когда отболею, отплачу,
Отлежу на лежанке бока, —
Приглашенья пошлю наудачу:
Как-нибудь навестить лесника!

Я капусту заквашу в кадучке,
Августовских груздей насолю,
Долгий срок, отведенный кукушкой,
На двоих поделю.

1984

покориться ему и заставить себя принять все, что этот авторитет решит и предрешит, включая вопросы добра и зла, греха и его допустимости».

Трудно сказать, что лучше: возлюбить абсолютную власть Отца (или власть государства, даже преступную) или волевым рациональным решением покориться власти!..

Протестантизм (в разных вариантах), на мой взгляд, меньше внимания уделяет проблемам семьи, чем православие и католицизм. Главная причина — «эгоцентричность» протестантских вероучений, смещение акцентов на индивидуальную проблему отношения Бога и человека...

Почти все протестантские вероучения игнорируют какую бы то ни было роль Девы Марии. Отношение к женщине (жене, супруге, дочери) осталось за пределами сферы отношений, освященных религией. Семья протестантов — это отношения мужчины к мужчине: отца к сыну, хозяйна к наследнику (а не к рабу или слуге), т. е. потенциально равному. Женщина может быть лишь подражателем, может лишь бороться за мужское место в жизни: равные юридические права с мужчиной, равенство в бизнесе, в профессиональной деятельности и т. д. Протестантизм породил явление эмансипации. Женщины, оставшись за пределами мужского мира и (другая сторона медали!) выйдя из-под мужского контроля, начали атаку на этот мир извне, чтобы занять в нем как минимум равное положение, а еще лучше победить.

Языческая и атеистическая культуры характеризуются борьбой полов и поколений, для протестантской культуры характерна не борьба по-

лов, а борьба женщин за право быть мужчинами! Феминизм растет на этой почве.

Великий психолог Э. Эриксон заметил, что система пуританского (т. е. разновидности протестантского) воспитания формирует из детей неудовлетворенных и внутренне нестабильных людей. Однако эти люди способны длительно переносить одиночество, физические и моральные тяготы и лишения. В пуританских семьях вырастают индивидуалисты, готовые к борьбе, конкуренции и рассчитывающие только на свои силы. Они мотивированы надеждой на успех, верят в себя и не боятся неудач. Не являясь игроками и не рассчитывая на счастливый случай или добрую фею, они своими руками, умом и волей строят судьбу...

Семья в советской России: гибель и воскрешение

Классики марксизма считали, что семья, основанная на частной собственности, праве наследования и домашнем воспитании детей, должна быть упразднена победившим пролетариатом. Главная задача большевиков состояла в том, чтобы лишить отца возможности отвечать за семью и обеспечивать ее существование, а также отнять у родителей (в первую очередь у отца) возможность воспитывать своих детей...

Была провозглашена идея о смене буржуазной семьи на советскую, прогрессивную и социалистическую. Семья как независимый агент воспитания детей не могла вписаться в тоталитарную систему. За социализацию детей в нормальной семье отвечает отец. Поэтому вся политика

советской власти была направлена на то, чтобы свести роль отца в российской семье к нулю, а всю ответственность за воспитание детей переложить на «общество». Но «общество» никак не справлялось, да и не могло справиться с этой задачей. Посему весь груз ответственности за семью и детей лег на плечи матери.

Дадим определение: типичную советскую семью можно рассматривать как вариант модели аномальной языческой семьи с рудиментами православной модели. В такой семье мужчина и женщина борются за доминирование. Победа достается более сильному не столько физически, сколько психически. Существуют противостояние поколений, подавление детей и борьба детей с властью родителей... «Равенство» мужчины и женщины рассматривается как достижение социализма. Первоначальным идеалом женщины при социализме была рекордсменка, рабфаковка, ударница, боец Красной Армии: Гризодубова и Раскова, сестры Виноградовы, Роднина и Терешкова и пр. и пр. ...

В современной российской семье женщина хочет (и вынуждена силой обстоятельств) править безраздельно и полностью. Мужчина не в состоянии обеспечить семью, нести за нее ответственность и, соответственно, быть образцом для подражания... Характерно, что эмоциональная связь с матерью у детей сильнее, они лучше знают ее личные особенности; высказываний-характеристик о матери больше, чем об отце, она воспринимается более значимым членом семьи (Савченко И.А. Роль мужчины в формировании личности ребенка в семье. Дипломная работа. М.: МИПКРО, 1995).

Таким образом, реальная модель современной российской семьи как бы противоположна протестантской модели: ответственность за семью несет мать, она же доминирует в семье, и она же более близка с детьми эмоционально. Мужчина «выброшен» за пределы семейных отношений, не оправдывает ожиданий жены и детей. Для него остается единственный путь реализации себя как мужа и отца — бороться за мужские права и «эмансипацию», как боролись и борются за равные с мужчиной права феминистки. Только поле борьбы не деловой мир, а семья. Отсюда появление обществ мужчин-одиночек (воспитывающих детей без жены) и т. п.

Между тем реальное решение вопроса иное: нужно создать социальные условия для проявления мужской активности вне семьи, чтобы он мог нести основную юридическую ответственность за семью, представлял вовне и защищал ее интересы, мог обеспечить ее экономическое благосостояние и социальное продвижение членов семьи.

Лишь отец способен сформировать у ребенка способности к инициативе и противостоянию групповому давлению. Чем больше ребенок привязан к матери (по сравнению с отцом), тем менее активно он может противостоять агрессии окружающих. Чем меньше ребенок привязан к отцу, тем ниже самооценка ребенка, тем меньше он придает значение духовным и социальным ценностям по сравнению с материальными и индивидуалистическими.

Однако, по мнению моего аспиранта И.А. Савченко (основанному на данных эмпирического исследования),

отцы сегодня имеют неплохой шанс изменить ситуацию в свою пользу. Во-первых, большинство подростков опрошенных семей утверждают (свыше 90%), что отец зарабатывает больше, чем мать, хотя мать доминирует в семье и домашнем хозяйстве. Во-вторых, папы чаще играют с детьми, участвуют в семейных развлечениях, учат их постоять за себя, заступаются за детей.

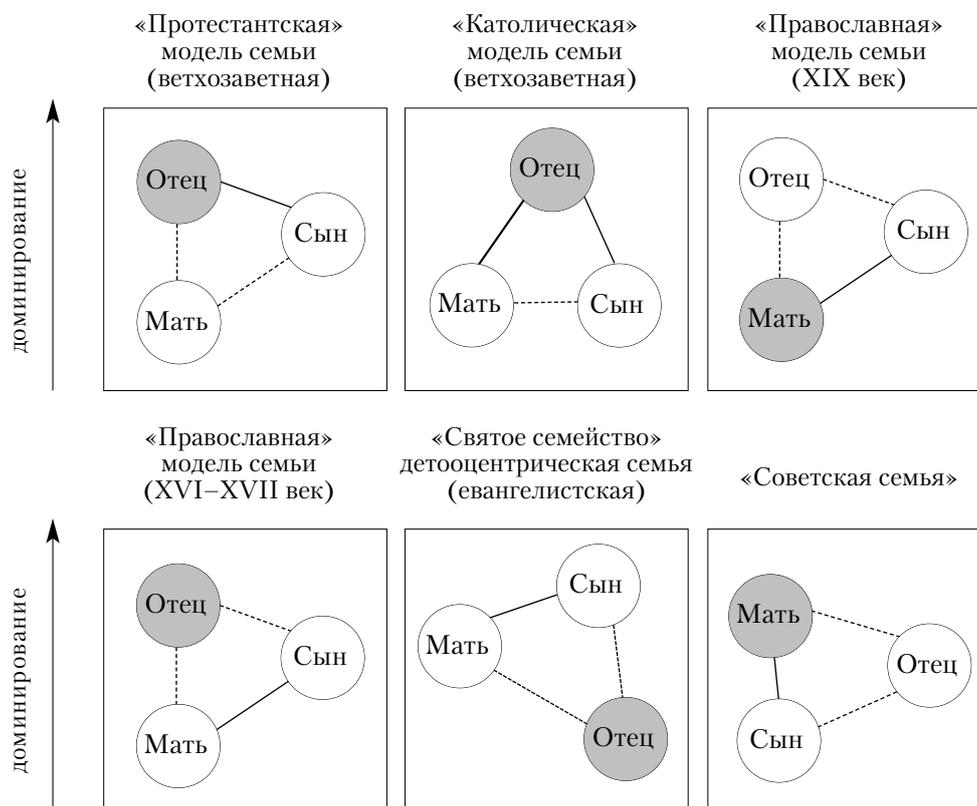
Таким образом, с преодолением наследия коммунизма модель семьи

в постсоветской России имеет шанс принять такой вид: доминирует мать, следующим идет отец, дети подчинены. Отвечает за семью (благополучие, социальную защиту) отец. Дети эмоционально ближе к матери, чем к отцу. Противоречие отношений доминирования и ответственности будет являться главным источником конфликтов в семье...

Советское изобразительное искусство изобилует образцами творчества, на которых представлены

Рисунок 1

Модели психологических типов семьи в христианской культуре

Примечание. Темным цветом выделен член семьи, несущий ответственность, толщина линий обозначает эмоциональную близость членов семьи.

следствия воплощения коммунистической идеологии. Символ эпохи — «Рабочий и колхозница» В.И. Мухомой — устремились куда-то в экста- тическом порыве с серпом и молот- ком. Женщина ничуть не уступает мужчине в физической мощи и энту- зиазме. В принципе советской жен- щине мужчина (по крайней мере, в работе) не нужен. Маскулинизация женщин стала идеалом советской культуры, воспроизвела языческий идеал женщины. Пример — картина А.А. Дейнеки «На стройке новых це- хов»: могучие женщины ворочают тяжелые вагонетки.

Картина Ф.П. Решетникова «Опять двойка», помимо воспита- тельных намерений автора, характе- ризует ситуацию, которая складыва- ется в аномальной неполной семье. Мальчик встречает сочувствие лишь у собаки. Мать и старшая сестра, объединившись, с укором смотрят на него. Отца нет, значит, нет образца для подражания и формирования от- ветственного мужского поведения.

Анекдот как зеркало русской семьи

Мы (я и мой аспирант Н.А. Сав- ченко) предприняли попытку вы- явить типы семейных отношений, ха- рактерные для современной россий- ской и американской семьи с помо- щью контент-анализа анекдотов, по преимуществу неприличных. В даль- нейшем изложении я буду использо- вать материалы его дипломной рабо- ты.

В американском обществе (США) представлены различные норматив- ные типы семьи: католический, про- тестантский, мусульманский, конфу-

цианский и пр. Но довлеющим, на мой взгляд, должен быть именно протестантский тип семьи, опреде- ливший специфику американской культуры...

«Советская» семья — тип ано- мальной языческой семьи с доми- нантной и ответственной женой, суб- доминантным и безответственным мужем и детьми, противостоящими родителям. Остатки влияния право- славной культуры проявляются в большей близости детей к матери и превалировании отношения аффи- лиации (любви). «Советская» семья асексуальна. В протестантской семье сексуальным отношениям придается большое значение (поэтому-то они и репрессированы).

Русские анекдоты были отобраны случайным образом из сборника «Анекдоты наших читателей: вы- пуск 1» (Библиотека для чтения, Сту- денческий меридиан, 1994 г.). В этом сборнике анекдоты разделены по те- мам. Выбраны первые 70 «семейных» анекдотов.

Из сборников «Лучшие анекдоты и карикатуры журнала "Плейбой" (М.: Пресса, 1995) и «Американцы смеют- ся. 1000 шуток и анекдотов» (сост.-пер. А.Е. Порожняков. М.: Московский ра- бочий, 1989) выбраны 36 американ- ских анекдотов, посвященных семей- но-бытовым отношениям... В ходе контент-анализа выделялись роли «действующих лиц», характер отно- шений между ними, рассматрива- лось поведение (его субъекты, моти- вы, цели действий), а также обстоя- тельства и причины, вызвавшие то или иное поведение.

Русские анекдоты более грубы и прямолинейны по сравнению с амери- канскими; их юмор более примитивен

и менее «окультурен»... Отношения в русской семье кардинально отличаются от отношений в американской, и прежде всего, отсутствием сексуально-эротических моментов. В русских «семейных» анекдотах, даже самых непристойных, почти нет сексуально-эротических мотивов, зато они часто встречаются в анекдотах американских. Слово «любовь» в русских анекдотах не встречалось ни разу!

Вообще в русских анекдотах супруги либо не любят друг друга, либо о любви ничего не говорится. Супруги могут друг друга терпеть, жалеть о том, что вступили в брак, но почти никогда не собираются разводиться. Измена одного из супругов — не повод для развода, а причина скандала. Иногда муж равнодушен даже к измене, а если проявляет какие-то эмоции или даже агрессию, то направляет ее на любовников, а не на жену. Он практически никогда не мстит жене. Но если изменяет муж, то жена ругает, а зачастую и бьет именно его, а не любовницу. Отсюда вывод: если верить анекдотам, в русской семье доминирует жена, а муж занимает подчиненную позицию и конкурирует за ее внимание с другими мужчинами. В русских анекдотах муж чаще всего достоин своей участи — женской измены. Поступки жен одобряются, поступки мужей высмеиваются. Российские мужчины безответственны, проявляют покорность судьбе, реже, чем жены, изменяют. Спасение от семейных проблем находят в рыбалке, игре в домино и в пьянстве. Семейой они практически не интересуются, а занимаются пьянством и просмотром телевизионных передач (футбол, хоккей и пр.)

Американский мужчина доминантен. Муж приходит в ярость, если узнает, что жена ему неверна, ругает и бьет ее, а не конкурента-любовника. Жена тоже может поколотить мужа, но до того, как подаст на развод. Американцы часто грозят друг другу разводом в случае измены. Хотя мужчина и главенствует, но эта роль ему дается нелегко, жена не дает ему спуска. Однако она чаще, чем муж, проявляет покорность судьбе (в русских анекдотах пассивен муж). Занимается американский муж не пьянством и не хобби, а работой, бизнесом, деньгами, т. е. добывает пропитание семье, несет за нее ответственность.

Перейдем к анализу ролей, которые играют мужчина и женщина в анекдотах. Мужчина в анекдотах играет роль мужа, отца, любовника, сына и редко свекра или тестя. Обычные роли женщины: жена, мать, дочь, любовница, теща и очень редко свекровь.

В американских анекдотах персонажи «любовник» и «любовница» отдельно не выделяются. Они являются частью ролей «муж» и «жена». В русских анекдотах любовник, отдельный от роли мужа персонаж, а любовница, часть роли жены.

Мужчина в русских анекдотах

Русский муж глуповат, прост («проще правды»), груб, труслив, слаб, любит выпить, подчинен семье в целом и жене в частности. Является нахлебником: главное, чтобы вовремя кормили. Для семьи существо совершенно бесполезное. Не интересуется ее жизнью. Если жена изменяет, то он чаще всего либо не замечает измены, либо не придает ей значения,

либо смиряется с ней. Если же ему доведется изменить жене, то это происходит случайно, помимо его воли; выглядит он глупо и неестественно, чаще всего измена тут же раскрывается, и он попадает под тяжелую руку и острый язык жены. Жене не любит, разводиться не собирается. К себе и своему положению относится с долей юмора, может соврать, прихватнуть и пр. В редких анекдотах муж бывает агрессивным, деспотичным главой семьи (бьет жену, ревнует и пр.), но выглядит он глупо и, как правило, много пьет. Деньги зарабатывать не умеет, но может починить бытовую технику, прибить гвоздь.

Русский отец черств и безразличен по отношению к детям, ленив, эгоистичен, меркантилен. Примером для детей быть не может, так как никаких успехов в жизни не достиг. Над его детьми смеются сверстники. Редко он любит детей, заботится о воспитании, считается с их капризами. Но в других жизненных ситуациях такой отец беспомощен и смешон. Чаще же он жаден и манипулирует детьми, чтобы добиться уступок от жены.

В качестве сына русский мужчина наделяется рядом положительных черт (которые куда-то пропадают, стоит ему стать мужем): он любознателен, проявляет смекалку, активен, весел, часто любит отца, сочувствует ему, иногда гордится. Их сближает субдоминантная позиция по отношению к главенствующей матери. Он копирует самые плохие проявления взрослых, реже — капризен, непослушен, скандален и пр.

Русский мужчина-любовник, кроме глупости и трусости, никакими другими качествами не характеризуется: хвастается силой, а при появле-

нии мужа прячется и убегает, знает о моральных нормах, но сознательно их нарушает, осознавая вину. То есть русский любовник — тот же русский муж, но в другой ситуации.

Мужчина в американских анекдотах

Американский муж не супермен, но всегда самостоятелен, держится уверенно, независимо от жены, содержит семью, занимается бизнесом и делает профессиональную карьеру. Бизнес для него важнее жены (точнее, собственных сексуальных желаний). Он хитроват, умен, конкурентен, находчив, прагматичен, обладает деловой хваткой. Вместе с тем соблюдает принятые нормы: внимателен к жене (даже если ей изменяет), помнит о ее дне рождения и дне свадьбы, может подарить ценную вещь. Об его изменах жена чаще всего знает все. Женскую измену муж не терпит, приходит в ярость, при этом достается и жене, и любовнику, но больше жене. Жена его «достает» своей сексуальной активностью, и он жалеет, что женился.

Американский отец все-таки пытается принять участие в воспитании детей, похвастать перед ними своими успехами, но делает это не очень умело. С детьми он суетлив, рассеян, эгоистичен, часто бывает черств с ними и невнимателен к их потребностям.

Мужчина-сын пассивен, но рассудителен, склонен к самообвинению в случае неудачи и наказания, родительские методы воспитания критикует.

Русская женщина

Главная задача русской жены — вовремя изменить мужу. Муж узнает

об измене лишь случайно, но часто вообще не узнает, т. к. жена его умело обманывает. Иногда жена вообще не скрывает свои побочные связи (как правило многочисленные). Мужа она не любит, иногда презирает или ненавидит, но чаще всего считает его никчемным «бесплатным приложением» к семье. Муж сексуально ее не удовлетворяет, раздражает, сам вид его ей неприятен. Она его бьет. Она находчива, хитра, подозрительна, любит покомандовать в семье, занимает доминантную позицию и не собирается ее уступать. Жена погружена в домашние заботы и хлопоты, устает от хозяйства, но умела и вынослива. Терпит пьянство мужа. Часто она скупа, даже жадна и готова торговать собой, но за большие деньги. Материальная сторона жизни для нее очень важна. И вместе с тем она нуждается в мужской защите, восхи-

щается мужской силой (когда ее проявляет любовник), жаждет внимания и ласки. Если она подчинена мужу (что бывает крайне редко) и пассивна, то выглядит симпатично, а муж глупо.

В качестве матери русская женщина уделяет массу времени воспитанию детей, в частности, половому. Она учит их читать, писать, следит за школьной успеваемостью. Когда бывает равнодушна или излишне заботлива по отношению к детям, то выглядит глуповато и неприглядно. Зятя обычно не любит, хотя и пытается это скрыть.

Дочь обычно любит отца и мать, привязана к матери. Сохраняет эту привязанность на всю жизнь, делится с ней своими сердечными тайнами. Русская дочь всегда является помощницей матери, ее соучастницей и доверенным лицом.

Таблица 1

Результаты контент-анализа русских и американских анекдотов

Исследуемые критерии	Русские анекдоты		Американские анекдоты	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Всего анекдотов	70		36	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Высмеиваются поведение или черты характера	71%	29%	64%	36%
Проявляют инициативу, активны	33%	67%	44%	56%
Особенности характеров и поведения персонажей				
— лидерские качества	32%	77%	51%	66%
— зависимость, подчинение	38%	15%	16%	23%
— равнодушие, безразличие	30%	8%	33%	11%
— изменяет партнеру	7%	31%	14%	25%
— злоупотребляет спиртными напитками	13%	—	3%	—

Американская женщина

Американские жены так же часто, как и русские, изменяют мужьям, но муж обычно об этом не догадывается. Американская женщина сексуально не удовлетворена мужем и поэтому активно идет на контакт с другими мужчинами. Мужа она может любить, может не любить, но брак старается сохранить и обычно довольна браком. Хочет, чтобы муж уделял ей больше внимания, но удержать его около себя не умеет. В отличие от русской женщины способна инициировать развод. Ведет себя инфантильно; часто импульсивна и болтлива, ревнива и скандальна, бывает пассивной и неуверенной в себе, т. е. проявляет типичные черты зависимой, субдоминантной личности. Домашний бюджет ведет она, обычно рачительно и экономно.

Американская мать очень строга, мелочна, черства, в вопросах воспитания рациональна, не спускает промахов детям. И вместе с тем активна, инициативна. В сложных же ситуациях теряет и просит помощи мужа. Она хочет командовать в семье дочери, но ей редко это позволяют.

Дочь обращается за советом к матери и уважает мать, но часто копирует и отцовское поведение.

Результаты исследования на удивление точно соответствуют предварительным теоретическим рассуждениям.

Смена социально-экономической формации ведет к видоизменению реального типа российской семьи. Причем очень много данных в пользу того, что в семьях «новых русских» преобладают маргинальные отношения, характерные для перехо-

да от языческой к протестантской семье: доминантный отец, дети ближе психологически к отцу, мать занята собой, но еще не конкурирует с отцом в мужских сферах деятельности.

Интеллектуальное развитие детей в семье

Я исхожу из того, что развитие интеллектуальных способностей ребенка определяется его активным выбором партнера по общению из двух родителей. Ребенок будет более интеллектуально похож на того родителя, с которым он более эмоционально близок, с которым он интенсивнее общается, которому подражает. Но все ли решает эмоциональная близость? Следуя предложенной системе главных отношений, определяющих структуру семьи, столь же важную роль может иметь властный авторитет родителя или значение родителя как носителя ответственности.

Я приведу в качестве иллюстрации одно исследование, которое провела О.Н. Скоблик — моя аспирантка. Для тестирования уровня общего интеллекта мы выбрали тест Р. Кеттелла («тест, свободный от культуры»). С помощью методики «Рисунок семьи» в иллюстрации Г.Н. Хаменгаускаса, теста семейных отношений (FRT), теста родительского отношения А.Я. Варги и В.В. Столина и специальной анкеты для родителей были определены эмоциональные отношения между членами семьи.

В исследовании участвовало 86 семей, в которых было 258 членов. Средний возраст детей на момент тестирования равнялся 9.5 годам, все они посещали 3-й класс начальной

школы. В группе детей-испытуемых было по 43 девочки и 43 мальчика...

Практически все отечественные авторы отмечают большую эмоциональную близость между ребенком и матерью. В исследовании О.Н. Скоблик девочки в 75% случаев предпочитают мать, а в 24% случаев отца. Мальчики в 65% случаев выбирают отца, а в 35% случаев — мать.

В целом же 50% детей выбрали мать, а 44% — отца. Но, скорее всего, в предпочтениях «работает» механизм полоролевой идентификации: дети «выбирают» чаще родителя того же пола...

В наших результатах четко проявилась смена предпочтений, по крайней мере, у мальчиков, воспитанных в постсоветской семье по срав-

нению с детьми советской эпохи. Изменение направлено в сторону протестантской модели семьи: возрастает эмоциональная близость сыновей с отцами и значимость отцов для детей.

Подтвердилась известная гипотеза «ассортативности»: люди склонны жениться и выходить замуж за партнеров, сходных с ними по уровню интеллекта. Не только «дурак дурака видит издалека», но и умная умного, и наоборот. Коэффициент корреляции уровня общего интеллекта родителей 0.366 (положительный и значимый)...

Нетрудно заметить, глядя на табл. 2, что максимально сходны уровни интеллекта матерей и дочерей ($r = 0.524$). Дочь в русской семье

Таблица 2

Внутрипарное сходство родителей и детей по показателям общих способностей
(n — количество пар, r — коэффициент корреляции)

Сравниваемые пары	n	r
Отец — дочь	43	0.434
Отец — сын	43	0.426
Мать — дочь	43	0.524
Мать — сын	43	0.444
Мать — ребенок	86	0.484
Отец — ребенок	86	0.430
Родитель — ребенок	86	0.453
Родители между собой	86	0.366
Более близкий родитель — дочь	43	0.621
Менее близкий родитель — дочь	43	0.385
Более близкий родитель — сын	43	0.566
Менее близкий родитель — сын	43	0.337
Более близкий родитель — ребенок	86	0.584
Менее близкий родитель — ребенок	86	0.353

воспитывается как «вторая мама», максимально близка к матери и подражает ей (до определенного времени, точнее до 14–16 лет).

Попытаемся использовать эти коэффициенты корреляции для решения иной задачи — восстановления структуры эмоциональной близости в семье.

Ведь можно считать так: если в сходстве интеллекта членов семьи проявляется их эмоциональная близость, то по коэффициентам корреляции интеллекта можно выявить близость членов «среднестатистической семьи».

Для этого переведем коэффициенты корреляций (r) в «расстояния» — ρ ($0 < \rho < 1$):

$$\rho = (1 - r)/2$$

И получим следующую картину условных расстояний между членами «среднестатистической» семьи (рис. 1).

Очевидно, сын в российской семье (если верна наша гипотеза) находится в худшем положении, нежели дочь. Впрочем, к этому выводу мы уже пришли раньше, анализируя

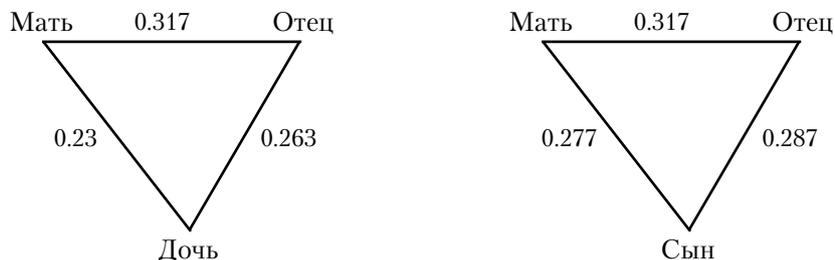
психологическую структуру постсоветской семьи: мать дальше от отца, чем сын, сын ближе к матери, чем к отцу. Вывод хотя и интересный, но ожидаемый.

Но вернемся к нашей исходной гипотезе и посмотрим, действительно ли у ребенка с эмоционально значимым родителем больше сходства в уровне интеллекта, чем с родителем, менее эмоционально значимым. Мы разделили всех родителей на более и менее значимых и подсчитали четкие коэффициенты корреляции интеллекта менее и более значимых родителей с дочерью и сыном. Конечно, следовало бы выделить отдельно корреляции детей с отцами (более или менее значимыми) и аналогично — матерями, но для этого объем выборки был явно недостаточен.

Сравнение корреляций уровней интеллекта сыновей и дочерей с более или менее эмоционально значимыми родителями показало, что независимо от пола ребенка корреляции интеллекта детей и эмоционально близких родителей выше. Следовательно, дело не в «материнском генетическом эффекте». Просто мать чаще эмоционально ближе к детям, чем

Рисунок 2

Эмоциональная дистанция между членами «среднестатистической» семьи

отец (о чем свидетельствуют и наши данные). Более того, различия корреляций оказались статистически значимы при высоком уровне достоверности.

Отсюда следует и другой вывод: идентификация с родителем того же

пола имеет важное значение для формирования ряда личностных качеств, но не имеет практически никакого значения для формирования когнитивных способностей. В последнем случае работают совершенно иные механизмы.

В.Н. ДРУЖИНИН

МОДЕЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИАПАЗОНА. ИНТЕЛЛЕКТ И ОБЩЕСТВО

Из книги

«Когнитивные способности: структура, динамика, развитие», 2001 г.

Структура интеллекта. Имплицативная модель

Групповые факторы интеллекта

Ч. Спирмен трактовал интеллект как общую умственную способность — «умственную энергию», которая определяет успешность выполнения любой деятельности. Он предположил, что если существует общая интеллектуальная способность, то все результаты выполнения любых тестовых заданий будут положительно связаны (коррелированы). В экспериментах подтвердилось это предположение. Максимальный «вес» по отношению к общему интеллекту имели задания на выявление абстрактных отношений, минимально общий интеллект влиял на решение психомоторных задач.

Позже Ч. Спирмен выявил, что в структуру общего интеллекта входят в качестве составляющих лингвистический (вербальный), механический (пространственно-динамический) и математический интеллекты.

Критики концепции Ч. Спирмена (в частности, Торндайк) отрицали

наличие общей умственной способности и считали, что существует множество независимых способностей (от 3 до 120 «факторов»). Однако, когда Г. Айзенк и Ч. Спирмен подвергли статистической обработке данные Торндайка, они обнаружили ошибочность его расчетов и выявили в данных оппонента общий фактор интеллекта.

Практически все исследователи выявляли 3 основных подфактора общего интеллекта, которые были первоначально выявлены Ч. Спирменом (см. табл. 1): числовой, пространственный, вербальный.

Например, в исследованиях Р.Е. Сноу и его коллег (1980) выделены следующие структуры: 1) общий фактор, который тестируется такими тестами, как «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена, тест, свободный от культуры (Р. Кеттелла) и пр., занимает вершину иерархии; 2) на втором уровне обобщенности выделяются три (как и у Ч. Спирмена) основных фактора, причем один из них более тесно связан с генеральным фактором; 3) низший уровень иерархии занимает десять подфакторов.

Таблица 1

**Гипотетические соотношения основных моделей интеллекта по факторам
(материалу и операциям)**

<i>Автор</i> <i>Фактор</i>	Л. Терстоун	Д. Гилфорд	Ч. Спирмен	Д. Векслер	Г. Кеттелл
Общий	—	—	общий	общий	общий
1	вербальное понимание	семантическое понимание	лингвистический	вербальный	«кристаллизованный»
2	вербальная беглость	семантическая дивергенция	—	—	—
3	пространственный	образный, конвергенция	механический	невербальный	«текущий» и фактор визуализации
4	числовой и индуктивный (коррелируют)	символический, конвергенция	арифметический	вербальный	«кристаллизованный»
5	ассоциативная память	«память»	—	—	«текущий»
6	перцептивная скорость	«познание»	—	—	«текущий»
7	—	поведение	—	невербальный	—

Главный вопрос состоит в следующем: какова генетическая и функциональная связь между этими факторами?

Данные психогенетических исследований свидетельствуют о том, что различия в вербальном интеллекте наследуемы в большей мере, чем различия в невербальном интеллекте.

Н. Хомский в 60-е годы выдвинул гипотезу о том, что ребенок рождается с механизмом овладения языком. Он пришел к выводу, что у ребенка есть врожденное знание о языке, какого рода системой является язык. Ребенок изначально обладает восприимчивостью к универсальным свойствам грамматики языка. Позже

ряд исследователей (Дж. Макнамара, М. Дональдсон и др.) показали, что дети усваивают язык, потому что обладают способностью извлекать смысл из ситуаций, связанных с непосредственным поведением людей. Ряд тонких экспериментов продемонстрировал справедливость этого суждения.

Отсюда можно сделать вывод о первичности «эмоционально-поведенческого кода» и операций, связанных с ним, по отношению к естественной речи и способности оперировать «натуральным» языком.

М. Дональдсон пишет по этому поводу: «На ранних стадиях развития, до того как у ребенка сформируется полное осознание языка, язык

По местным утренним часам,
Как неожиданный десант,
Тревожит солнце склоны сопок.
Из них вытягивают соки
Напрасно чахлые леса:

На южном краешке тайги
Леса редеют — сталью траков
Их выминают роты танков,
Вытаптывают сапоги.

На южном краешке растет
Солянки и полыни зелень —
Так густо поливает землю
Соленый пот,
солдатский пот.

1978

Июль 1978 г. — последний день перед отправкой в армию.

Внизу: К.Н. Дружинина (мать), Н.К. Дружинин (отец)

Вверху: Е.Н. Дружинина (сестра), В.Н. Дружинин, Н.В. Артемьева (жена)

включен в поток событий, в связи с которыми он используется. До тех пор пока это происходит, ребенок понимает не отдельные слова, он интерпретирует ситуацию. Его больше заботит смысл того, что делают люди, когда они говорят и действуют, чем значение слов... В то же время ребенок занят структурированием, извлечением смысла ситуаций, даже когда никаких слов не произносится; порой кажется, что, когда они все-таки звучат, на понимание ребенком прозвучавшего высказывания сильно влияет, как он сам структурирует контекст». (Дональдсон М. Мыслительная деятельность детей. М.: Прогресс, 1988, с. 105). Таким образом, «первичным» является поведенческий интеллект (он же — смысловой). Основные предположения таковы: 1) между групповыми факторами интеллекта (по Спирмену–Гилфорду) существует иерархическая импlicative зависимость, факторы не ортогональны; 2) для развития фактора следующего уровня необходим минимальный уровень развития предыдущего фактора; 3) генетическая очередность формирования факторов интеллекта: поведенческий, вербальный, пространственный, формальный.

Итак, «поведенческое мышление» первично, следовательно, прав Дж. Гилфорд, выделявший поведенческий («социальный») интеллект в качестве самостоятельного фактора наряду с вербальным (смысловым), пространственным и арифметическим.

Поведенческий интеллект обладает следующими признаками:

1) контекстуальность — интерпретация действия зависит от ситуации;

2) непрерывность — хотя действие конечно (определяется достижением цели), но движение — непрерывно;

3) нет обратимости действий во времени;

4) нет инвариантности действий в пространстве;

5) эмоциональная насыщенность;

6) неоднозначность смысла действия — следствие ситуационной зависимости.

Язык позволяет выйти за пределы наличной ситуации: он как бы выносит вовне точку отсчета и позволяет субъекту «децентрироваться» — выйти за пределы ситуации (взаимодействия Я и другого), «встать над ситуацией».

Первый шаг на пути усвоения языка и формирования речевого мышления — освобождение его от связи с конкретными событиями и овладение им как самостоятельной структурой. Наибольшая трудность возникает при освобождении высказывания от ситуационного контекста. Звучащая речь и речевое мышление, строящееся на этой основе, также обладает рядом признаков:

1) содержание зависит от контекста;

2) мышление (содержание и операции) является непрерывным (главная трудность у ребенка при обучении чтению — выделить в речевом потоке слова и фонемы);

3) операции речевого мышления инвариантны относительно пространства;

4) операции необратимы («слово не воробей...»);

5) существует эмоциональная насыщенность (конативная составляющая);

6) смысловая неоднозначность (феномены омонимии и синонимии);

7) независимость операции от ситуации.

Переход к письменной речи требует развития пространственно-динамического мышления. Мышление «изображениями» — пространственно-временными схемами строится на взаимодействии зрительного и тактильного анализаторов с предметами окружающего мира, причем зрение само по себе не дает представления о «физике» окружающего мира: силах, плотности и массе предметов, их «податливости» воздействию и др.

Условно из целостного «механического» интеллекта можно выделить пространственный интеллект («S-фактор» по Терстоуну). Он измеряется тестами на мысленное вращение предметов и на быстрое восприятие и идентификацию изображений.

Пространственный интеллект является следующей ступенью в генетической иерархии. Он характеризуется следующими особенностями:

1) независимостью содержания и операций от ситуационного контекста;

2) непрерывностью операции в пространстве;

3) инвариантностью операции относительно пространства;

4) обратимостью операций во времени;

5) независимостью от ситуации;

6) однозначным отношением описания к содержанию;

7) почти полным отсутствием эмоциональной составляющей.

Письменная речь — это перевод устной речи в пространственный код. И она не может развиваться до определенного уровня формирова-

ния пространственного мышления. Устное слово всегда существует лишь во времени, написанное в пространстве — на странице, и его содержание существует вне времени: ребенок может прочитать матери те же слова, что и учителю в классе.

Письменная речь инвариантна по отношению к ситуации и ко времени, а чтение (активное) есть шаг к осознанию языка. Пассивное чтение (слушание) — совсем другое явление. В частности, выявлено, что, читая самостоятельно, дети задают вопросы о языке, а слушая — только о поведении героев и о сюжете.

В 4 года ребенок начинает разбивать речевой поток на «кусочки». До этого дети не осознают, что речевой поток не непрерывен, а состоит из слов. Первый шаг к дискретности содержания мышления дает оперирование с изображением: буква — это первая пространственная схема.

При этом замечено, что ребенок рисует (и мыслит пространственно) тем лучше, чем лучше проговаривает свои действия при рисовании. Многие педагоги отмечают феномен спонтанного проговаривания ребенком своих действий при рисовании.

Наконец, последним по времени формирования является формальный (или знаково-символический) интеллект. Он базируется на «искусственных» языках, которыми овладевает ребенок позже, чем остальными.

Первый искусственный язык, которым овладевает ребенок, — натуральный ряд чисел. Он также базируется на «пространственном коде»: первично порядковое число, и лишь позже ребенок овладевает понятием числа как количества. «Первый» и

«второй» предшествуют «одному» и «двум».

Приведем основные свойства формально-знакового интеллекта:

- 1) независимость содержания и операций от контекста;
- 2) дискретность знаков и операций;
- 3) инвариантность пространственная;
- 4) обратимость операций во времени;
- 5) надситуативность операций;
- 6) однозначность смысла: нет перекрытия смыслов (омонимов и синонимов);
- 7) нет эмоциональной составляющей значения (эмоциональной семантики) — и новый признак:
- 8) произвольность знака по отношению к содержанию, содержание определяется системой отношений между знаками (структурой искусственного языка в целом).

Только на уровне операций с числом и другими искусственными знаками возможно полностью надситуативное мышление, когда операции полностью независимы от предметного содержания задачи.

При формально-символическом мышлении возможен переход от одной содержательной задачи к другой через отождествление их структур с некоторой формальной структурой.

Между тем как на уровне «пространственно-механического» интел-

лекта возможен лишь «трансфер» — «горизонтальный перенос» операций с одной задачи на другую, по методу аналогий:

Тем самым нетрудно заметить, что при последовательном переходе от «поведенческого» интеллекта к формальному убывает эмоциональная составляющая «кода» (материала, отношений и операций), возрастает однозначность и произвольность обозначения (выражения) по отношению к содержанию, растет независимость операций от ситуации, контекста, пространства и времени: проявляются инвариантность и обратимость операций.

В зависимости от генетических и средовых факторов дети по-разному овладевают перечисленными «универсальными кодами» интеллекта, и эти различия проявляются с момента овладения кодом.

Например, при факторизации батареи тестов Д. Векслера, проведенной на детях 6 лет, выявляются три фактора: общий интеллект, вербальный и невербальный (механический и пространственный) интеллекты, между тем как у подростков и взрослых дополнительно выделяется 4-й фактор, включающий субтесты на числовом материале.

«Поведенческий» интеллект является как бы базой для развития всех прочих форм интеллекта.

Четырехмерная модель

Рассмотрим формальные отношения групповых факторов интеллекта.

Предположим, что общий интеллект определяет успешность выполнения любого теста (вербального, пространственного, числового). Зависимость успешности выполнения любого теста от уровня общего интеллекта описывается [следующей] моделью: 1) необходим минимальный уровень интеллекта («порог»), чтобы овладеть инструкцией и операциями, требуемыми для выполнения теста, 2) чем выше уровень общего интеллекта, тем выше предельная продуктивность, 3) реальная продуктивность индивида может располагаться в диапазоне продуктивности, определяемой «интеллектуальным» порогом теста и индивидуальным общим интеллектом. Продуктивность детерминируется мотивацией и развитием специальной компетентности (специальный фактор). Общий интеллект задает верхнюю границу для его проявления.

Предположим также, что для овладения каждым видом «кода» — речевым, пространственным, формально-знаковым — требуется некоторый начальный минимальный уровень интеллекта («порог»). Этот «порог» определяется эмпирически. Овладение каждым видом «кода» приводит к возникновению нового интеллектуального фактора — «интеллектуальной» способности: вербальной, пространственной, формально-логической. Причем каждый новый «код» базируется на предыдущих: вербальный на поведенческом, пространственный на поведенческом и вербальном и т. д. Для того чтобы новая способность возникла, необходим минимальный уровень развития предыдущей, которая задает пределы для развития и проявления новой способности.

Итак, уровень развития одного из интеллектуальных факторов только предоставляет возможности для развития других. Причем диапазон возможностей будет колебаться в пределах, определяемых уровнем развития предшествующего фактора и «порогом», необходимым для развития последующего фактора. На рис. 1 представлены гипотетические отношения между вербальным (V) и пространственным факторами интеллекта (S).

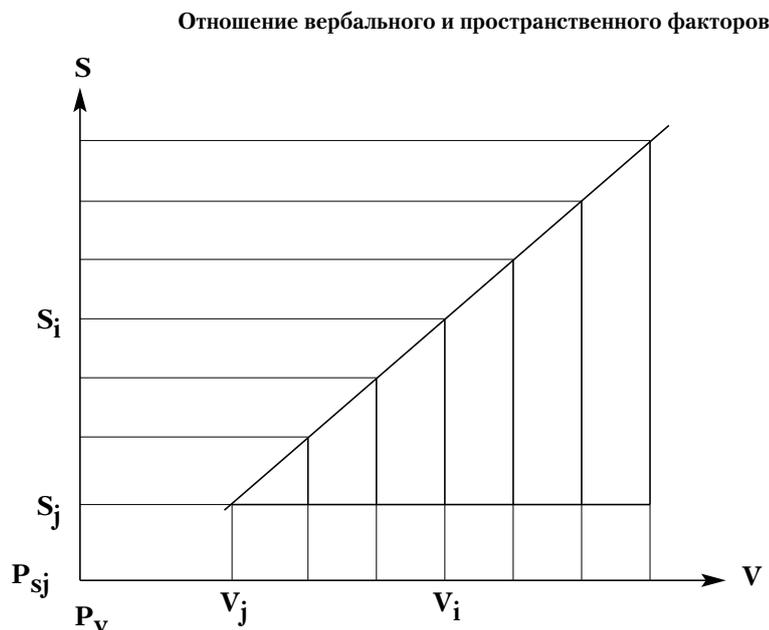
Аналогичные отношения должны существовать между пространственным и числовым факторами.

Таким образом, уровень индивидуального общего интеллекта неоднозначно определяет его структуру: овладение каждым следующим кодом предполагает повышение «интеллектуального порога» — уровня развития предшествующего фактора, минимально необходимого для развития последующего, но индивидуальный уровень развития фактора лишь указывает на верхний предел развития факторов более высокого уровня (более поздних по происхождению).

Индивид с высоким уровнем формально-логического интеллекта вероятнее всего будет обладать высоким уровнем пространственного и вербального интеллектов, индивид с высоким уровнем развития пространственного интеллекта вероятнее всего будет обладать высоким уровнем развития вербального интеллекта, но его формальный интеллект может быть как высоким, так и низким.

Что касается лиц с высоким уровнем развития вербального интеллекта, то среди них могут встречаться люди с разными уровнями развития

Рисунок 1

других интеллектуальных факторов. Но для проверки этих выводов требуется проведение корреляционных исследований. Известно, что распределение людей относительно величины IQ подчиняется нормальному закону («колоколообразная кривая»).

«Интеллектуальный порог» как бы отсекает часть популяции: не все индивиды способны овладеть тем или иным культуральным кодом. Соответственно у части детей возникают проблемы с овладением речью, пространственным мышлением или навыками счета. Кроме того, существует квазинормальность распределения индивидов, обладающих одним и тем же уровнем развития базового интеллектуального фактора на отрезке, ограниченном предельной продуктивностью по второму фактору (см. рис. 1) и продуктивностью, определяемой «интеллектуальным порогом».

Модель имеет еще одно любопытное следствие. Выраженность специальных интеллектуальных способностей разного уровня на популяции будет различной. При нормальном распределении индивидов относительно шкалы абсцисс по шкале ординат мы получим распределение с левосторонней асимметрией. И, соответственно, в дальнейшем при переходе от 2-го фактора к 3-му и т. д. левосторонняя асимметрия будет нарастать.

Интерпретировать этот эффект достаточно просто: если мы протестируем структуру интеллекта всех представителей генеральной совокупности, то лиц с высоким и очень высоким вербальным интеллектом должно выявиться больше, чем с высоким пространственным, и лиц с высоким пространственным интеллектом — больше, чем с высоким

математическим (он же — формальный) интеллектом.

Отчасти мы получили подтверждение этого следствия модели при обследовании интеллекта учащихся 5–11 классов средних школ 10 регионов Российской Федерации (выборка — около 2000 человек)...

Каждый, кто знаком с техникой конструирования тестов, скажет, что это нонсенс: ведь тест создается так, чтобы распределение индивидов по шкале тестового балла было нормальным. При левосторонней асимметрии из теста убираются трудные задания и добавляются легкие. Однако составляющие интеллекта зависимы, и любая *наугад выбранная* формальная задача *вероятнее всего* будет более трудной для среднего испытуемого, чем *наугад выбранная* задача на пространственный интеллект, а та, в свою очередь, труднее вербальной. И тогда при создании первого варианта теста шкалы будут различаться по трудности, определяемой через вероятность решения задачи наугад взятым испытуемым.

Следовательно, эффект будет проявляться: 1) на первом этапе конструирования тестов, 2) при критериальном тестировании (особенно если норматив определяют лица с развитым формальным интеллектом). Дальнейшая работа над тестом сводится чаще всего к «упрощению» математического и пространственно-го субтестов.

Зависимость учебной успеваемости от уровня развития отдельных интеллектуальных способностей

В педагогической психологии накоплен колоссальный эмпирический

материал, касающийся связей уровня развития интеллекта с успеваемостью. Следует отметить, что вербальный интеллект сильнее связан с уровнем учебной успеваемости, чем невербальный (по Д. Векслеру).

При осуществлении индивидуального подхода к обучению важно знать, как развитие отдельных составляющих структуры интеллекта определяет успешность овладения школьниками теми или иными учебными предметами.

В зависимости от возраста ребенка характер этих связей меняется. Мы сосредоточили свой анализ на результатах исследований детей среднего и старшего школьного возраста.

Анализ всех доступных нам литературных данных по проблеме взаимосвязи уровня развития познавательных способностей и успешности обучения в школе по различным учебным предметам показал, что для определения профиля обучения и определения уровня, на котором будет проводиться обучение, достаточно диагностики трех типов интеллекта — вербального, математического и пространственного. Обобщенные результаты приведены в следующей таблице, показывающей корреляции между успешностью обучения по различным школьным предметам и познавательными способностями.

Результаты в обобщенном виде можно описать следующим образом:

1) уровень вербального интеллекта определяет успешность обучения по всем предметам, и в первую очередь гуманитарным (литература, история и т. д.);

2) уровень пространственного интеллекта определяет успешность

Таблица 2

Успешность обучения по предметам и уровень интеллекта
(+ – умеренная, ++ – высшая положительная корреляция)

Школьные предметы	Интеллект			
	невербальный математический	невербальный пространственный	вербальный	общий
русский язык			+	++
литература			++	++
история			+	
иностранный язык			+	
география		+	+	
физика	++	+		
алгебра	++	++	++	++
геометрия	++	++	++	++
химия	++		+	+
зоология		+		+
черчение		++	++	++

обучения по предметам естественно-гуманитарного цикла (биология, география и пр.) и физико-математического цикла;

3) уровень формального (числового) интеллекта определяет успешность обучения по математике.

В табл. 2 отсутствует значимая связь вербального интеллекта и успеваемости по физике, а также пространственного — по химии. Скорее всего, это артефакт. Вероятно, при дальнейших исследованиях эти связи обнаружатся.

Таким образом, чтобы успешно учиться по математике, физике и хи-

мии, нужно обладать развитым «числовым» (формально-символическим), пространственным и вербальным интеллектом.

Для успешного обучения по предметам естественнонаучного цикла необходим высокий уровень развития пространственного интеллекта и вербального интеллекта. Чтобы хорошо успевать по гуманитарным дисциплинам, нужен высокий уровень развития вербального интеллекта.

Эту зависимость можно назвать ступенчатой и выразить в аналитическом виде:

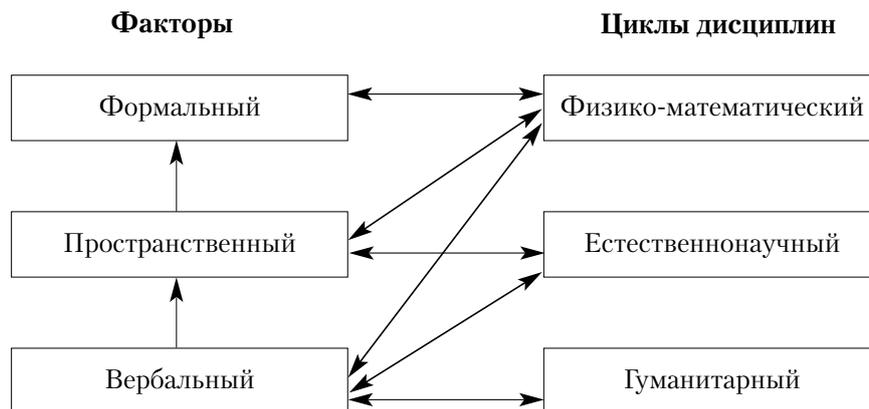
$$Y_{ф-м} = a_1 I_a + a_2 I_n + a_3 I_e$$

$$Y_{en} = a_2 I_n + a_3 I_e$$

$$Y_{zn} = a_3 I_e$$

где a_i — «весовые» коэффициенты.

Следует лишь добавить, что корреляционные связи между успешностью обучения и уровнем развития каждого из факторов описываются той же моделью «интеллектуального диапазона».

Судьба интеллекта в России

Новая элита

Великий социолог Вильфредо Парето создал теорию «кругооборота элит». Вкратце ее основные положения сводятся к следующему. В любом обществе есть элита, субэлита и социальные низы. Высший слой воспроизводит себя и на ранних этапах становления рекрутирует из субэлиты активных и творческих людей, которые стремятся стать членами социально-экономической элиты. По мере развития социальной системы элита «консервируется», приток активных личностей ограничивается стремлением ее членов сохранить и

удержать привилегии. Происходит падение интеллектуального и творческого потенциала элиты, которая избавляется от лиц, не желающих следовать традициям (креативов и реформаторов), в субэлите и маргинальных слоях растет число лиц с избыточной творческой и интеллектуальной активностью. Происходит социальный взрыв: к власти в обществе приходят новые люди и формируют новую элиту.

Крушение власти партократии («старой» номенклатуры) и формирование нового правящего слоя из представителей новой «молодой» номенклатуры и бизнес-класса

укладывается в эту схему. Журналисты и публицисты много писали о нравственных и интеллектуальных качествах «новых русских», выдавая их за «ангелов» или за «демонов».

Экспериментальные исследования личностных особенностей, способностей и ценностных ориентаций представителей российского бизнеса, проведенные автором этих строк и его сотрудниками, свидетельствуют о том, что не так страшен черт, как его малюют. Кроме того, крылышки серафимов трудно приклеить к «красным пиджакам». Среди российских предпринимателей встречаются разные типы личностей. Но наиболее социально успешные среди них обладают высоким интеллектом, стремлением к доминированию, творческими способностями, ими движет стремление к независимости и открытию новых возможностей. В отличие от прежней элиты, они обладают нешаблонным мышлением, меньше ориентируются на социальное окружение в своих действиях и при разрешении конфликтных ситуаций стремятся к компромиссам (а не к подчинению или агрессии). Однако российские предприниматели меньше ориентируются на социальные нормы поведения, нежели их американские коллеги и больше рассчитывают в трудных ситуациях на себя, нежели на компетентных консультантов. Разумеется, это приводит к стрессам. Российский бизнесмен живет не прошлым, а будущим: если американцы имеют психологическую опору в родительской семье (часто их отцы — бизнесмены), то наши деловые люди ищут опору в детях.

Можно ли жить в России?

Казалось бы, о чем беспокоиться? Старая интеллектуальная элита, естественно, сойдет на нет, новая ее заменит. Дети нынешних умных бизнесменов получают хорошее образование и станут деятелями российской науки и искусства.

Однако при том, что российский предприниматель работает «ради детей», их воспитанием он мало занимается, лишая тем самым детей первичного образца для подражания... А известно, что уровень развития познавательных способностей детей (особенно мальчиков) зависит от общения с отцом. Но дело не в этом. Подавляющее большинство представителей новой социально-политической элиты не связывает свою судьбу и, главное, судьбу своих детей с Россией. Надежда на то, что дети будут учиться за границей, жить и работать в США, Германии — безразлично где, лишь бы не на родине! — эта надежда является одним из главных мотивов, определяющих поведение российского предпринимателя, политика, высокопоставленного чиновника.

Если старая интеллектуальная элита уничтожается экономически и социально, а новая не связывает свою судьбу с Родиной, то будущего у нашей страны нет. По данным В.В. Степанова и других исследователей, из России эмигрируют, как правило, молодые люди с высшим или неоконченным высшим образованием, с высокой квалификацией и уровнем доходов выше среднего. Нас всех поражают суммы, ушедшие из России за рубеж за последние 3 года. Они и впрямь велики — 100 млрд. долларов. Но никого не тревожит,

что 5–6 миллионов людей готовы выехать за рубеж при малейшей возможности. Снижение общего уровня культуры и интеллектуальности общества неизбежно вызовет социально-политические последствия.

Известно, что уровень рациональности поведения человека зависит от воздействия группы. Но существует и обратная связь: интеллектуалы менее подвержены «групповому давлению», влиянию толпы, что мы и наблюдали по телевидению, сравнивая поведение участников митингов, проводимых «Демократической Россией», с поведением толпы «анпиловцев». Как говорил Иосиф Бродский, масса может отлиться в две формы: демонстрации и очереди. Люди в Москве и Санкт-Петербурге ведут себя иначе, чем в других местах России, лишь потому, что в московских и петербургских толпах и очередях больше интеллектуалов.

Вместо выводов

Если мир до сих пор — театр, то на роль Кассандры в нашем Отечестве слишком много претендентов. То, что российская наука и образование уже никогда не достигнут хотя бы уровня начала 80-х годов,— об этом

неудобно говорить. Мысль слишком банальна. Например, по оценкам академика И.Т. Фролова, ущерб, который понесла отечественная генетика за прошедшие годы, намного больше, чем вред, нанесенный ей печально известным академиком Лысенко. Аналогичное положение в области космических исследований, между тем как в НАСА (США) работает 100 бывших граждан СССР, а в Израиле 90% всех научных кадров военно-промышленного комплекса — наши бывшие соотечественники.

Гораздо важнее подумать о последствиях, непосредственно касающихся нашей власти. Интеллектуальный маргинал (в конце XIX века — разночинец) потенциально является лидером или участником будущей революции, ибо обладает умом, ненавистью к власти и недовольством своим социальным положением. Глупая и некультурная масса — объект любых провокаций и манипуляций.

Потерять интеллектуальных и творческих детей для страны страшнее, чем потерять 100 миллиардов долларов. С умными вы сможете договориться, они вам помогут эти доллары заработать. С дураками договориться и работать не удастся никогда.

В.Н. ДРУЖИНИН

ТВОРЧЕСТВО: ПРИРОДА И РАЗВИТИЕ

Из книги

«Когнитивные способности: структура, динамика, развитие», 2001 г.

Гипотеза «функциональной избыточности»

Способность изобретать новое и воплощать новые идеи в реальность, очевидно, является важнейшей (если не главной) особенностью, отличающей человека от высших приматов и других высокоорганизованных животных, соседей по эволюционному древу. Мало кто из социобиологов, этологов и зоопсихологов сомневается в наличии у высших обезьян способности к абстрактному мышлению и простейшим формам речевого или псевдоречевого общения.

Интеллект как способность решать актуальные проблемы в уме без поведенческих проб присущ не только человеку, но ни один вид не создал хотя бы что-то, напоминающее человеческую культуру. Элементы человеческой культуры: музыка, книги, нормы поведения, технологические средства, здания и др. — все является изобретениями, тиражируемыми и распространяемыми во времени и пространстве.

Важно ответить на вопрос: могли бы люди физически существовать и

размножаться без и вне культурной среды, если культура есть необходимое средство адаптации человека к миру, а человеческий индивид вне культуры обречен на гибель. «Маугли» казалось бы, являются доказательством этого тезиса, но они «жертвы» лишь духовно, а физически — выживают! Можно сказать иначе: культура есть необязательный «довесок» к человечеству, но она возникает потому, что отдельный человек не может существовать, не производя новых предметов культуры, как не может прекратить есть, пить или дышать. Возникает ли из этого тезиса мысль, что способность к творчеству изначально присуща человеку? Возможно. Но, на мой взгляд, (и это гипотеза!) творчество само по себе также является культуральным изобретением.

Постараюсь обосновать такое предположение.

Для этого следует привести ряд теоретических соображений:

1. Человек отличается от других животных не просто «уровнем интеллекта», а функциональной избыточностью когнитивного ресурса по

В.Н. Дружинин и Н.В. Дружинина, 1979 г.

Время сердцу болеть
На перевале лет.
Видно — от жизни осталась
В лучшем случае — треть.

Все, что скоплю под старость,
Прахом пойдет,
быльем

Порастет,
Но осталась
Нежность во взгляде твоём.

Лишь на двоих теперь
Время. И только на
Время.
Помимо потерь —
Только любовь одна.

Птица моя синица,
Куда летишь?
Сядь на речные ресницы —
Жухлый камыш.

Снег отряхни в прорубь
С крохотных крыл,
Крошек поклюй — вдоволь
Я накрошил.

Час коротаем вечерний.
Нам, кочевым,
Встретилось среди кочевий
Родство крови.

Птица моя синица,—
Снег на висках...
Нам бы с тобой очутиться
В добрых руках...

1986

В.Н. Дружинин с сыном Димой, 1982 г.

отношению к задачам адаптации. Проще говоря, интеллектуальные способности нормального человека («среднего человека») как представителя вида превышают те требования, которые предъявляет к нему окружающая природная среда.

2. С развитием культуры и цивилизации возрастают требования культуральные. Связанные с овладением культурой, снижаются требования адаптации к природной среде. Человек защищен от воздействий опасностей «излишком» изобретений. Функциональная избыточность по отношению к природной адаптации возрастает, по отношению к культурно-социальной — падает.

3. Множество моделей поведения, гипотез, образов будущего мира остается «не востребуемыми», ибо большинство из них невозможно применить для регуляции адаптивного поведения. Но человек постоянно порождает гипотезы, которые активны и требуют своей реализации.

Каждый из нас, как М.Ю. Лермонтов, может сказать, что «в моей душе я создал мир иной и образов других существование», уточнив лишь, что таких миров много. Каждый (в воображении!) потенциально мог бы прожить множество разных жизней, но реализует лишь один линейный, необратимый жизненный путь. Время линейно, параллельных жизней не дано...

Возможность для творчества предоставляется тогда, когда человек выпадает из потока решения задач на адаптацию, когда ему предоставляется «покой и воля», когда он не занят заботами о хлебе насущном или отказывается от этих забот, когда он предоставлен сам себе — на больнич-

ной койке, в камере одиночного заключения Шлиссельбурга, ночью за письменным столом Болдинской осенью...

Индивиды различаются уровнем когнитивной функциональной избыточности (КФИ). Чем ниже избыточность, тем более адаптивным и удовлетворенным должен чувствовать себя человек. С этим выводом совпадает результат исследований в области интеллектуальной адаптации, свидетельствующих о наличии «социального оптимума» уровня интеллекта: наиболее социально адаптированы, а также профессионально успешны лица со средним интеллектом и с интеллектом чуть выше среднего. Вместе с тем существуют и данные о высокой адаптивности и удовлетворенности жизнью индивидов с интеллектом ниже среднего и даже с умеренной олигофренией.

И вместе с тем, как уже было отмечено выше, установлено, что лица с высоким и сверхвысоким интеллектом наименее удовлетворены жизнью. Этот феномен наблюдается как в странах Запада, так и в России.

Все меньше индивидов удовлетворяет требованиям культуральной адаптации, выдвигаемой современным производством (понимая этот термин в широком смысле, как производство предметов культуры). Отсюда распространение и потребление упрощенной культуры, суррогатов типа произведений «массовой культуры» и т. д., относительное уменьшение численности субъектов, способных участвовать в культурном творчестве, воспринимать и понимать смысл изобретений, теорий, открытий. Мало кто, кроме узкого круга профессионалов, может произвести

недавно полученное доказательство теоремы Ферма; мало любителей изящной словесности, действительно способных понять метафоры Т. Элиота или И. Бродского.

Творчество все больше и больше специализируется, и творцы, как птицы, сидящие на удаленных ветках одного и того же дерева человеческой культуры, далеки от земли и едва слышат и понимают друг друга. Большинство же вынуждено принимать на веру их открытия и пользоваться плодами их ума в быту, не отдавая себе отчета, что и капиллярную авторучку, и застежку-«молнию», и видеоплеер кто-то когда-то изобрел.

Итак, когнитивной функциональной избыточностью как свойством психики обладают в разной мере все нормальные, без генетических дефектов, ведущих к снижению интеллекта, представители человеческой популя-

ции. Но уровень КФИ, требуемый для профессионального творчества в большинстве сфер человеческой культуры, таков, что оставляет большинство людей за пределами профессионального творчества. Но человечество и здесь нашло выход в форме «любительства», «творчества на досуге», хобби в тех сферах, которые пока еще доступны для большинства.

Эта форма творчества доступна практически всем и каждому: и детям с поражениями опорно-двигательного аппарата, и душевнобольным, и людям, утомленным монотонной или сверхсложной профессиональной деятельностью. Массовость «любительского» творчества, его благотворное влияние на душевное здоровье человека свидетельствует в пользу гипотезы «функциональной избыточности как видоспецифичном признаке человека».

Из книги «Психология общих способностей», 1995 г.

Формирование креативности и обучаемость

Развитие креативности проходит, как минимум, две фазы:

1. Развитие «первичной» креативности как общей творческой способности, не специализированной по отношению к определенной области человеческой жизнедеятельности. Сензитивный период этого этапа, по данным ряда авторов, наступает в 3–5 лет. В это время подражание значимому взрослому как креативному образцу, возможно, является основным механизмом формирования креативности.

2. Подростковый и юношеский возраст (возможно, от 13 до 20 лет). В этот период на основе «общей» креативности формируется «специализированная» креативность — способность к творчеству, связанная с определенной сферой человеческой деятельности как ее «обратная сторона», дополнение и альтернатива. На этом этапе особую значимую роль играет «профессиональный» образец, поддержка семьи и сверстников.

Заметим, что креативность, скорее всего, формируется на основе общей одаренности (так же как и интеллект).

Возможно ли искусственно воспроизвести условия социальной ми-

кросреды, которые могут позитивно влиять на развитие креативности?..

В повседневной жизни, как показывают многочисленные исследования, происходит подавление креативных свойств в индивидууме. Это может быть объяснено тем, что креативность предполагает независимое поведение, сотворение единичного, в то время как социум заинтересован во внутренней стабильности и непрерывном воспроизведении существующих форм отношений, различного рода продукции и т. д. ...

Среда, в которой креативность могла бы актуализироваться, обладает высокой степенью неопределенности и потенциальной многовариантностью (богатством возможностей). Неопределенность стимулирует поиск собственных ориентиров, а не принятие готовых; многовариантность обеспечивает возможность их нахождения. Кроме того, такая среда должна содержать образцы креативного поведения и его результаты.

В процессе нашего исследования мы предположили, что сочетание некоторых параметров микросреды, в которой существует индивидуум, — низкая степень регламентации поведения, предметно-информационная обогатенность и представленность образцов креативного поведения — оказывает определяющее влияние на его креативность. Это может выражаться как в том, что слабо проявленные креативные свойства личности станут значительно более выраженными, так и в том, что у некоторых людей они проявятся в поведении.

Исследование было проведено Н.В. Хазратовой с участием 159 дошкольников в возрасте 3–5 лет. Шесть групп по 15 человек участвовали в

формирующем эксперименте. В них входили дети до трех (1 группа), четырех лет (2 группы), пяти лет (2 группы); в одну группу были включены разновозрастные дети (3–5 лет).

Три группы (3-, 4- и 5-летних) по 23 человека использовались для сопоставления с группами, участвовавшими в формирующем эксперименте. Экспериментальные и контрольные группы были уравнены по исходным оценкам креативности.

Измеряли уровень креативности испытуемых. Учитывались два показателя: показатель продуктивности, отражающий креативную ценность продуктов деятельности; мотивационно-личностный, отражающий мотивационную основу креативного поведения.

Диагностика креативности происходила в процессе игры и касалась двух видов игровых действий — придуманных игровых событий и употребления предметов-заместителей. Креативная ценность игрового действия определялась отнесением каждого придуманного игрового события (при помощи специально разработанной системы интерпретации) к одному из следующих типов:

I. Событие — постановка проблемы, предполагающей множественность решений, дающей толчок дальнейшему развитию игры. (Пример: «В пещере находятся робот-строитель и робот-разрушитель, которых не отличишь друг от друга, пока не включишь».)

II. Событие, представляющее собой неожиданное разрешение проблемы. (Пример: «Злая колдунья похитила принцессу, принцесса оказалась еще злее и сбросила колдунью с метлы во время полета».)

III. Событие, представляющее собой очевидное продолжение сюжета. (Пример: «Полицейские гонятся за бандитами — бандиты убегают; полицейские стреляют — бандиты падают и умирают».)

Каждый вид игровых событий оценивается соответствующим количеством баллов по креативности. Оценивали также особенности употребления предметов в игре. Все возможные ассоциации, вызываемые предметом (идеи о его возможном употреблении в игре), подразделились на три группы:

1. Воспроизводящие общепринятое значение предмета или семантически близкие к нему. (Пример: воздушный шар употребляется как мяч.) Ответы оценивались 0 баллов по креативности.

2. Семантически оторванные от общепринятого значения, не имеющие общих признаков с реальным предметом. (Пример: воздушный шар—крокодил.) Также 0 баллов.

3. Ассоциации, полученные за счет использования некоторых реальных признаков предмета при абстрагировании от его свойств, которые «эксплуатируются» повседневно. Оценивалось также, во-первых, использование «явных» (перцептивных) признаков предмета — свет, форма, вес, размеры. (Пример: воздушный шар — солнце.) 1 балл по креативности. Во-вторых, использование «скрытых» (неперцептивных) признаков, включая структурные особенности: хрупкость и т. д. (Пример: воздушный шар — парус.) 2 балла по креативности.

Продуктивный компонент креативности подсчитывали как отношение суммы баллов, полученных в течение игры, ко всему времени игры.

Мотивационно-личностный компонент оценивался при помощи учета таких проявлений, как высказывания по осмыслению игровой проблемы, желание либо нежелание играть. Учитывалась эмоциональная зависимость ребенка от оценки взрослого (как количество запросов ребенком одобрений у взрослого)...

Формирующий эксперимент заключался в том, что в микросредах экспериментальной выборки были созданы условия нерегламентированности поведения, предметно-информационной обогащенности, представленности креативных образцов. Они поддерживались на постоянном уровне в течение пяти месяцев...

В начале, середине и конце формирующего эксперимента мы оценивали уровень креативности испытуемых, а также выраженность соответствующих средовых условий. В процессе наблюдения экспериментатор вел дневник, в котором фиксировал эмоционально-личностные проявления детей. Дневниковые записи были обработаны методом контент-анализа. Формирующее воздействие, осуществленное на экспериментальной выборке, проявилось в следующем: с детьми систематически организовывали игры по специально разработанной методике, проводили работу со взрослыми, регулярно взаимодействующими с детьми.

Чтобы минимизировать регламентацию поведения, детям разрешали любые способы поведения (исключая открытую агрессию), двигательные действия, тематику игры, применение в игре находящихся в помещении предметов.

Обогащенность микросреды достигалась использованием предметов,

характеризующихся неспециализированностью, обеспечивающих многовариантность применения, обладающих высокой «ответственностью» (т. е. возможностью вызвать изменение без больших усилий), разнообразных по форме, величине, цвету, весу. Модель креативного игрового действия, реализуемого взрослым, состояла в том, что: а) взрослый придумывал игровое событие, содержащее некую проблему, и воспроизводил его в игре; б) соответствующим образом использовались предметы-заместители; взрослый заранее заготавливал всевозможные линии развития сюжета и способы употребления предметов, намеренно избегал в игре позиции лидера.

В процессе эксперимента в микросреду вносили следующие изменения:

а) регламентацию поведения понижали путем консультативно-тренинговой работы с воспитателями — нормативными источниками регламентации;

б) информационную обогащенность микросреды повышали за счет преподавания разными педагогами-специалистами 11 предметов, ак-

туализирующих разномодальные способности.

В двух из трех возрастных групп по каждому показателю креативности к концу эксперимента выявлены различия между значениями контрольной и экспериментальной выборок (табл. 1).

Для четырехлетних испытуемых характерно повышение и продуктивного, и мотивационно-личностного показателей креативности; у трехлетних испытуемых обнаружено возрастание мотивационно-личностного показателя креативности; а у пятилеток — продуктивного показателя креативности...

Три замера уровня креативности испытуемых (начальный, средний и итоговый), сделанные через равные временные интервалы, позволили проследить динамику изменения креативности.

Для каждой экспериментальной группы были подсчитаны средние значения по каждому замеру креативности. Выявлено, что преобладающей является следующая тенденция: вслед за существенным повышением наблюдается ее некоторое понижение.

Таблица 1

Сопоставление итоговых уровней креативности у контрольной и экспериментальной выборок

<i>Возраст испытуемых</i>	<i>Показатель креативности</i>	
	<i>продуктивный</i>	<i>мотивационно-личностный</i>
3 года	контр. = эксп. $p = 0.41$	контр. < эксп. $p = 0.005$
4 года	контр. < эксп. $p = 0.0002$	контр. < эксп. $p = 0.018$
5 лет	контр. < эксп. $p = 0.014$	контр. = эксп. $p = 0.38$

В.Н. Дружинин с сыном Димой, 1985 г.

Я — простак.
В конце концов
Я всегда им был:
Не добыл тебе дворцов
И приморских вилл.

Я, в конце концов, гусяр,
Что переложил
Строй души на строй гитар,—
Только тем и жил.

Если жив бродяжий дух,
Дело не в числе:
Ведь идет один из двух
В нашем ремесле.

Если же конец придет
Славе хитрецов,
Пусть нас что угодно ждет
Там — в конце концов.

Может быть, объяснение следует искать не в средовом влиянии, а в изменении личностных структур испытуемых. Вероятно, процесс преобразований затрагивает не только креативные свойства, но и некоторые другие (личностные) образования, динамика изменения которых может отражаться на динамике изменения креативности.

Чтобы проверить это предположение, мы привлекли дополнительные данные — дневниковые записи, в которых фиксировали эмоционально-личностные проявления испытуемых. Как показывают результаты, почти для всех экспериментальных групп первая половина эксперимента (2.5 месяца) характеризуется следующими особенностями: во-первых, интерес и активная включенность в процесс занятий; во-вторых, эмоциональная насыщенность жизни. Особенности второй половины эксперимента являются повышенная конфликтность (агрессивность), неустойчивость настроения, высокая амплитуда колебаний эмоционального состояния, подверженность отрицательным эмоциям, тревожность, сензитивность, перевозбуждение. При этом интерес к играм и занятиям, так же как желание посещать группу, как правило, сохраняется.

Итак, можно отметить выраженные изменения в эмоциональной сфере испытуемых. Их характер можно условно определить как невротический (поскольку вышеперечисленные эмоциональные особенности часто встречаются в преневротических состояниях детей). Тем не менее никаких нарушений в мотивационной, межличностной, игровой и т. п. сферах, характерных для прене-

вротических состояний, у наших испытуемых не наблюдалось; их состояние оставалось в пределах нормы...

Нерегламентированность поведения неизбежно вызывает субъективное восприятие такой характеристики микросреды, как неопределенность. Если существуют жесткие правила, по которым строится поведение членов группы, то его легко предсказать — соответственно такая микросреда является для отражающего субъекта стабильной, известной, знакомой, а следовательно, и безопасной.

Социальная психология объясняет данное явление стереотипизацией (образованием в сознании системы стереотипов), имеющей двоякую цель. С одной стороны, облегчение процессов восприятия, переработки информации, взаимодействия, что обеспечивает эмоциональный комфорт (чувство безопасности); с другой — вытеснение когнитивных элементов, не соответствующих работающим стереотипам, ослабление процесса мышления. Поэтому фактор нерегламентированности, препятствуя образованию стереотипов, повышает эмоциональный дискомфорт. Обогащенность среды также неоднозначно воздействует на эмоциональную сферу: процессы принятия решения, выбора, взаимодействия в условиях обогащенной и нерегламентированной среды значительно более сложны, так как требуют учета большого количества малопредсказуемых переменных...

Многие выявленные во второй части эксперимента способы эмоционального реагирования детей (плач, агрессия) являются, видимо,

различными вариантами психологической защиты от дальнейшего развития креативных свойств. Наравне с формированием установки на проблемность мышления (восприятия) набирает силу отвержение такой установки как вредной, препятствующей определенному способу функционирования (высокий уровень креативности отвергается системой жизнедеятельности индивидуума). С этим связана большая амплитуда колебаний эмоциональных состояний, противоречивые поведенческие проявления.

Подобные рассогласования связаны со значительным повышением креативности испытуемых. Затем проявляется тенденция к восстановлению равновесия, возврату к прежнему состоянию. И этот процесс не может произойти без понижения креативности, т. к. именно ее повышение спровоцировало рассогласование внутри системы (рис. 1).

По всей вероятности, обеспечивающий восстановление равновесия механизм начинает срабатывать тогда, когда пройдена некоторая критическая черта, за которой изменения препятствуют функционированию системы.

От чего же зависит способность системы к изменению, в нашем случае — к «принятию» системой жизнедеятельности индивидуума повышенного уровня креативности?

Можно выделить три основных типа динамики креативности на протяжении формирующего эксперимента.

У 12% испытуемых наблюдалось значительное повышение креативности ко второму замеру, а затем некоторое ее снижение (1-й тип динамики); в 38% случаев уровень креативности, достигнутый ко второму замеру, не снижался (2-й тип); в 20% случаев не было выявлено достоверных изменений исходного уровня креативности (3-й тип).

Сопоставление динамики изменения креативности испытуемых с количественными характеристиками креативности (уровнем) позволило определить, связан ли высокий показатель креативности со способностью к его значительному повышению.

Вся выборка испытуемых была проранжирована по результатам первого (начального) измерения креативности, а затем поделена на три равные части по уровню креативности. В результате были получены

Рисунок 1

Обобщенное графическое изображение общей тенденции изменения креативности в соответствии с изменением равновесия в системе жизнедеятельности индивидуума

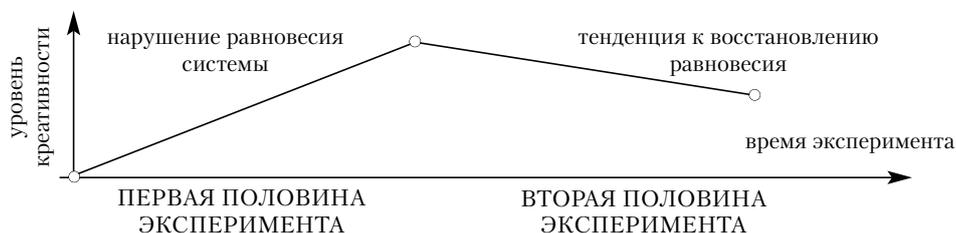

Таблица 2

**Типы динамики формирования креативности у испытуемых
с разным исходным уровнем (в %)**

Исходный уровень креативности	1-й	2-й	3-й
	Восстановление прежнего равновесия	Обретение новой устойчивости	Отсутствие динамики
Высокий	33	59	8
Средний	49	20	3
Низкий	27	15	48

группы высококреативных испытуемых, низкокреативных и среднекреативных.

Данные показывают, что испытуемые из группы с исходной высокой креативностью достигают нового высокого устойчивого уровня; со средним уровнем креативности в большинстве случаев показывают определенную динамику, хотя тяготеют к восстановлению исходного равновесия. Низкокреативные испытуемые редко достигают нового уровня, они не проявляют динамики или возвращаются к исходным позициям. Существует связь между исходным уровнем креативности и возможными вариантами ее развития. Но при этом следует отметить, что значительное количество (33%) высококреативных испытуемых не «удерживается» на более высокой ступени развития креативности; их системы жизнедеятельности восстанавливают прежнее равновесие, возвращаются к привычному состоянию. В то же время 15% низкокреативных испытуемых, наоборот, обретают новое равновесие на более высоком уровне развития. Поэтому высокая креативность и объективная возможность

повышать ее не всегда совпадают. На наш взгляд, этот результат отчасти освещает некоторые проблемы природы креативности.

Принято считать, что креативность личности связана с некоторыми факторами биологической природы (наследственность, задатки), а также с определенными характеристиками среды. Причем оба эти фактора определяют не только наличие/отсутствие креативных свойств, но и «масштаб» творческих особенностей (количественную характеристику креативности). Предполагается, что для индивидуума с раннего возраста определены некоторые рамки развития креативности.

Наши результаты показывают, что предел выражается не в том, что у человека объективно нет возможности «выйти за пределы собственного Я» (определение творчества по Н. Роджерс). Реально его уровень креативности может претерпеть значительный скачок «за предел» (что и происходило с испытуемыми, отнесенными к 1-му типу), но «предел» выражается и в том, что скачок этот не является целесообразным для системы жизнедеятельности. Иными

Как там отгоревали,
Жалко — не поглазел!..
Но я отживу делами
В памяти у друзей.

Сяду у изголовья
И наколдую сны —
Я живу любовью
В памяти у жены.

Ночью бессонной с вами
Заговорит двойник —
Я живу словами
Под переплетом книг.

Не насовсем в проклятой,
Мертвой, гнилой, сырой!..
Вспомнят и на девятый,
И на сороковой.

А на годину канет
В памяти мелкий грех.
Верой в людскую память
Верь в бессмертье всех!

1988

В.Н. Дружинин с семьей, 1994 г.

словами, выйдя «за пределы собственного Я», человек не обретает там новой Я-идентификации.

Соответственно подобный выход только нарушает равновесие, угрожает нормальному функционированию системы, поэтому вызывает внутреннее сопротивление, тенденцию к вытеснению потенциальных возможностей. Возможно, в какой-то степени именно этим обстоятельством объясняются такие «антикреативные» свойства, как ригидность мышления, стереотипность видения мира и т. д.

От чего же зависят изменчивость и устойчивость систем, которые «позволяют» или «не позволяют» индивидууму повысить свой уровень креативности? На наш взгляд, эта проблема требует специального исследования. Однако и наша работа позволяет констатировать, что существует проблема целесообразности повышения креативности, а отсутствие или низкая степень выраженности креативных свойств имеют определенную значимость и внутреннюю обоснованность в рамках системы жизнедеятельности индивидуума.

Более сложным является вопрос о факторах, влияющих на проявление и развитие креативности во второй сензитивный период ее развития (по Е. Торренсу) — в 12–13 лет. Проведение формирующего эксперимента на подростках не дает эффекта, поскольку невозможно (да и бессмысленно) контролировать всю сферу их жизнедеятельности или хотя бы основную ее часть. Экспериментальное воздействие будет сведено на нет или искажено совокупностью влияний других факторов, неподконтрольных

исследователю. Тем более, в этом возрасте мы имеем дело с личностью уже во многом сложившейся, аккумулятивной социокультурное влияние и переработавшей их в определенную систему (хотя и неустойчивую) отношений с миром.

Более эффективен при исследовании развития креативности подростков биографический метод. Он был применен Е.А. Корсунским в докторском диссертационном исследовании (Развитие литературных способностей школьников. М., 1993). Автор использовал как собственные многолетние наблюдения за людьми, проявившими способности к литературному творчеству (вербальную креативность) в раннем детстве, так и анализ автобиографий писателей. Опрос 137 писателей показал, что они отмечают особую роль наставника и подражания на раннем этапе литературных занятий.

Писателям было предложено назвать необходимые условия для развития литературных способностей. Писатели назвали следующие внешние условия: наличие наставника (68.6%), влияние семьи (40.8%), публикации в ранние годы (55.8%), время и эпоха (18%). Наставниками писателей были школьные учителя литературы, родственники, писатели. Важную роль имело литературное творчество членов семьи, наличие домашней библиотеки, родительская любовь к чтению, семейные чтения вслух.

Эти данные совпадают с предположениями М. Арнаудова о том, что одаренность поэта антиципирована от матери, талант которой — лишь более слабая степень таланта сына. Литературными склонностями обладали

матери Гете, Бернса, Ламартина, Вазова и многих других поэтов и писателей.

Неизвестно, однако, что здесь играет роль: генетика или раннее подражание.

Наиболее интересны результаты Е.А. Корсунского, полученные в ходе наблюдения за развитием таланта в течение жизни.

Он отмечает наличие почти у всех наблюдавшихся литературно одаренных детей сильного и яркого воображения, речевых способностей и чувства формы. Творческие способности проявляются, как правило, рано — в 5 лет (Г. Сергеева, В. Филиппов, А. Алексеев). Дети начинают сочинять, как правило, неожиданно для себя и для других сказки и стихи. Подражание творческим образцам как этап перехода от наивного творчества к творчеству «взрослому» наступает в 8–15 лет, и в произведениях юных авторов пропадают творческие элементы (новизна, оригинальность). Но к 16–17 годам творческие элементы появляются вновь после продления фазы первичного подражания.

Фаза подражания может затянуться, как это случилось с М. Исаковским, с 15 до 27 лет, но она неизбежно присутствует при становлении писателя. Подражание необходимо для овладения культурно закрепленным способом творческой деятельности, обозначающий уровень которой должен преодолеть писатель своим творчеством...

Самый интересный вывод автора, полученный на основе убедительного анализа фактов исследования: развитие вербальной памяти и высокий уровень интеллекта препятствуют проявлению оригинального литературного творчества в подростковом

возрасте, а отсутствие богатого воображения, проявляющегося в раннем детстве (3–5 лет), впоследствии не компенсируется ничем.

Тем самым подражание, конечно, является психологическим механизмом присвоения способностей (вторичной креативности), но базируется на изначально (по крайней мере с 3–5 лет) развитом воображении, речевых способностях и чувстве формы.

Мой аспирант Н.М. Гнатко предположил существование двух уровней креативности — потенциальной креативности и актуальной. Аналогом является разделение Р. Кеттеллом интеллекта на «текущий» и формируемый на его основе «кристаллизованный».

С точки зрения Н.М. Гнатко, потенциальная креативность — это креативность додеятельностная, характеризующая индивида с точки зрения его готовности к приобретению актуальной креативности, к проявлению творческой активности...

Противопоставление двух форм креативности отражает связь адаптивной и неадаптивной активностей: неадаптивная активность может проявляться только по отношению к некоторой среде, требующей адаптации к себе и соблюдения регламента.

Подражание как бы возводит индивида на последнюю ступеньку развития социокультурной среды, достигнутую людьми: дальше только неизвестное. Индивид должен и может шагнуть в неизвестное, лишь оттолкнувшись от предшествующей ступени развития культуры.

Не случайно заметил Ян Парандовский: «Абсолютная творческая самобытность — миф и напоминает греческие сказания о людях, не имевших

родителей и выросших из-под земли» («Алхимия слова»).

Н.М. Гнатко попытался проследить процесс овладения креативами социально значимой деятельностью и выявить роль подражания. Объектами исследования были выбраны 15 шахматистов, получивших социальное признание в качестве творческих личностей с конца прошлого столетия по наше время.

В исследовании применялись биографический метод и праксиметрический — изучение шахматных партий.

Обычно при использовании биографического метода дается лишь качественное описание процесса. Н.М. Гнатко предложил модификацию ортодоксального варианта биографического метода, основанную на введении количественных показателей.

Стандартизированность процедуры обеспечивается отбором только печатных источников биографического плана, где персонаж был пред-

ставлен субъектом шахматной деятельности.

Достоверность анализа обеспечивалась набором не менее 4–5 независимых источников биографических сведений о каждом шахматисте.

Квалификация материала производилась с помощью контент-анализа (формализованного статистического средства первичной обработки текста). Контент-анализ предполагает подсчет частоты (и объема) упоминаний смысловых единиц в тексте. Была предложена двухуровневая модель выделения категорий текста (рис. 2).

В ходе исследования после подсчета числа категорий второго порядка подсчитывался суммарный индекс: «удельный вес» положительной оценки шахматиста-образца в биографическом тексте.

В качестве интерпретационной модели была использована классификация, предложенная Е.Б. Кисиным и В.А. Просецким.

Рисунок 2

Двухуровневая категориальная модель контент-анализа изучаемого биографического материала

Праксиметрическая методика состояла в следующем. Все ходы анализировавшихся шахматных партий были разделены на воспроизводящие (подражательные), импровизации (инициативные) и действия согласования.

Первые ходы — встречались ранее в партиях других шахматистов, вторые ходы — «идейные», порожденные «здесь и теперь» и не встречавшиеся ранее, третьи — шахматные ходы, согласующие первые и вторые и возникающие на их базе.

Кроме того, среди действий-подражаний были выделены действия-подражания шахматисту-образцу и прочие подражательные действия. А «инициативные» действия разделены на собственно творческие действия и неверные (ослабляющие позицию) действия.

На основе отношения этих показателей вычислялись общие индексы: 1) коэффициент подражательности; 2) коэффициент подражания конкретному образцу; 3) коэффициент «творчества».

Кроме того, использовался и ряд производных индексов (индекс освоенности деятельности, индекс доминирования образца, индекс творческой и пр.).

Параллельно рассматривались шахматные партии шахматиста-образца. Надо сказать, что среди 15 шахматистов высокого уровня, чье творчество анализировалось, были представители разных эпох (П. Морфи — середина XIX столетия, А.Е. Карпов — наше время); представители разных шахматных школ (М.И. Чигорин — Россия; З. Тараш — Германия); представители разных направлений (Х.-Р. Капабланка — пози-

ционное направление, А.А. Алехин — комбинационное направление); социальных слоев (Х.-Р. Капабланка — выходец из богатой семьи; М.И. Чигорин — воспитанник Гатчинского сиротского института) и т. д.

Тем показательнее полученные в исследовании результаты. Н.М. Гнатко выявил, что освоение креативами шахматной деятельности опосредуется подражательной активностью. Эта активность состоит из двух принципиально и объективно различных фаз: а) фазы подражания общим нормативным способам шахматной деятельности; б) фазы подражания (включая личностную идентификацию) избранному шахматисту-образцу.

Развитие подражательной активности связано с повышением уровня освоенности деятельности и снижением общего числа подражательных действий. Переход шахматиста от подражания к собственно творческой фазе сопровождается освобождением от идентификации с личностью шахматиста-образца, резким снижением числа подражательных действий и возрастанием числа творческих.

Модель процесса отображена на рис. 3.

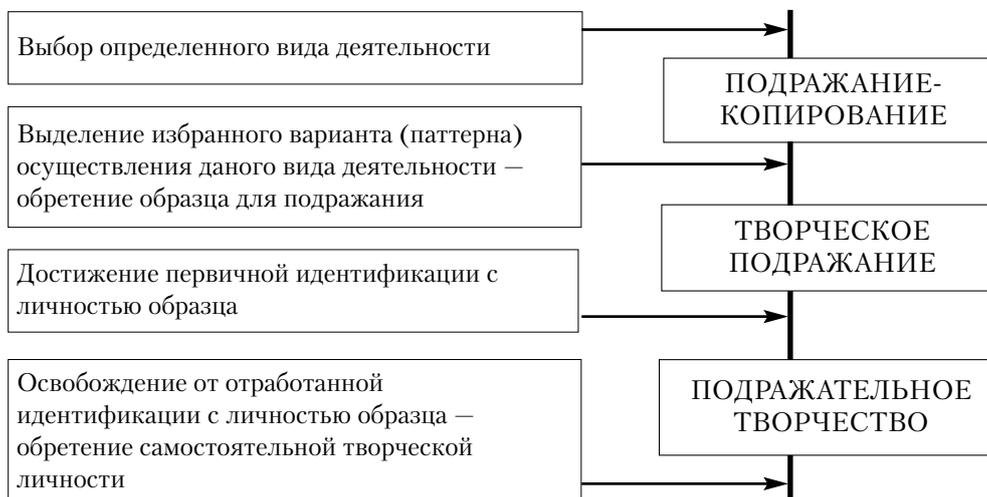
Второе исследование Н.М. Гнатко было посвящено подражанию у детей. Испытуемыми были 80 учащихся 5–7 классов, посещавших шахматный факультатив при школе № 12 г. Котласа Архангельской области.

Для диагностики креативности детей использована фигурная форма А теста Е. Торренса.

У креативных учащихся преобладает тенденция к выбору образца для подражания среди шахматистов

**Схема этапов развития подражательной активности креатива в ходе освоения
избранного вида деятельности**

ПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ АКТИВНОСТИ КРЕАТИВА

высокого уровня, а некреативные образец для подражания не находят и не пытаются найти.

Некреативы как бы застревают на стадии подражания — копирования и репродукции общего нормативного способа деятельности.

Хотя и креативы, и некреативы проходят одни и те же стадии при овладении творческой деятельностью, но первые реализуют подражательные действия более глубоко, основательно и быстро.

Очевидно, подражателями остаются те, кто подражает плохо. Для того чтобы выйти на уровень творческих достижений, нужно, чтобы творчество стало личностным актом, необходимо, чтобы потенциальный творец вжил в образ другого творца (образец), и это эмоциональное приятие другой личности в качестве

образца является необходимым условием преодоления подражания и выхода на путь самостоятельного творчества.

Не только шахматисты, но и ученые, композиторы, поэты идут той же дорогой. Необязательно учитель-образец должен превосходить ученика в чем-то. Так, Юлий Айхенвальд писал о Николае Гумилеве: «На ранних стихах его легко заметить влияние Брюсова, но свойственные последнему провалы и безвкусице уверенно обошел талантливый и тактичный ученик».

Но не все имеют мужество написать, как Державин Пушкину: «Победителю-ученику от побежденного учителя». Так же, как не все с благодарностью вспоминают тех, кому подражали. Но не будем углубляться в область нравственности.

В.Н. ДРУЖИНИН

ВАРИАНТЫ ЖИЗНИ

Из книги «Варианты жизни», 2000 г.

Фантазии, иллюзии и видения помогают человеку выжить, точнее прожить отрезок времени до отведенного ему случая и генетикой срока. А поможет ли ему истина о его жизни? Ничто не волнует человека, как его собственная судьба. Пророки, прорицатели, прогнозисты и гадалки собирают дань с человеческой тревоги и боязни преждевременной смерти.

Личность человеческая соотносится не со своим поведением, деятельностью и т. д., а со своей жизнью и судьбой, которую не всегда можно выбрать, но каждому рожденному дано прожить. Если человек каждое мгновение будет держать в сознании мысль, что он смертен, захочет ли он жить? И для чего нужна наука об индивидуальной жизни?

Экзистенциальная психология — наука о том, как человеческая судьба зависит от отношения человека к жизни и смерти...

В отличие от экзистенциальной психотерапии экзистенциальная психология не помогает жить, а описывает и объясняет жизнь. Помогает ли «пассивное» знание человеку? В той мере, в какой его индивидуальное со-

знание является достаточным инструментом для управления собственным поведением и, соответственно, построения собственной жизни.

Во всяком случае, перефразируя Карла Маркса, я бы сказал, что психологи до сих пор пытались изменить человеческую жизнь, между тем как задача состоит в том, чтобы ее объяснить. Зная причины и воздействия на них, можно изменить и следствия, но не отменить. Как нельзя силой воли преодолеть земное притяжение...

Предположения

Я предполагаю, что существуют независимые от индивида, изобретенные человечеством и воспроизводимые во времени варианты жизни. Вариант жизни формирует человеческую личность, «типизирует» ее. Индивид превращается в представителя «жизненного личностного типа». «Типичный представитель» — не выдумка советских литературоведов, а реальность. Итак, индивид «входит» в жизнь, включается в тот или иной вариант жизни со своими способностями, темпераментом, характером,

а «выходит» — типизированной личностью. Возможна смена варианта жизни в зависимости от обстоятельств или сходства вариантов между собой. И последнее: Жизнь — одна, человек — смертен.

Жизнь начинается завтра (Жизнь как предисловие)

Это вечное детское состояние. Настоящая жизнь — взрослость — еще только предстоит. Она, как горизонт,— удаляется с каждым шагом (днем, месяцем, годом). И когда впереди уже чернеет пропасть, мы останавливаемся в растерянности: время прошло. Ты готовился к настоящему, подлинному существованию, но дорога уже пройдена, а обратного пути нет. Жизнь потрачена на подготовку к ней. Поговорка «Век живи — век учись» обернулась в XXI веке формулой «непрерывного образования»...

По мере развития цивилизации срок вступления в подлинную жизнь все дальше отодвигается от даты рождения к старости. Система социального продвижения личности создана для того, чтобы скомпенсировать биологическую инволюцию его как организма. Чем ближе человек к старости, тем больше у него должно быть социальных возможностей, иначе жизнь становится невыносимой, а болезни и годы делают свое дело.

Оптимальное сочетание психофизиологических и социальных возможностей для самореализации сегодня приходится на возраст 35–45 лет (возраст «акме»)..

Бунт молодых середины 60-х годов против «власти стариков», потрясший Западную Европу и Северную Америку не был обусловлен

только дурным воспитанием и молодежной жаждой бунта. Тяга молодежи включиться как можно раньше во «взрослую жизнь» всегда использовалась политическими проходимцами и авантюристами, а иногда и правящей верхушкой для решения своих проблем. Пример первого типа — российская «Великая Октябрьская социалистическая революция». Пример второго типа — «культурная революция» в маоистском Китае.

Ярким примером длительной «тренировочной жизни» является становление научного работника. До 17–18 лет он обучается в средней школе. Затем следует обучение в вузе, которое охватывает в зависимости от страны пребывания, программы вуза и вида специальности период от 3.5 до 8 и более лет. Выйдя в 21–27 из стен вуза, специалист может претендовать в лучшем случае на вспомогательную работу в научной лаборатории. Чтобы стать полноценным научным сотрудником, он должен поступить в аспирантуру и, проучившись там 3–4 года, защитить кандидатскую диссертацию (на Западе — докторскую). Однако и это еще не все: окончивших аспирантуру и защитивших диссертацию много, а уровень трудности научной деятельности, вероятно, настолько высок, что в США и ряде стран Европы существует институт постдокторантуры — стажировки (2–3 года) под руководством профессора в научной лаборатории. После ее завершения исследователь становится полноценным «ученым». В России до сих пор существует двухступенная система оценки квалификации научных работников, и не случайно первый уровень называется кандидатским. Кандидат — не

Крестьянских праведных кровей
Течет во мне тугая сила,
Но след фамилии своей
Ищу в истории России:

Один Дружинин — генерал,
Увешанный крестами густо,
Другой Дружинин — либерал,
Ревнитель чистого искусства.

Не каждый вознесен судьбой,
Но каждый — вечный был
работник:
Тот — академик, тот — герой,
Дед — мореплаватель,
Я — плотник.

*Вручение премии Президента РФ за комплекс исследовательских работ по теме
«Отечественное направление в психологии творчества и одаренности:
теоретические и методические основы выявления и развития одаренности», 1999 г.*

настоящий ученый («доктор»), а лишь полуфабрикат, неподлинный ученый. Разумеется, если принимать всерьез средневековую систему так называемой аттестации научных работников.

Чин служит компенсацией отсутствия талантов. Премии и звания в сфере искусства, как правило, присуждаются после того, когда пик творчества уже прошел и телега движется под гору. И дело не только в запоздалой оценке по заслугам, когда «награда находит своего героя». Оценка была и прежде: аплодисменты, цветы, популярность у публики. Суть в том, насколько важную роль играют социальные компенсаторы утраты творческих возможностей: они придают личности психологическую устойчивость. Поэтому, чем быстрее иссякает творческий потенциал, тем больше жажда наград и званий...

Продление подготовки к настоящей жизни приводит к деформации личности: не только той, чью «молодость» продлевают, но и тех, кто активно этому продлению способствует. Не забуду фразу академика, моего научного руководителя, сказанную мне — тридцатилетнему кандидату наук: «Вот когда станешь самостоятельным человеком — доктором, тогда и выбирай себе научные темы».

На чем основана субъективная модель мира, в которой жизнь расценивается как подготовка к ней? Мне кажется, на гипертрофии способности человека строить определенный прогноз и идеальные планы будущего.

На гипертрофии неконтролируемой человеческой агрессивности произрастает война как деятельность по самоуничтожению человека. Эсха-

тологические религии, учения, обещающие своим adeptам рай за пределами времени земной жизни, произрастают на почве неоправданного оптимизма и гипертрофированной способности человека к дальнему прогнозу и стремлению к индивидуальному бессмертию. Земная жизнь, единственная и неповторимая, рассматривается как юдоль страданий, как подготовка к иной жизни, более совершенной, войти в которую достойны не все, а лишь избранные.

Христианин готовит себя не к смерти, а к райской жизни за пределами жизни земной, которая рассматривается как неподлинная, ненастоящая, а предшествующая жизни грядущей. Потому идеалом становится терпение и страдание, ибо нельзя иначе отнестись к земной жизни, которая — лишь приходящая, а за ней прекрасные залы райского блаженства.

Такая трактовка индивидуального бытия предрасполагает человека завершить свою земную, грешную жизнь как можно раньше — «экстерном». Модус земной жизни как предисловия, подготовки к истинной жизни — основа для отрицания необходимости своей жизни вообще. Нет лучшего психологического обоснования для самоубийства, ибо в христианстве только смерть отделяет «жизнь предварительную» от «жизни настоящей» — в райских кущах. Прекращая свою жизнь, мы завершаем подготовительную ступень.

Поэтому христианство отрицает право на самоубийство, поэтому отцы церкви извергают инвективы, осуждающие людей, решившихся на последний акт отчаяния, ибо он явно вытекает из сути христианского подхода к жизни.

Самоубийц хоронили за пределами церковной кладбищенской ограды, обоснованием служили упреки в присвоении ими божественного права даровать и отнимать жизнь. Только Бог имеет право творить и уничтожать тварные существа. Считать себя равным Богу есть высшая гордыня, осуждаемая церковью. Ощущение и осознание единственности жизни повышает требования к ней и себе, возрастает оценка значения своего существования «здесь и сейчас».

Но давление этой реальности на индивидуальную психику настолько велико, что оно ведет к трагическому мировосприятию. Жажда бессмертия стихийна и неосознанна. Ее корни в крайней ограниченности времени, отпущенного природой на индивидуальную человеческую жизнь, по сравнению с огромными ресурсами для творчества, заложенными природой и обществом в человеке. Давление этих ресурсов сковано стальной оболочкой возможностей, которые предоставляет индивиду мир.

Время, отведенное природой на биологическое взросление, а обществом — на образование и социализацию индивида велико по сравнению с краткой жизнью. Образом любого человека становится космонавт первого поколения, который тратит большую часть жизни на подготовку к единственному полету.

Жизнь как творчество

Смерть неизбежна. Жизнь лишена смысла. У творческого человека есть возможность не замечать бессмысленность существования...

Процесс и продукт творческой деятельности не вписывается в «со-

циальную статику». По крайней мере, если общественные структуры направлены на сохранение status-quo, они выступают главными врагами творца. Любая власть есть возможность заставить людей делать то, что они никогда не стали бы делать, если бы были предоставлены сами себе. Следовательно, власти изначально противны частная инициатива и воля к действию, исходящая от личности.

Наиболее не любимы властью поэты. Слово является главным инструментом власти. Причем власть тоталитарная соединяет насилие физическое с духовным, подкрепляя право на власть идеологией. Она желает, чтобы ей не только повиновались, но и верили, чтобы ее не только боялись, но и любили. Тоталитарная власть желает быть единственной, а ее идеология — единственным толкователем значений слов.

Поэт как творец новых сочетаний слов, ритмов и смыслов пытается (и ему это удастся) привлечь внимание читателя и слушателя. Он становится источником слова и его толкователем, что с позиций любой власти предосудительно. Но, более того, поэт забавляется со словом и смыслом, он выявляет новые оттенки смысла, создает новые реальности, играет «смехом и слезами».

Однозначность подменяется многозначностью, императивность — необязательностью, простота — сложностью, а безусловность — условностью. Любой приказ может быть осмыслен как пародия, а идеологема на фоне стихотворения читается как трюизм.

Итак, поэт виновен в двух преступлениях: он претендует на внимание

людей наравне с Властью (по крайней мере), он конкурирует с Властью как творец и толкователь слов и смыслов...

«Внешняя жизнь» конечна, ибо человек смертен (верх банальности!). А «внутренняя жизнь»? Время внутренней творческой жизни иссякает вместе с исчерпанием творческого потенциала личности. Завершение творчества, когда источник мыслей и образов пересыхает, ведет к завершению внутренней жизни, а с этим не каждый творец способен смириться. Не в этом ли причина ранней смерти художников, поэтов, артистов, музыкантов? Превосходный анализ проблемы жизни и смерти творческих людей дал М. Зощенко в книге «Перед выходом солнца». Другой выход — вернуться в «жизнь внешнюю». И Джон Леннон становится отцом семейства, на годы скрываясь от продюсеров и поклонниц. Артюр Рембо уезжает в Африку и становится торговцем. Выдающийся физик ведет жизнь тихого дачника, выращивая гладиолусы и помидоры, а талантливая в прошлом актриса открывает маленький шляпный магазин...

Погоня за горизонтом (Жизнь как достижение)

«Самоактуализирующаяся личность», «человек действия», «деловой человек», «человек, сделавший себя», и т. д. — это неполный перечень названий и самоназваний людей, которые выбрали путь «внешней жизни». Человек, стремящийся к достижениям, навязывает себя окружающему миру: ведь любая цель лежит вне его. Цель как предполагаемый и желаемый результат действия требу-

ет постоянного напряжения сил. Достижение цели обесценивает ее, и на горизонте маячит новая, еще более привлекательная цель. Жизнь становится погоней за горизонтом.

Вся психология построена на фундаменте функционализма: психика служит для регуляции поведения, которое направлено на достижение результата. Человек приходит в мир, чтобы решать в нем свои задачи. Пафос активности, преобразования: «Все выше, выше и выше!» — порождает слепоту...

Обычный «человек действия» так поглощен деятельностью, что не замечает жизни в бытовом, общечеловеческом понимании этого слова. Рыбалка и выпивка, воспитание детей и субботние выезды на дачу или в лес, занятие спортом или сексом, любовь и забота о близких — лишь перерывы, пустоты между деловыми, социальными успехами и неудачами. Депрессия выходного дня — болезнь «трудоголика», хотя слово «трудоголик» не отражает сути личности, поглощенной делом и погоней за целью.

Другая иллюзия «бессмертия» — продолжение личности в продуктах деятельности, потомках, выращенных деревьях, построенных домах, написанных книгах. Подсчет удач и успехов, ощущение «не зря прожитой жизни», сознание личного бессмертия в результатах труда утешает. «Памятник» Горация — Державина — Пушкина (добавлю — Бродского) выражает эту врачующую душу иллюзию.

Здания рушатся; вопреки фразе Булгакова, рукописи горят, древние картины (большинство) пылятся в запасниках и постепенно через десятилетия и века уходят из актуального

сознания людей, из системы активного культурного человеческого обмена, приобретают лишь музейную ценность....

Еще один вариант человека, реализующегося во внешнем действии — «самоактуализирующаяся личность» по Абрахаму Маслоу. Самоактуализация по Маслоу есть образ жизни, основанный на стремлении человека стать тем, кем он может стать: «Люди должны быть тем, кем они могут быть. Они должны быть верны своей природе» (Maslow А.Н. *Motivation and personality*. New York: Harper and Row, 1987, p. 22).

Самоактуализирующиеся личности наделены, согласно Маслоу, массой «положительных» черт. Они более спокойно воспринимают мир вокруг себя, менее эмоциональны и более объективны, беспристрастны, не подвержены надеждам и страхам, стереотипам, не боятся проблем и противоречий. Самоактуализирующийся человек принимает себя таким, какой он есть. У него нет чувства вины, стыда и тревоги. Он ощущает радость жизни. [Он освободил себя «от такой химеры, как совесть». Ну и мерзавец этот «самоактуализирующийся» человек! В.Д.]

И все же я был бы несправедлив по отношению к Маслоу (хотя этот великий психолог ничего не теряет и не приобретает в глазах окружающих из-за моих оценок!), если бы не отметил главное. Тип самоактуализирующейся личности не сводим к типу «человека-действия»: самоактуализация не есть только целедостижение, но в первую очередь — реализация возможностей «здесь и теперь», в настоящем, а не где-то в будущем. В этом отношении самоактуализация как вари-

ант жизни противоположна «жизни-целедостижению». Все же «человек-действия» живет предчувствием будущего успеха, а не ощущением полноты бытия в настоящем. Кроме того, актуализация противоположна и другому варианту жизни, который был определен выше как «жизнь-подготовка»...

Половина этого мира, эйнштейновского пространства-времени, принадлежит «людям действия». Не приемлющие вариант «жизнь-целедостижение» становятся аутсайдерами и с обочины взирают на несущийся поток «Мерседесов».

Если бы среда не препятствовала людям, стремящимся к достижениям, то земля превратилась бы в пустыню, на которой бы громоздились горы трупов и машин. Возможно, среди них бродили бы одичавшие роботы.

«Жизнь-целедостижение» не является любимым мной вариантом существования. И я не хочу это скрывать. Суть не в том, что человеку не следует добиваться достижения целей, а в том, что большинство из этих целей иллюзорны. Они являются проявлением человеческого бессознательного. Цели, наиболее отдаленные во времени, — наиболее иррациональны и требуют максимальных сил для достижения. Иллюзия полной контролируемости мира в целом и процесса собственной жизни (а для параноика — и любой чужой) — эта иллюзия принесла много бед и немало принесет еще.

Жизнь есть сон

В заглавии — название драмы великого испанского драматурга Кальдерона.

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.

Это уже Вильям Шекспир, который неоднократно возвращался к аналогичным мыслям. Например, в Гамлете: «Умереть, забыться и видеть сны». Жизнь есть сон, и смерть — тоже сон. Поток времени подхватывает человека и несет его, не давая ему прозреть и открыть глаза на происходящее. Треть своей жизни мы спим. И для многих людей эта треть — самая лучшая.

Чем старше человек, тем время, необходимое ему для сна, меньше. Стариковская бессонница — дело обычное, а бессонница в среднем и, тем более, в молодом возрасте расценивается как болезнь. Люди идут к невропатологу или психотерапевту, принимают таблетки и лежат на кушетке у психоаналитика, чтобы вернуть здоровый, счастливый сон. Значит, вопреки обыденному суждению, смерть не сон, а отсутствие сна! С потерей сна и сновидений мы приближаемся к смерти. Сон — это жизнь, может быть, первичная и самая основная ее форма...

Что такое «жизнь-сон»? Это ощущение нереальности «внешней» жизни и одновременно ощущение реальности единственно желанной «внутренней» жизни. Но в отличие от «жизни творческой» здесь у человека отсутствует стремление к порождению нового (идеи, образа, формулы, текста, предмета и пр.), сознание исчезает полностью, и отсутствует внутренняя активность.

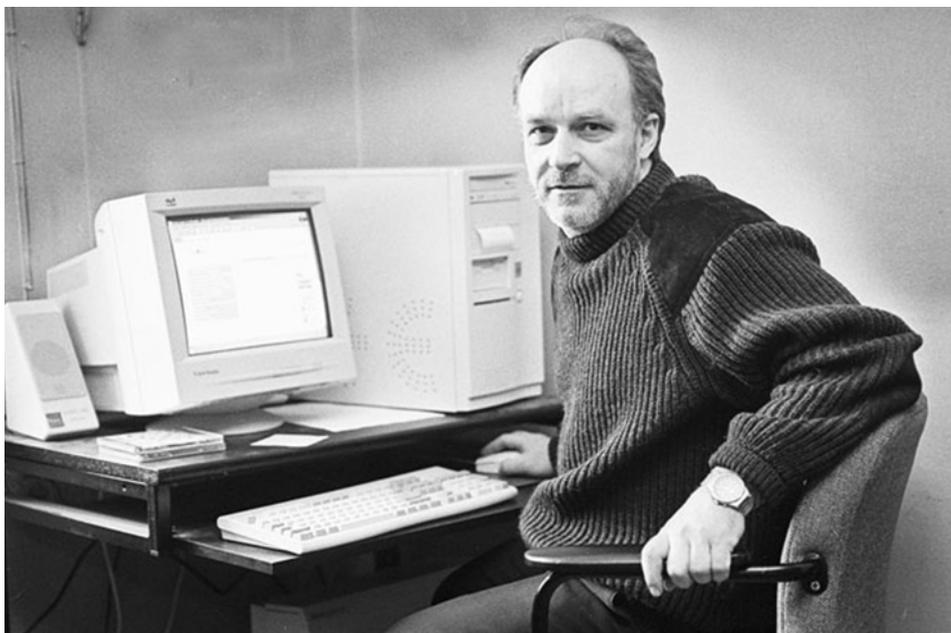
Идеалом «человека — спящего» (термин предложен эзотериком Г.И. Гурджиевым) является вечный,

спокойный сон, блаженство, нирвана, когда желания отсутствуют, душа и тело спокойны и находятся в равновесии с миром. Но в реальности этот идеал недостижим, по крайней мере без особых тренировок, и поэтому человек стихийно впадает в состояние измененного сознания и грезит наяву. Лишь чувствительные ушибы — результаты жесткого соприкосновения с «внешней жизнью» — заставляют его открыть глаза.

«Жизнь-сон» — желанный вариант для всех, чей груз бед, трудов и забот неподъемен. Когда «земля похорон и потерь» (А. Тарковский) становится неудобной, тогда человек выбирает «жизнь-сон». Это не приближение к смерти, наоборот, это приближение к простейшим формам бытия, возврат к детству, стремление вернуться в мир, где не было проблем, боли, тревоги, а были и покой, и блаженство.

Уход в мир иллюзий (сегодня сказали бы — «виртуальный») — не так уж редко встречающийся вариант бытия. Термин «жизнь как сон», предложенный мной, следовало бы заменить более точным: «жизнь как грезы» или «жизнь как видение». Сон можно расценивать как обычное измененное состояние сознания, но склонность к переживанию состояний измененного сознания выходит за пределы желания «впасть в сон». Подростки-наркоманы характеризуют эти стремления как желание «улететь», а эффект — как «улет»...

Есть гораздо более мощные средства превратить жизнь в грезу, в мир воображения — информация. Список этих внешних средств преобразования жизни огромен: книги (художественная литература, а точнее, fiction),

В.Н. Дружинин, 2000 г.

Источник метафор

Регулярный посетитель очередей,
Я привык к разнообразию людей:

К ватникам, джинсам «Врангель»
И к скандалам любого ранга.

Постепенно человеческое тело
Становится похожим на свое дело.

Поэтому старушки в очередях
напоминают мне тяжелые
Хозяйственные сумки,
А продавцы похожи
На туго набитые кошельки.

телевидение, кино и видеофильмы, музыка (в записях на кассетах или CD), компьютерная «виртуальная реальность» (в первую очередь — «мировая паутина»).

Легче понять, зачем пишутся книги, чем осознать, зачем они читаются. Текст есть материал для создания читающим собственной субъективной реальности — динамичной системы образов эмоций, мыслей, возникающих в ходе понимания текста и исчезающих после прочтения.

Любое чтение — создание некоего искусственного мира, любая книга — зашифрованный субъективный мир, созданный писателем. Но только чтение взахлеб, «запойное» чтение является вариантом ухода в «мир грез». Когда чтение предпочитается всем другим занятиям, индивид зачастую равнодушен к содержанию, кроме одной составляющей: лишь бы книга могла возбудить его воображение и помочь ему уйти в мир грез. Речь идет не о чтении эстета, знатока литературы или человека, ищущего полезную информацию («книга — учебник жизни»). Я говорю о чтении как способе ухода от действительности во внутреннюю жизнь, жизнь собственных фантазий. Фантастика и фэнтези, исторические и «любовные» романы, детективы и даже мемуары (в них не больше правды, чем в детских сказках), до нашей эры — мифы, после наступления средневековья — легенды и сказания — все разжигает воображение, как дрова в пламя костра.

Чем менее книга художественна, чем менее в ней выражен прием, оригинальный стиль автора, тем более подходит она для создания мира собственных грез, ибо, как рисунок в проективном тесте, упрощенный

текст облегчает движение собственной фантазии, побуждает читательские «вариации на тему». XVIII, XIX и начало XX — это были века больших поэм и больших романов, многочасовых оперных постановок и бесконечных пьес. Книга была единственным внешним информационным средством для стимуляции фантазии. «Книжные» юноши и «книжные» девушки бродили по аллеям дворянских парков, сидели на верандах купеческих дач и пребывали в мире собственных грез.

Для такого «массового» читателя и пишет «массовый» писатель. В конце концов, в растиражированных шаблонах для создания субъективных образов и переживаний нет ничего плохого. По крайней мере их действие не столь разрушительно для психики, как действие алкоголя и наркотиков (не говоря о физиологическом воздействии последних)...

Жизнь по правилам

Есть люди, которые все делают правильно. Значит, на свете есть «правильная жизнь», то есть жизнь по правилам, которые кем-то когда-то для кого-то изобретены.

«Не учите меня жить!» — кто из нас не говорил этих слов более опытным и старшим. Нас наставляли, желали самого лучшего и зачастую — напрасно. Мир запретов и предписаний, табу и приказов создан людьми, сочиняющими правила, для людей, правила выполняющих. Одни без других просто не могут существовать.

Однако правило — не произведение искусства или научное открытие. Оно анонимно и общепризнано, безлично и универсально. Нельзя

сказать: «Я придумал это правило для тебя». Правило — всегда одно, ни от кого и для всех.

Жизнь, подчиненная правилу, регламенту, ритуалу, внешнему сценарию чрезвычайно удобна: не нужно строить планы и думать о своих перспективах или сомневаться. Человек избавлен от бремени выбора: в каждой ситуации он знает, как поступать, а если не знает, то ему подскажут знающие и авторитетные люди. Жизнь разделяется на «регламентированную» и «нерегламентированную» составляющие, причем последняя занимает все меньшую и меньшую долю. Существование человека максимально упрощается, поскольку требуется немного, а именно — знать о существовании правил, заучить правила и безукоризненно их исполнять...

Рождение, младенчество, ясли, детский сад, школа, прием в октябрята, в пионеры, вступление в комсомол, окончание школы, поступление на учебу в вуз, в техникум, ПТУ, служба в рядах Вооруженных Сил СССР (для здоровых молодых людей, кто не сумел «закосить»), работа, женитьба или замужество, рождение детей, получение квартиры, вступление в члены КПСС (для тех, кто хотел и кого хотели), свадьбы детей, карьера, пенсия, похороны — таков нехитрый сценарий жизни человека — гражданина СССР 60–80-х годов двадцатого века. Сценарий мог разнообразиться импровизациями и случайностями, болезнями, разводами, поездками за границу, конфликтами на производстве и выигрышами в «Спортлото», но это лишь детали...

Отсутствие обусловленных «внутренними причинами» тревог и стра-

хов — не такой уж малый выигрыш. Культ безопасности создан людьми, живущими по правилам. Железные двери и сейфовые замки не защищают на самом деле их жилье, но создают иллюзию защищенности. Страховые полисы не предохраняют от болезней, травм и пожаров, но их наличие компенсирует страх перед внезапными бедами. Потери и беды также являются событиями ритуальной жизни: дети болеют, а родители умирают, машины попадают в аварии, а воры крадут кошельки, но все эти события не выходят за пределы событий жизни среднего «нормального» человека...

Люди, «живущие по правилам», — главная потенциальная клиентура психотерапевтов, психоаналитиков, экстрасенсов, колдунов и народных целителей. Порой кажется, что именно для описания их личности З. Фрейд создал классический психоанализ. Можно сказать и так: ортодоксальный психоанализ является теорией личности, адекватной для объяснения поведения людей, выбравших «жизнь по правилам». Сверхконтроль со стороны внутренних запретов над неправильным (а все естественное «неправильно»!) течением душевной жизни порождает постоянное внутреннее напряжение и конфликт...

Человек, «живущий по правилам», действует не в соответствии с социальным давлением, а порой вопреки ему. Я всю жизнь принадлежал к редкому в среде русских людей типу непьющих (ныне — малопьющих). Таков был мой выбор, соответствующий традициям нашей семьи. И я мог бы много и подробно рассказать о том, какое социальное давление

мне, «живущему по правилам», пришлось испытать в студенческом общежитии, в стройотрядах, в армии и на работе, не испортив при этом отношений с приятелями и сослуживцами!

За время развития цивилизации люди создали немало возможностей для того, чтобы у каждого желающего была возможность реализовать вариант «жизни по правилам». Ярким образцом этого является армейская служба. Вопреки обыденному представлению о том, что ее выбирают в основном активные, решительные, уверенные в себе молодые люди, армейскую службу предпочитают эмоционально чувствительные, с неустойчивой самооценкой, стремящиеся к подчинению, конформные личности.

Армия — структура, где должен править Устав и приказ командира (я не беру в расчет армию в период распада государства, когда она вырождается либо в совокупность уголовных банд, либо в скопище бомжей). Армия жива порядком и строгим подчинением нижестоящего вышестоящему. Дисциплина определяет должные способы поведения каждого по отношению к каждому. Для получения очередного звания или должности не надо прилагать сверхусилия. В армии существует понятие «выслуга лет» — представление к очередному званию является функцией от времени. Разумеется, можно достичь особых успехов в глазах начальства, но в этом есть риск: сослуживцы могут «подставить» выскочку, да и вообще — «инициатива наказуема». Действует железное правило: «не надо, как лучше, — надо, как положено»...

Как правило, в армии не надо совершать стратегический жизненный выбор, ибо жизнь офицера принадлежит государству и живет он от приказа до приказа. Начальство решает, где ему служить и в каких условиях, чем заниматься. Выбор, разумеется, есть, но он минимален...

Парадокс в том, что армия призвана не только жить по правилам, а воевать. Меньше всего должны быть заинтересованы в войне сами военнослужащие. Война сулит Славу и героическую смерть в обмен на регламентированную жизнь без забот. На войне надо принимать волевые и рациональные решения, идти на риски, при которых шансы уцелеть порой ничтожны. Нужно брать на себя ответственность за других и порой (что главное!) действовать исходя из обстоятельств, а не по инструкции. Хуже того, приходится для достижения общего успеха идти под угрозой трибунала наперекор глупым приказам начальства.

Все преимущества «жизни по правилам» с началом боевых действий рассыпаются в пыль. Человек погружается в грубую, страшную действительность, где от индивидуальной хватки, умения выжить и одновременно победить и не быть обвиненным в трусости зависит жизнь.

Другой вариант «жизни по правилам» — существование чиновника. Оно очень похоже на жизнь офицера, но без вероятности сложить голову по случаю или в бою. Жизненные преимущества меньше, но меньше и риски. Прохождение служебной лестницы также зависит от времени. Регламентированность отношений и поведения и обезличенность приветствуются: чиновник — это человек-функция.

Бюрократ, как винтик в огромном механизме, заменим на своем месте и должен выполнять те действия, которые предусмотрены должностной инструкцией. Не желающие вписываться в среду проявляют инициативу, занимаются реформами и реорганизациями, берут взятки и протезируют родственникам, любовницам и друзьям, т. е. превращают «жизнь по правилам» в «жизнь-временепреобразование». Как итог — структура, созданная для реализации «жизни по правилам», рушится и хоронит под своими обломками людей, народы, страны и т. д.

Но самый ранний вариант «жизни по правилам» — обычная традиционная средняя школа, где ребенок оказывается в 6–7 лет от роду. Пресловутая «готовность к школе» значит не более, чем способность и склонность подчиняться авторитету, жить по регламенту и выполнять задания согласно предписаниям. К школьной системе привыкают и ее любят, естественно, далеко не все, а дети с определенным типом способностей и личностных черт, которые преобразуются в личностный тип.

Жизнь — трата времени

Ничего не происходит. Можно проснуться утром не по звонку будильника, а когда угодно — можно спать и до обеда. Нет забот и обязанностей. На личном счете или в отцовском (материнском) кошельке есть деньги.

Или — по-другому. Карьера завершена, дети повзрослели, подрастают внуки. Дом пуст — все разъехались: кто в Сочи, кто — в Лондон. Можно включить телевизор или спуститься

вниз и посмотреть, может быть, принесли газеты. Хотя ты твердо знаешь, что еще рано: почтальон приходит в 9.00.

Или иной вариант. Муж на работе — у него «бизнес», за два года так и не поняла, чем он занимается. По расписанию — спортзал и бассейн, а до вечера 12 часов пустого времени, и сотовый, как назло, молчит...

Время кажется бесконечным и неиссякаемым, будущее — продолжением настоящего. Может быть, что как такового будущего нет, и оно никогда не настанет, есть только неизменное, не заполненное ничем настоящее. Жизнь превращается в трату времени. Человек ощущает себя нищим, которому неизвестно кто, неизвестно почему и за что отдал огромную сумму денег, а он не знает, куда ее деть. Перед его мысленным взором десятки лет, и ему кажется, что карман будет всегда полон звонкой монетой или зелеными купюрами.

Не заполненное событиями время не запоминается — факт, уже давно установленный психологами. Но, если время бесконечно, а событий не будет, ибо мир стабилен, единственный способ нарушить это равновесие — совершить действие. Для чего же действовать, если все под рукой и любое (почти любое) желание может быть удовлетворено? Нужно играть, развлекаться, имитировать жизнь, чтобы наполнить мир и время событиями и тем самым ощутить неощутимое время, зафиксировать собственную жизнь в памяти.

Субботный выезд за город на шашлыки включает в себя процесс согласования по телефону времени и состава компании, распределения

обязанностей: кто будет покупать мясо, а кто — выпивку. Надо собраться в назначенное время и в назначенном месте. А впереди длительные беседы ни о чем в пригородной электричке или в кабине автомашины. Разжигание костра, приготовление пресловутого шашлыка, его поедание с красным вином и душевными тостами — эта процедура продумана и опробована стократно и разыгрывается снова и снова. Процесс завершается игрой в волейбол или футбол, купанием в речке и пением песен под гитару, реже — танцами под магнитофон.

Отдых может быть и более активным. Процедура «времяпрепровождения» растягивается на несколько недель, например, если вы собрались отправиться в поход на байдарках (вариант путешествия, описанного Дж.К. Джеромом в повести «Трое в лодке, не считая собаки») или же на банальную зимнюю рыбалку. Удочки, крючки, прикормка и зимние тулупы — атрибуты готовятся задолго.

Поймать что-либо в 15–20-градусный мороз удается редко, но разговоры и вся процедура скрашивают отсутствие улова. Собственно, результат в этом случае не более чем символ с удовольствием проведенного времени.

Скука сама по себе может быть приятна и даже возведена в культ. Английское слово «сплин» было весьма модным в начале 20-х годов XIX века в кругу молодых, но уже «разочарованных жизнью» русских дворян, принадлежащих к высшему обществу. Им подражали дворянские отпрыски в провинции, титулярные советники, начитавшиеся Баратынского и Бестужева-Марлинского, уездные дамы и прочие. «Скучно жить на

этом свете, господа!» — так завершил одну из своих повестей Гоголь.

Может быть, люди, пережившие в XX веке ужасы мировых войн и революций, прошедшие сталинские «чистки» и концлагеря, видевшие ограбление и одичание миллионов, с радостью выбрали бы этот вариант жизни. Лермонтов, дитя начала XIX века, восклицал: «Как жизнь скучна, когда боренья нет!» Ах, юноша, юноша! Можно выбрать дуэль в ту эпоху, когда не ведут скопом на расстрел.

Жизнь против жизни

«Смерть мы видели каждый день и воспринимали ее очень буднично. Многие из нас были доведены до такого состояния, что убивали как автоматы, не разбирая даже, кто это — женщины, старики или дети. Нас послали туда — убивать ...

Когда я вернулся, то первое время носил в кармане кастет и финку. Мне все время казалось, что кто-то может напасть сзади. Если кто-то рядом делал резкое движение, я автоматически бил. Я до сих пор, идя по улице, прикидываю, как и с какой позиции расстрелял бы людей, которые идут впереди... какая-то доля жестокости во мне сохранилась. Нас учили не испытывать жалости, все было направлено на это, иначе бы мы не выжили... Если ты передашь кому-нибудь эту информацию, я откажусь от своих слов» (Дедовщина в армии. [Сборник социологических документов]. М., 1991, с. 144–145).

Это слова из интервью, которое дал социологу С. Мирзоеву молодой парень — студент МГУ, служивший в морской пехоте...

Там - сад для свиданий ^{руки твои} и ^{руки твои} темней, чем оконный проем,
 Там таблички на зданиях ^{на зданиях} знакомы, как имя твое,
 А ^я ^{на себе} ^{ноу} ^{силы} ^{возвращаю},
 Как ^{смы} ^{разобитой} ^{стакан}
 В ^{Воздух} ^В ^{полусонном} ^и ^{страшном},
 Но ^{сердце} ^{допустили} ^{стать} ^{таким} ^{подлым},
 И ^в ^{ветер} ^{спрятал} ^{хитро},
 И ^{уже} ^{знаю} ^{свою} ^{старость} ^в ^{глазах} ^{пассажира} ^{метро}!
 Я ^{по} ^{улицам} ^{поискал} ^{тебя} ^и ^{любви}.
 И ^{на} ^{улице} ^{какая} ^{там} ^{забытая} ^{старость}
 И ^{уже} ^{знаю} ^{свою} ^{старость} ^в ^{глазах} ^{пассажира} ^{метро}!
 Твое

Черновик стихотворения

Я тебя потерял на портрете
 прозрачной и тихой зимы,
 Где любовь, как бессмертье,
 я брал напрокат и взаимы.

Здесь стоит непогода,
 а там отпускали покой
 Не по веку, по году,
 но ангельски щедрой рукой.

Там сады для свиданий
 темней, чем оконный проем,
 Там таблички на зданиях
 знакомы, как имя твое —

А сегодня под снегом вчерашним,
 как снег позабытый, стою
 В полусонном и страшном,
 но людям доступном раю.

Подберу, что осталось,
 что до времени спрятал хитро,
 Но уже узнаю свою старость
 в глазах пассажира метро.

Но как будто я занял
 полжизни из жизни твоей
 И с надеждою замер
 у самых последних дверей...

Смутная тоска по утерянному раю будет преследовать человека всю жизнь. Но при каких условиях формируется раннее представление о мире как о враждебном и злом, как о постоянном источнике боли и страдания? Мир может быть чужим и холодным, неподатливым и неудобным, если мать не кормит и никто другой не проявляет заботы. И вместе с тем равнодушный мир — не всегда источник зла. Зло активно. И многие факты свидетельствуют о том, что причина восприятия мира как источника зла — в жестокости и насилии, которому в раннем детстве подвергается человек...

Малыш 2–5 лет (а то и совсем крошка) воспринимает окружающий мир в образе огромного, озверевшего, пьяного чудовища, которое оказывается его матерью или отцом, то есть порой единственно близким ему человеком. В этом страшном мире можно или погибнуть, или вступить с ним в неравную и жестокую борьбу на уничтожение.

Жизнь превращается в постоянную войну с источником страданий... самой жизнью. Страдание можно уничтожить двумя путями: разрушив внешний мир как источник страданий или умертвив самого себя. Болит только живое. Кроме того, можно отомстить людям (все они — враги, потенциальные палачи) и заставить их страдать дольше и сильнее, чем страдал сам. Но этот путь не решает проблемы, так как враждебный мир остается и остается жизнь как постоянное страдание.

Глобальная психологическая травма (я предпочитаю этот термин) — это катастрофа внутри индивидуального мира, микрокосмоса. Ее резуль-

татом являются выжженные пространства. В отличие от локальной психологической травмы она вызывает не невроз, фобию или манию, содержанием которых могут быть отдельные стороны жизни, а видоизменяет само отношение к жизни...

Насильственные преступники (этот факт отмечают многие криминологи) способны действовать только на физическом уровне, во «внешнем плане действия», и я бы добавил — «во внешней жизни». Они не способны психологически компенсировать нанесенную обиду, поскольку внутренний духовный мир у них обеднен. Духовная жизнь упрощена, «одномерна», бледна и невыразительна. Там присутствуют лишь темные и серые тона, огромное место занимает раздувшееся от психической боли, как нагноившаяся конечность, личное Я, которое захватывает в свою орбиту все, чего касаются интересы личности: собственность, группы, женщины (с которыми он может быть едва знаком) и т. д. Все это защищается от угроз со стороны страшного мира, где живут злые, мерзкие люди. Этот мир занимает очень небольшое место в психическом пространстве личности насильника и убийцы, но и оно должно принадлежать Я.

Ввиду слабо развитых внутриспсихических механизмов психологической защиты и переработки эмоциональных травм победить страшный и ненавидимый мир можно только внешним действием. Насильственный преступник живет только «внешней жизнью», «жизнь внутренняя» для него недоступна. Даже предметы, мастерски изготовленные заключенными, подтверждают этот вывод: это

искусно воспроизведенные образцы, но среди них практически не встречаются оригинальные поделки. Тем более нет высокохудожественных текстов, изобретений, открытий.

**«Экзистенциальный конструктор»,
или
Жизнь как предмет творчества**

Свобода выбирать или сконструировать собственный стиль жизни — достижение постиндустриального, информационного общества. Жизнь превращается в творческий процесс пересоздания самой жизни. И, разумеется, многие «кустарные» попытки создания собственных вариантов бытия несравнимы с легкой возможностью выбора этих вариантов, как несопоставимы по качеству автомобиль-самоделка и «Мерседес» класса SL.

Индустрии «вариантов жизни» противостоит не только индивидуальное, но и групповое конструирование. Две среды его реализации — молодежная субкультура и субкультура людей пожилого возраста. И те, и другие находятся за пределами «настоящей жизни»: одни — еще, другие — уже. На мой взгляд, до сих пор попытки создания новых «вариантов жизни» были малоуспешными. Движение «битников», «хиппи», «панков» характеризуются не только внешней атрибутикой, действиями и некоторой «идеологией», но и психологическим подходом к жизни.

Но выходят ли эти подходы за пределы уже выделенных здесь, в этой книге вариантов? Субкультура хиппи, связанная с культом наркотиков и измененных состояний сознания, секса, творчества и пассивного неприятия жизни как борьбы, несомненно, является вариантом «жизни-ухода» («жизнь есть сон»). «Панки», агрессивные и не скрывающие свою деструктивность, воплощают своим поведением «жизнь-борьбу» (см. главу «Жизнь против жизни»)...

Поблагодарим судьбы и случай, который забросил нас в этот крохотный участок «пространства—времени», в эпоху, когда можно — я надеюсь — думать, говорить и действовать в соответствии со своими желаниями и способностями, не рискуя многим, когда можно созидать свою уникальную жизнь. Иногда позволяют жить только по канону, полностью воспроизводя написанный кем-то сценарий. Бывают времена, когда допустимы вариации жизненного пути в пределах заданной темы.

В самые лучшие эпохи допускаются и приветствуются импровизация, вольность мыслей и поступков в рамках правил. Творчество царит тогда, когда людям нужны новые правила жизни. Но когда жажда перемен сочетается с отсутствием ответственности и на авансцену выходит своевольное Я, творчество перерастает в абсурд.

Канон — вариация — импровизация — творчество — абсурд: есть выбор!

ОБ ОБЪЕКТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. ВОРОНИН

Воронин Анатолий Николаевич — ведущий научный сотрудник лаборатории психологии способностей им. В.Н. Дружинина Института психологии РАН, доктор психологических наук.

Автор более 40 опубликованных работ. В работах отражены результаты исследований проявления интеллекта и креативности в совместной интеллектуальной деятельности и психодиагностики познавательных способностей человека.

Контакты: voroninan@bk.ru

Резюме

Статья посвящена проблеме объекта в экспериментальном психологическом исследовании как методологической проблеме базовых характеристик получаемого психологического знания.

В.Н. Дружинин был неординарным и многосторонним человеком. Обмен мнениями с ним по поводу различных психологических проблем носил как формальный, так и неформальный характер. При этом даже формальное обсуждение разнообразных психологических проблем, например, при утверждении тем научных работ аспирантов и соискателей, обсуждении научных проектов, докладов, представленных на конференциях, всегда было эмоционально и лично окрашено. Тон обсуждения при этом всегда был позитивным и почти всегда вызывал положительные, «долгие и продолжительные» эмоции. Острота слова и оригинальность мысли «по поводу» и «не по

поводу» обсуждаемого ценились не менее, чем то, что обсуждалось. Так, при обсуждении новой книги А.В. Брушлинского на заседании лаборатории после эмоциональных и оригинальных замечаний В.Н. Дружинина и других сотрудников я в первый и, пожалуй, в последний раз увидел А.В. Брушлинского, директора Института психологии, улыбающимся и посмеивающимся «в столь ответственный момент» — при обсуждении своего собственного научного текста.

Неформальное обсуждение разных научных и псевдонаучных проблем (от «утилитарных» — например, конкретное проведение экспериментального исследования — до

«глобальных»: «Что есть развитие социума, и как оно связано с индивидуальным развитием человека») часто проходило в неподходящих для этого местах и в неподходящее время, например, во время перекура на лестнице (хотя курили при этом третьи лица), в буфете, при частных встречах. Наиболее плодотворные неформальные беседы проходили во время чаепитий, в которые Владимир Николаевич вторгался всегда неожиданно, совершая своеобразные «обходы» помещений Института психологии.

Таким образом обсуждались разнообразные проблемы, например, проблема отчуждения, непризнания человеком своих творческих достижений, обозначенная впоследствии как «проблема и феномен сатурации». Другой интересной проблемой, неоднократно поднимавшейся при обсуждениях, была проблема принципиальной невозможности оценки надежности психологических исследований, поскольку объект исследования, с одной стороны, меняется от измерения к измерению под воздействием самой процедуры измерения и, дополнительно к этому, объект исследования изменяется в силу своих имманентных свойств, контролировать которые, в отличие от внешних воздействий, практически невозможно, объект исследования активен, и его активность непосредственно связана с измеряемыми качествами. Неформальное обсуждение проблем не заканчивалось формулированием некоторой согласованной точки зрения или изменением существующей точки зрения. Важно было другое: таким образом определялись перспективы дальней-

ших исследований, иногда весьма и весьма отдаленные.

Так, представляется, что многие проблемы измерения (надежности, валидности и др.) в психологии являются следствием центральной проблемы: что является объектом психологического исследования? Если следовать позитивистской позиции, то объект исследования — фрагмент объективной реальности, противопоставляемый познающему субъекту. Иные гносеологические подходы последовательно отстают от данной точки зрения, приближаясь к солипсизму и агностицизму. Считается, что для гуманитарных исследований приемлемой является точка зрения, согласно которой объект исследования — наиболее общее определение изучаемого, предельно общий конструкт в изучаемой области. Но следование такой традиции приводит к стиранию принципиальных различий между объектом и предметом исследования, что, естественно, не умаляет достоинств такого рода исследований при условии, что и получаемые результаты, возможно, не имеют никакого отношения к действительности, но как некий акт литературного творчества вполне уместны. Часто такое положение дел приводит к тому, что проблема объекта психологического исследования вообще не поднимается и скромно опускается.

Более того, даже в самых продвинутых с позитивистской точки зрения отраслях современной психологической науки объект психологического исследования уместно сравнивать лишь с объектами исследования, принятыми в науке в период ее становления, например, как это было в

свое время в алхимии. Не рассматривая парапсихологических и психотехнических аспектов этого учения, остановимся на объекте изучения как таковом. Так, для алхимиков важно было не только то, что они имеют дело, например, с железной рудой, но и то, из каких рудников эта руда, так как ее свойства оказывались иногда принципиально различными. Более того, железо, получаемое из разной руды, тоже имело разные свойства. Для алхимика было важно не только описание процедур получения железа, но и указание на то, откуда оно взято, так как технология существенно менялась в зависимости от рудника, где была добыта руда. Существенно было не только то, *что* берется, но и *откуда*. Эта ситуация очень схожа с состоянием дел в современной экспериментальной психологии и психодиагностике (может быть, исключая психофизику). Отсутствие прогресса в данном вопросе порождает странные с точки зрения общих представлений о науке направления психологических исследований (в том смысле, что они как отрасли науки морально устарели и соответствуют уровню развития, скажем, химии тогда, когда она была еще алхимией), например, кросскультурные исследования, гендерные исследования (исключая исследования брачного, сексуального и т. п. поведения). Странность этих направлений заключается в том, что предметом исследования становится не «существенное», а побочное. Исследуется, если следовать аналогии с алхимией, не «железо», а различия в примесях, входящих в состав местной руды, причем на описательном уровне. Вероятно, это может быть

интересным и весьма полезным, но это не является предметом исследования химии — науки о химических свойствах вещества. Результаты гендерных и кросскультурных исследований также мало говорят о сути психических явлений, выявляя лишь «местные» и непсихологические различия в объекте исследования. «Случайная выборка» выборка испытуемых — пожалуй, самое неприятное, с чем сталкивается исследователь (хотя часто именно ей отдается приоритет в экспериментальной психологии). Если продолжить аналогию с «железной рудой», то «случайная выборка» — это «руда», взятая неизвестно откуда, и исследовать свойства полученного из нее железа довольно бессмысленно, так как надежды на повторение полученных результатов немного. Выборку, сформированную по непсихологическим параметрам, можно сравнить с «железной рудой», лишь внешне напоминающей руду из известного месторождения, но ценность результатов исследований свойств железа из этой руды аналогична ценности результатов предшествующего случая. Более выигрышный вариант — специально сформированная выборка по некоторым существенным психологическим признакам. Но при таком подходе использование традиционных статистических процедур не совсем корректно, так как они предполагают некоторое вероятностное распределение значимого признака в исследуемых объектах, а последовательное формирование выборки существенным образом влияет на вероятность распределения, и его распределение становится по определению не случайным.

Так или иначе попытки решения проблемы объекта психологического исследования естественным образом приводят исследователя, пытающегося работать в рамках позитивистской науки, к приоритету психодиагностики и психодиагностических процедур, позволяющих проводить априорную верификацию и дающих возможность подтверждения адекватности/неадекватности объекта (и предмета) исследования и методик, направленных на его изучение. По крайней мере, психодиагностические методы указывают на очевидные несоответствия, страхуя от явных артефактов, что происходит вследствие существования в психодиагностике формальных процедур контроля «качества» получаемого психологического знания, сформулированных прежде всего в рамках дифференциальной психометрики.

Именно поэтому основное направление деятельности лаборатории психологии способностей, возглавлявшееся В.Н. Дружининым, было связано с созданием адекватных психодиагностических методик. При этом важно было не только создать (воссоздать, адаптировать) методики диагностики способностей, прежде всего познавательных, но и создать (адаптировать) другие, например, личностные психодиагностические методики. При этом общий подход к проведению эмпирических исследований предполагал, что только корректно оцененная группа испытуемых могла рассматриваться как адекватный объект психологического исследования, а проведение исследования (с психодиагностической точки зрения) неизвестно на каких испытуемых либо на испытуемых, оце-

ненных по несущественным признакам, порождает неадекватное исследуемой реальности знание. При этом традиционно считавшиеся приоритетными теоретические изыскания естественным образом перемещаются на второй план. В ходе неформальных обсуждений большинство участников соглашалось с тем, что всегда можно найти подходящую для данных результатов теорию или создать свою. «Мир идей» самодостаточен, богат и разнообразен. Знакомство с культурным наследием позволяет довольно просто ассимилировать и модифицировать его для «актуальных теоретических запросов» психологов. Именно поэтому крайне важно понимание того, что является объектом исследования. Эмпирические результаты одного исследования (или нескольких) объединяются и обобщаются не вследствие наличия «хорошей и/или нужной» теории, а вследствие общности и единообразия изучаемого объекта и/или объектов. Такая точка зрения, в частности, позволяет решить проблему согласованности психологического знания при номотетическом и идеографическом подходах. Кроме того, междисциплинарные исследования в принципе возможны только в случае единого объекта исследования. В этом смысле комплексное изучение человека с философской, социологической и психологической точек зрения просто невозможно. Знания о разных объектах, даже названных одним словом, принципиально не объединяемы и не дополняют друг друга, и это создает лишь иллюзию понимания изучаемого. Собственно говоря, такого типа рассуждения правомерны не только в отношении смежных наук,

но и в отношении различных отраслей психологии.

В скрытом виде затронутые проблемы нашли свое отражение в учебном пособии В.Н. Дружинина «Экспериментальная психология», но жанр

данного издания не позволил автору отразить проблемный характер излагаемого материала, и мое представление об этих проблемах, вполне возможно, не проясняет, а лишь искажает авторский замысел.

АКТУАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ¹

А.Н. ПОДДЬЯКОВ

Поддьяков Александр Николаевич — заместитель декана факультета психологии ГУ ВШЭ, доктор психологических наук.

Области научных интересов: исследовательское поведение, мышление и творчество человека, психология решения комплексных задач, психология экономического поведения, обучение и развитие. Имеет более 100 научных публикаций. Информация о его исследованиях представлена в издании «Who's who in science and engineering» (2005–2006). Член редколлегий журналов «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Исследовательская работа школьников», «Mathematical thinking and learning». Член Международного общества изучения развития поведения (ISSBD).

Контакты: alpod@gol.ru

Резюме

Раскрывается положение о том, что одна из сквозных и принципиальных тем, разрабатывавшихся В.Н. Дружининым на разных уровнях, — тема актуализации и развития созидательных и деструктивных человеческих возможностей, а также факторов, влияющих на потенциал человека. С этой точки зрения рассматриваются подходы В.Н. Дружинина к психодиагностике и к разработке оригинальной авторской теории экзистенциальной психологии как синтезу когнитивного и нравственного измерения человека.

Одна из сквозных, принципиальных тем, разрабатываемых В.Н. Дружининым на разных уровнях, — тема актуализации и развития человеческих возможностей, созидательных и деструктивных, а также факторов, влияющих на потенциал человека. Изучение этих вопросов он вел в различных областях, начиная с психодиагностики и кончая оригинальной авторской теорией экзистенциальной психологии. От блестящих по своему оригинальному замыслу и реализации экспериментов, которые

надо включать в хрестоматии по экспериментальной психологии, он последовательно переходил в одном и том же тексте к философской рефлексии человеческой сущности с четким обозначением нравственной позиции. Центральным в этой позиции было абсолютное, бескомпромиссное неприятие того, что в одной из последних работ («Очерки экзистенциальной психологии») он назвал «борьба жизни против жизни». Это неприятие агрессивности, жестокости, манипуляции сознанием.

---

¹Работа поддержана РФНФ, грант № 04-06-00274а.

Тем самым в работах В.Н. Дружинина дается фундаментальный синтез когнитивного и нравственного измерений человека, понимание динамики и драматических сплетений этих измерений.

В данной статье мы рассмотрим с этой точки зрения такие, казалось бы, далекие друг от друга области, анализируемые В.Н. Дружининым, как психодиагностика и экзистенциальная психология.

Психодиагностика

Значительная часть теоретических и эмпирических исследований В.Н. Дружинина была посвящена диагностике интеллекта и творчества (креативности) и изучению взаимосвязей между ними. Один из установленных им принципиально важных эмпирических фактов состоит в следующем. При психодиагностике в ряде случаев имеет место «реципрокная зависимость: актуализация одной способности препятствует актуализации другой» (Дружинин, 2001, с. 17). Например, если провести тестирование креативности, а вслед за ним — тестирование интеллекта, то результаты испытуемых по тесту интеллекта оказываются ниже, чем без предварительного тестирования креативности (и наоборот).

Таким образом, эти психодиагностические тесты взаимодействуют, подавляя друг друга, а не синергически стимулируя. Печальная ирония состоит в том, что речь идет об интеллекте и креативности, диагностика которых должна быть по идее направлена, на максимальное раскрытие сущностного человеческого потенциала.

Анализируя эти и другие эмпирические и теоретические данные, В.Н. Дружинин показал, что одним из важнейших критериев сравнения тестов интеллекта и тестов креативности является положение теста на условной шкале регламентированности/свободы поведения испытуемого в ходе тестирования. Тесты интеллекта в основном диагностируют познавательные способности, активизирующиеся в условиях жесткой и однозначной регламентации условий деятельности. А тесты креативности диагностируют познавательные способности, активизирующиеся в условиях свободы и отсутствия ограничений. Чем больше свободы деятельности допускает тест, тем ближе он к идеальному тесту креативности. Чем жестче и однозначнее регламентирует тест условия задачи и требования к деятельности (например, способ выполнения, время, затрачиваемое на решение, и т. д.), тем ближе он к идеальному тесту интеллекта (Дружинин, 1995, с. 123). В целом ситуации тестирования, «благоприятствующие проявлению интеллекта, противоположны по своим характеристикам тем ситуациям, в которых проявляется креативность» (Дружинин, 2001, с. 113).

Важным достижением является то, что В.Н. Дружинин ввел понятие «идеального» (абсолютно выраженного) тестируемого качества и «идеального субъекта», полностью воплощающего это качество. На основе анализа тестов интеллекта он пришел к выводу, что в них заложено следующее операциональное определение интеллекта. «Идеальный интеллект» (субъект, обладающий

«идеальным интеллектом») — это человек, способный правильно и в одиночку решить в уме без внешних поведенческих проб задачу произвольно большой сложности за бесконечно малое время, невзирая на внутренние и внешние помехи (Дружинин, 1995, с. 19). Со своей стороны добавим: «...задачу, изобретенную, корректно сформулированную и предварительно решенную другим человеком», поскольку в большинстве тестов интеллекта используются именно такие задачи.

Развивая эти идеи В.Н. Дружинина, мы сформулировали операциональные определения идеального креатива и идеального исследователя.

«Идеальный креатив» на основе анализа тестов креативности может быть определен следующим образом. Это человек, который способен при решении задачи, сформулированной другим человеком (часто сформулированной нечетко), придумать большое (в пределе — бесконечно большое) количество решений, которые, по мнению постановщика задачи, максимально отличаются друг от друга и от предложенных другими испытуемыми.

Что касается тестов исследовательского поведения, то на основе их анализа мы можем дать следующее операциональное определение. «Идеальный исследователь» — это человек, способный к добыванию максимально большого объема информации от исследуемого объекта в ходе реального взаимодействия с ним благодаря самостоятельной постановке разнообразных исследовательских целей и качественного и количественного разнообразия (в пределе —

бесконечного) внешних поведенческих проб (Поддьяков, 2000).

Итак, в операциональные определения идеального интеллектуала, креатива и исследователя заложены, с одной стороны, взаимодополняющие, а с другой — в чем-то противоречащие друг другу представления об идеальном субъекте познавательной деятельности. Лишь одно из этих противоречий состоит в том, что человек, способный ставить задачи самостоятельно, может быть вовсе не склонен к тому, чтобы стремиться понять и решить задачи, поставленные другим человеком, да еще получив тот результат, который постановщику заранее известен.

Существенные различия операциональных определений — одна их причин нулевых и даже значимых отрицательных корреляций между соответствующими тестами.

При этом в реальной познавательной деятельности интеллект, креативность, исследовательские способности образуют единство. Е.П. Торренс писал: «Я настаиваю, что интеллект и креативность — это взаимодействующие или частично перекрывающиеся друг друга переменные и что попытки их насильственных четких различений создали бы картину ложных различий, не существующих в реальной жизни» (Torrance, 1980, p. 8).

Действительно, хорошее исследование всегда интеллектуально и креативно, а истинно творческая деятельность всегда включает исследовательские компоненты. Для этих трех групп способностей справедливо общее положение В.Д. Шадрикова: «Существует один интеллект, но внутри единства, в зависимости от различных

условий, в которых совершается мыслительный процесс, дифференцируются типы мыслительных операций, характер их протекания» (Шадриков, 2004, с. 134).

Специфика же вышеописанных тестов как инструментов диагностики познавательных способностей состоит в том, что каждый из них претендует на актуализацию и измерение только своего фрагмента (если не сказать «обрубка») познавательной деятельности. Здесь работает методологическое положение Ф.Е. Василюка: «...основная функция экспериментального метода в научной концепции состоит в приведении реального объекта исследования в соответствие с основным идеальным объектом данной концепции. Реальный объект специальными процедурами и всяческими методическими ухищрениями как бы вталкивается в форму идеального объекта, там же, где это не удается, выступающие детали отсекаются либо технически, либо теоретически» (Василюк, 2003, с. 86–87).

С нашей точки зрения, еще одна существенная причина отрицательных корреляций и интерферирующих взаимодействий между тестами кроется не только в осознанном или бессознательном намерении исследователей «отсечь» все, что не является предметом изучения, и оставить один-единственный «обрубок», предназначенный для исследования. Мы считаем, что существует общий методологический закон исследования сложных динамических систем, к которым, безусловно, относится и психика. Он развивает принцип неопределенности, который был сформулирован в физике: в ходе измерения

невозможно определить и координату, и скорость микрочастицы. Более общий методологический закон гласит: *из-за множественных положительных и отрицательных связей, существующих в сложной динамической системе, любой метод, раскрывающий одни ее характеристики, будет неизбежно скрывать, подавлять и деформировать другие ее существенные характеристики.* Универсальный метод исследования, который пригоден только для раскрытия характеристики сложной системы, ничему при этом не мешая, невозможен.

Интерференция тестов способностей имеет как теоретическое, так и практическое значение. Она означает относительность получаемых оценок тестирования, возможность систематических ошибок диагностики познавательного развития, а также открывает возможности преднамеренной манипуляции.

Среди других результатов, полученных В.Н. Дружининым, мы считаем необходимым упомянуть в данной статье принципиально важное, обособленное эмпирически и теоретически положение о том, что высокоразвитые личности в среднем хуже прочих испытуемых решают задачи на репродуктивное мышление, в том числе задачи тестов интеллекта, а также разработанный В.Н. Дружининым ситуативный подход к диагностике способностей и типологию ситуаций психодиагностики по критериям добровольности — вынужденности вхождения в ситуацию диагностики и самостоятельности — навязанности выбора дальнейшего жизненного поведения. Свои методологические положения о сущности

интеллекта и творчества В.Н. Дружинин применял при анализе реальной ситуации общественного развития в нашей стране, показывая ее драматизм, напряженность и потенциальную опасность некоторых возможных вариантов ее развертывания (см. главы «Интеллект и структура общества», «Судьба интеллекта в России» в его книге «Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие»).

Экзистенциальная психология

В своей концепции экзистенциальной психологии В.Н. Дружинин дает типологию психологических вариантов жизни, уделяя основное внимание противопоставлению: а) построения жизненного пути как созидательного творчества и б) «борьбы против жизни». Фактически он анализирует сферу явлений, которые ирландский психолог К. Бенсон называет развертыванием непредсказуемой креативности человеческих Я, старающихся расширять и сужать пространство возможного друг для друга и изобретающих все новые орудия добра и зла (Benson, 2001). Но в отличие от К. Бенсона общий прогноз В.Н. Дружинина трагичен. К. Бенсон высказывает очень осторожный оптимизм: он считает, что представления об отвратительности преднамеренно причиняемых страданий очень медленно и постепенно получают все большее распространение. В.Н. Дружинин же считал, что «жизнь против жизни», жестокость и насилие в самых разных формах — от убийств, физических пыток и издевательств до организации компьютерных вирусных атак — представля-

ют собой лавинообразный процесс, «развивающийся по принципу положительной обратной связи и захватывающий в себя все новые и новые поколения, народы, страны», «сметающий нас с лица Земли» (Дружинин, 2000, с. 127).

Со своей стороны, мы считаем, что следует согласиться с Ф.Т. Михайловым (1998): добро и зло (культура и антикультура) навеки переплетены и слиты, и каждый общекультурный канон несет и возрождает в себе и высшие ценности добра, и их отрицание. Развитие цивилизации, отдельных обществ и личностей осуществляется под влиянием двух противоположных и взаимосвязанных направлений социальных воздействий: а) стимуляции; б) противодействия психическому развитию (исследовательскому поведению, обучению, творчеству и т. д.) (Поддьяков, 1999; 2000; 2002). Противодействие развитию оправданно и обоснованно (с точки зрения противостоящих субъектов) в случае необходимости ограничить или предотвратить порождение, передачу и использование опасного, неадекватного и т. п. опыта. Оно не может быть оправдано в случае осуществления антигуманных целей.

В целом помощь и противодействие должны быть осмыслены как два взаимосвязанных типа социального взаимодействия, по-разному изменяющих направление развития. Помощь имеет тенденцию изменять направление развития заранее предусмотренным (желательным для помогающего, выбранным им) образом. Противодействие имеет сильную тенденцию изменять направление развития непредсказуемым образом (Поддьяков, 1999; 2000).

Отношение к другому человеку и отношение к теории самоактуализации

Вероятно, не случайно и В.Н. Дружинин, и К. Бенсон приходят независимо друг от друга к необходимости детального критического анализа одной из теорий гуманистической психологии — теории самоактуализирующейся личности. Так, В.Н. Дружинин писал: «Самоактуализирующиеся личности наделены, согласно Маслоу, массой "положительных" черт. Они более спокойно воспринимают мир вокруг себя, менее эмоциональны и более объективны, не подвержены надеждам и страхам, стереотипам, не боятся проблем и противоречий. Самоактуализирующийся человек принимает себя таким, какой он есть. У него нет чувства вины, стыда и тревоги. Он ощущает радость жизни. [Он освободил себя "от такой химеры, как совесть". Ну и мерзавец этот самоактуализирующийся человек!]

К. Бенсон показывает этноцентризм концепции самоактуализирующейся личности и скрытые аморальные последствия ее использования в культурах, отличных от западной. Его вывод: «Это акультурная, антиисторическая психология в полном самоуверенности полете под камуфляжем исторических ссылок» (Ben-son, 2001, p. 227).

В.Н. Дружинин и К. Бенсон не одиноки в своей критике. Б.С. Братусь считает, что гуманистическая психология, несмотря на свое название, внеморальна — это «психология самости как самоцели человека» (Братусь, 1997, с. 12). Ссылаясь на мнение В. Франкла, он подчеркива-

ет, что «самоактуализация, направленная на самое себя, означает промах в главном», поскольку «центральной, смыслообразующей характеристикой человека является его способ отношения к другому человеку» (там же, с. 8).

Я крайне далек от того, чтобы считать основоположников гуманистической психологии (Маслоу, Роджерса и др.) этно- и эгоцентриками, свободными от совести и пытающимися навязать другим свой образ мира и человека. Но из любой теоретической модели (в том числе гуманистической модели самоактуализирующейся личности) могут вытекать закономерные следствия, не очевидные для ее авторов и, возможно, даже неприемлемые для них. Я думаю, что не случайно вышеприведенная критика теории самоактуализации исходит от ученых, проживших значительную часть жизни в странах, где, с одной стороны, сильны идеалы гуманизма, а с другой — имеется тяжелый опыт терроризма, массовых репрессий и т. п. — Германии, Ирландии, России. Что-то мешает этим авторам высоко оценивать самоактуализирующихся людей — абсолютно психически здоровых, с хорошо функционирующими психическими механизмами, но личностно больных, если использовать терминологию Б.С. Братуся и избегать резких оценок В.Н. Дружинина.

***

В.Н. Дружинин писал: «Три роли достойны человека: роли спасателя, защитника и созидателя. Созидатель, конструктор, рабочий, художник, ученый, ученик и учитель, мать

и отец, друг и подруга — они воспроизводят и обновляют жизнь. Защитник, полицейский, солдат, пожарный и сторож защищают жизнь от внешних угроз. Спасатель, врач, психолог, священник продлевают физическую и духовную жизнь. В поединке с деструктивной агрессией и бессмысленностью существования единственный смысл индивидуального бытия не является иллюзорным: продолжение жизни человечества.

Только продолжение нашей духовной жизни в других — в детях, учениках, любимых — дает шанс, что память о нас уцелеет. Ибо нельзя после смерти заставить людей вспоминать себя добрым словом» (Дружинин, 2000, с. 133–134). Представляется, что В.Н. Дружинин выполнял все три названные им роли, а его идеи продолжают духовную жизнь в работах его учеников, единомышленников, последователей.

Литература

Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии 1997. № 5. С. 3–19.

Васильюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.

Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ, 2000.

Дружинин В.Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2001.

Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М.: Лантерна, Вита, 1995.

Михайлов Ф.Т. Аксиомы педагогики. // Философские исследования. 1998. № 4. С. 5–39.

Поддьяков А.Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М., 2000. Электр. версия: <http://www.researcher.ru/methodics>.

Поддьяков А.Н. Ориентировочная и дезориентирующая основы деятельно-

сти: иерархии целей обучения в конфликтующих системах // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 79–89.

Поддьяков А.Н. Решение комплексных проблем в неклассической парадигме // Российская психология сегодня: возврат к методологии / Под ред. А.В. Юревича (в печати).

Поддьяков А.Н. Философия образования: проблема противодействия // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 119–128.

Шадриков В.Д. Способности и интеллект человека. М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2004.

Benson C. The cultural psychology of self: place, morality and art in human worlds. L.; N.Y.: Routledge, Taylor and Francis Group, 2001.

Torrance E.P. Creative intelligence and «an agenda for the 80's» // Art education. 1980. Vol. 33 (7). P. 8–14.

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ И ХОЛИСТИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ¹

Т.А. РЕБЕКО

Ребеко Татьяна Анатольевна — заведующая лабораторией психологии и психофизиологии индивидуальности им. В.Д. Небылицына Института психологии РАН, кандидат психологических наук. Проректор по научной работе Института практической психологии и психоанализа. Переводчик работ К.Г. Юнга.
Контакты: rebeko@psychol.ras.ru

Резюме

В работе описываются два способа когнитивной переработки (холистический и аналитический) в проекции на проблемы измерения и онтологию латентных свойств. Излагается основной постулат изоморфизма современной науки, и выводятся основные методические максимы о сущности знания. Показано, что веерная модель способностей, предложенная В.Н. Дружининым, обладает методологическим потенциалом, применимым при решении проблемы интерпретации эмпирических данных. В частности, обсуждается актуальный и латентный статус измеряемых свойств и возможные способы их операционализации. Данный вывод иллюстрируется на примере пропозиции и аппозиции, предложенных С. Харнадом в качестве механизмов организации знаний.

---

*Как человек, идея рождается
необязательно и случайно, но умирает
неизбежно и закономерно.
(Дружинин, 1997, с. 13)*

Проблема порождения нового знания, активно обсуждаемая в современной когнитологии, имплицитно содержит доминирующую парадигму «дозволенных» эмпирических «поисков». Наиболее рельефно это проявляется в современных работах

по диагностике: по результатам выполнения тестовых заданий оценивается выраженность (развитость, наличие) какого-то ментального свойства. И хотя исследователи напрямую не формулируют постулат об изоморфизме измеряемых признаков и

---

¹Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 03-06-80192а.

латентных свойств, сама процедура экспериментирования в большинстве случаев направлена на поиск правил оценки психологических свойств по результатам «поведенческих» признаков.

Парадигма изоморфизма вытекает из центрального постулата современного рационализма: знанием считается нечто, оформленное в категории, конструкты, концепты. Полагается, что эти категории, конструкты, концепты исчерпывающе описывают индивидуальное знание. И если в отношении эмпирических фактов допускается некоторая латентность (понятия шума, неконтролируемых переменных и пр.), то в отношении процедур интерпретации латентность оценивается скорее как дефектность модели. В.Н. Дружинин поставил под сомнение жесткий изоморфизм и предложил различать процедуры интерпретации в зависимости от изучаемых свойств психики. «В отношении психологического свойства можно сделать следующие теоретические предположения. Первое, наиболее простое заключается в том, что нам неизвестно, есть свойство или нет» (Дружинин, 1997, с. 198). И если предположить, что свойство существует, то открытым остается вопрос о том, каковы его характеристики.

В работе «Экспериментальная психология» В.Н. Дружинин рассматривает проблему измерения свойств в контексте проблематики тестирования. Проследим логику его рассуждений. Если топология свойства не определена, то на множестве испытуемых можно вводить только отношения сходства, не соответствующего правилу транзитивности отно-

шений. Если свойство является точечным, можно ввести отношение эквивалентности. Если свойство линейное, то испытуемых можно расположить на линейном континууме и ввести метрику (Дружинин, 1997, с. 199). В.Н. Дружинин описал методологию интерпретации данных в зависимости от формата изучаемого свойства. Используя попарное отображение трех параметров (испытываемые, свойства и измеряемые признаки), он рассматривал варианты исследовательских и интерпретационных процедур. В том случае, если об изучаемом свойстве ничего не известно, единственное, что имеет право сделать исследователь, это фиксировать сходство реакций (ответов) испытуемых и сравнивать всех испытуемых с каким-то фиксированным (эталонным) испытуемым.

Поставленная В.Н. Дружининым проблема зависимости интерпретации эмпирических данных от гипотезированной сущности свойств применима не только к психодиагностике, но и к эмпирическим исследованиям в целом. Каким образом необходимо организовать экспериментальную процедуру, и какие требования необходимо соблюдать при интерпретации собранных данных для получения рационального знания? Ведь любой теоретик должен решить для себя проблему: что он изучает? Имеется ли за видимыми или экспериментально вызываемыми проявлениями некоторая онтология, и если имеется, то каковы ее свойства? Дж. Лакофф ставит проблему шире: соответствуют ли операционально выявленные эффекты реальной структуре категорий в сознании человека? (Лакофф, 1995, с. 159).

В таком ракурсе данная проблема родственна проблеме прогностической валидности. «Отношение идеального исследования к реальности можно охарактеризовать как теоретическую, или прогностическую, валидность, поскольку план "идеального исследования" строится исходя из теоретической идеализации реальности — гипотез исследования» (Дружинин, 1997, с. 18).

Однако не только измерительные и интерпретационные процедуры, но и теоретические гипотезы пропитаны духом рациональности: существует то, что можно эмпирически «увидеть» или реконструировать. И хотя потенциальность «увидеть» нельзя, ее можно реконструировать. Основная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что при интерпретации данных и формулировке моделей в основном используется категориальный аппарат, «идеализирующий реальность» в соответствии с постулатом «рационального знания».

Как быть с латентными сущностями, свойства которых сложно спроецировать на измеряемые признаки?

Иллюстрацией «латентности» служит веерная модель способностей, разработанная В.Н. Дружининым. Суть этой модели состоит в том, что мерность потенциальных конструктов больше, чем актуально используемых. Было показано, что при оценке способностей других людей происходит редукция конструктов, используемых испытуемыми. Доказывается, что потенциальные категории имеют большую размерность по сравнению с реально актуализируемыми и используемыми. «Несмотря на то, что люди различают разные способности, оценка вы-

раженности способностей у других людей оказывается фактически «одномерной» (Дружинин, 1995, с. 90). «Упрощенная оценка», по мнению автора, происходит по биполюру «умный–глупый».

Так с чем же мы имеем дело в случае редукции? Является ли эта редукция отражением онтологических сущностей (редуцируется размерность ментального пространства), или редукция оценок относится только к способу категоризации собственного опыта? Подобная проблема активно обсуждается в настоящее время в связи с проблемой ментальной репрезентации категорий: влияет ли категоризация на ментальную репрезентацию стимула, или категории являются отражением «сырой» ментальной репрезентации? Как изменяется репрезентация стимула в процессе освоения смежных категорий, при дефиците времени, при использовании другого языка? Многие исследователи указывают на то, что ментальные репрезентации не исчерпываются аристотелевскими категориями. Например, Дж. Лакофф, обсуждая проблему категорий, указывал, что «имеется много репрезентаций, несводимых к необходимости и достаточности» (Лакофф, 1995, с. 161).

Феномен редукции ментального пространства, описанный В.Н. Дружининым, хорошо согласуется с дихотомией аналитического и холистического модусов переработки информации. В том случае, если надо дать совокупную оценку, изменяется топология ментального пространства. В когнитивных исследованиях разработаны различные модели, операционализирующие оба модуса переработки.

Выявлены феномены развития и актуализации холистического и/или аналитического способов переработки в онтогенезе и актуалогенезе в зависимости от стимула, от заданий, от распределения внимания, от опыта и целей категоризации.

Мы полагаем, что описанный в модели веера феномен редукции фиксирует важный методологический сдвиг. В модель вводится идея «потенциальности», что позволяет описать совместную работу холистического и аналитического способов переработки. Холистический код отвечает за возможное раскрытие веера, а аналитический — за реализацию (актуализацию) отдельных его сегментов. Можно предположить, что в данной модели имеется своего рода отображение холистического способа переработки на аналитический код. При этом холистическая оценка существует только в превращенной (аналитической) форме. Но ее результаты «сохраняются» в когнитивной системе и могут «развернуться» или «сжаться» соответственно мерности аналитического кода. Тогда феномен сравнения выступает в двух формах: аналитическое сравнение (умный–глупый) и холистическое сопоставление (с использованием иных, нерациональных категорий).

В качестве иллюстрации выдвинутого предположения о возможности двух способов сравнения приведем позицию С. Харнада. Автор противопоставляет пропозицию и аппозицию (*apposition*) в качестве механизмов, обеспечивающих два способа сравнения. Пропозиция строится в соответствии с бивалентной логикой «истинно — ложно». Категории, построенные с помощью

пропозиций, имеют четкие границы и правила членства. Под аппозицией автор понимает «присоединение», или объединение субъекта и предиката «по случайным основаниям», «по первому впечатлению». Автор описывает аппозиционную систему как энграммы, не имеющие четких границ. Механизм аппозиции лежит в основе холистической оценки, которая основывается на целостных, неразграниченных свойствах объектов.

Пропозициональная система, построенная на жесткой связи субъекта и предиката, «слепа» к инвариантным «структурным конгруэнтностям», доступным аппозиционной системе (Harnad, 1982, p. 202). Аппозиционное сопоставление не является различающим, формально не подчиняется логическому принципу «или–или». Только пропозициональное толкование (экзегеза) холистического опыта приводит к редукции используемых признаков и построению границ категорий. Поэтому существуют две оценки сходства: пропозициональная и аппозициональная. Для первой характерны непроницаемые границы, жестко задающие членство. Вторую систему автор описывает как «безграничную» (*unbounded*), «сравнения в этой системе "доразличительны" (*pre-distinctive*) в том смысле, что они только потенциально могут обслуживать категориальное различение» (Harnad, 1982, p. 204).

Итак, веерная модель репрезентации способностей фиксирует потенциальную представленность разнообразных оценок, не проявленных в актуальной (категориальной) оценке. Данная модель описывает феномен сотрудничества пропозиций и

аппозиций, аналитического и холистического способа переработки, категориального сравнения и докатегориального сопоставления.

А теперь мы хотим вернуться к мысли, вынесенной в эпиграф, — о закономерности умирания идеи. Что для рационального (категориального) сознания означает умирание? От-

сутствие проявлений, недействительность, потенциальность. Аппозициональная «идея» «умирает» в пропозиции, холистическая оценка сужается до нескольких конструкторов, метафора редуцируется и становится штампом, бесконечное многообразие потенциального опыта ограничивается строгим правилом «или–или».

Литература

Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М., 1995.

Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. М., 1997.

Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект / Под ред.

В.И. Герасимова, В.П. Нерознака. М., 1995. С. 143–184.

Harnad S. Metaphor and mental duality // Language, mind and brain / T. Simon, R. Scholes (eds). Hillsdale NJ: Erlbaum, 1982. P. 189–211.

Короткие сообщения

МОЗГОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УДЕРЖАНИЯ ЗРИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА В РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ

С.А. КОЗЛОВСКИЙ

Что происходит в мозге в тот момент, когда человек запоминает и удерживает в памяти зрительный образ? Какие именно структуры мозга принимают в этом участие?

В настоящее время наибольшее распространение получила теория, развиваемая американским неврологом П. Гольдман-Ракич (Goldman-Rakic, 1987; Гольдман-Ракич, 1992), согласно которой, зрительный образ удерживается в рабочей памяти¹ нейронами префронтальной коры головного мозга. Эта теория была основана на результатах экспериментов на обезьянах с вживленными в префронтальную кору электродами. Было обнаружено, что, когда обезьяны удерживали в памяти зрительную информацию, у них наблюдалась активность нейронов именно этой области мозга. Дальнейшие эксперименты на людях с применением ме-

тодик ПЭТ и фМРТ² подтвердили тот факт, что в период деятельности рабочей памяти наблюдается активность префронтальной коры.

Вместе с тем существует большое количество данных, согласно которым поражение префронтальной коры не приводит к утрате зрительной рабочей памяти как таковой, а лишь вызывает трудности удержания образа за счет его быстрой интерференции иррелевантной информацией. Так, показано (Ардила, Хомская, 1977), что при уменьшении всех отвлекающих воздействий у больных с поражением префронтальной коры увеличивается продуктивность запоминания, которая становится близкой к нормальной.

Кроме того, за последние годы накопилось множество экспериментальных данных, согласно которым при выполнении людьми заданий,

---

¹Термин «рабочая память» используется для обозначения удержания следа раздражителя в течение времени отставления реакции от момента подачи эталонного стимула (Соколов, 2003).

²ПЭТ — позитронно-эмиссионная томография, фМРТ — функциональная магнитно-резонансная томография.

требующих рабочей памяти, активность наблюдается не только в префронтальной коре, но и в других участках мозга: в мозжечке (Courtney et al., 1996; Zhang et al., 2003), таламусе (Courtney et al., 1996), гиппокампе (Ranganath et al., 2004; Zarahn et al., 2005), хвостатом ядре (Postle et al., 1999), а также зрительной (Super, 2003), теменной (Corbetta et al., 2002), височной (Ranganath et al., 2004) коре и других структурах мозга.

По-видимому, основная причина многообразия и противоречий в экспериментальных данных об участии структур мозга в зрительной рабочей памяти заключается в том, что одновременно с процессом удержания образа в рабочей памяти протекает множество других психических процессов. Это и процесс непосредственной обработки информации при восприятии, процесс внимания к стимулу, перекодирование информации из одной формы в другую, использование удерживаемой в памяти информации либо при решении некоторой когнитивной задачи, либо в ходе ее воспроизведения и т. п.

В связи с этим наиболее перспективным представляется сравнение активации мозга при удержании образа стимула в зрительной рабочей памяти с пассивным и активным восприятием этого же стимула. Особенности интерес представляют ранние этапы рабочей памяти (с временем удержания менее 0.5 секунды), так как при этом исключаются процессы активного повторения информации

в речевой форме, а процессы перекодирования сенсорной информации в другую форму еще только начинают разворачиваться и могут быть сведены к минимуму за счет специальной задачи испытуемому и набора стимулов, подлежащих запоминанию.

Методика

В данном исследовании использовалась комбинация метода дипольной локализации³ и метода магнитно-резонансной томографии (МРТ), представляющая собой наложение координат дипольных источников мозговой активности, рассчитанных по вызванным потенциалам (ВП), на индивидуальные карты мозга испытуемых, полученных при помощи магнитного резонанса (подробнее см.: Козловский, 2004).

Регистрация ЭЭГ у испытуемых ($N = 18$) осуществлялась монополярно от 16 отведений, размещенных по международной системе 10–20%, предложенной Г. Джаспером (Jasper, 1958). В качестве стимулов, на которые записывались ВП, использовались паттерны из цветных квадратов (3×3 и 2×2), которые предъявлялись на 100, 500 и 1000 мс. Для получения вызванного потенциала суммировались 700-миллисекундные отрезки записи (200 мс до момента предъявления стимула и 500 мс после его включения).

В четырех экспериментальных сериях предъявлялись идентичные наборы стимулов, но давались разные

³Метод дипольной локализации широко применяется для пространственного определения по усредненным вызванным потенциалам источников внутримозговой активности. Этот метод основан на предположении, что большинство источников мозговой активности может быть аппроксимировано токовыми диполями.

инструкции. Испытуемому ставилась задача либо просто смотреть на предъявляемые стимулы (серия «пассивное наблюдение»), либо запоминать их целиком (серия «рабочая память»), искать в стимулах заранее заданный образец (серия «зрительный поиск») либо просто считать общее количество предъявленных стимулов (серия «счет»).

Так как все параметры экспериментальных задач, кроме инструкций, полностью совпадали, то обнаруженные различия в ВП должны были отражать разницу между процессами рабочей памяти и комплексом других параллельно протекающих процессов.

По вызванным потенциалам испытуемых для каждой из четырех серий эксперимента были рассчитаны координаты подвижных эквивалентных токовых диполей. Использовалась компьютерная программа BRAIN-LOC (режим «лучшая модель», коэффициент дипольности 0.95). После этого координаты дипольных источ-

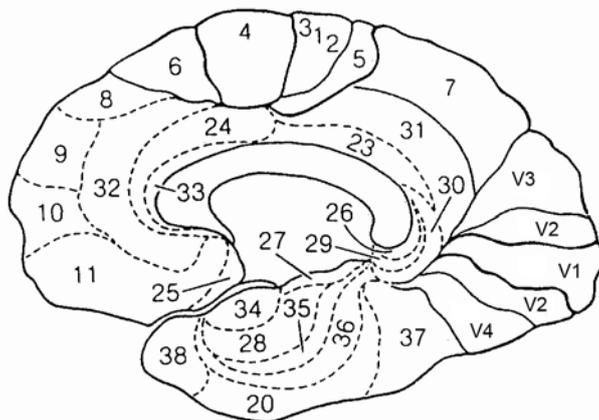
ников наносились на карты мозга испытуемых, полученные методом МРТ. Для идентификации цитоархитектонических полей коры на томографических срезах применялась методика, предложенная Н. Уолтерсом с соавт. (Walters et al., 2003).

Результаты и их обсуждение

Результаты свидетельствуют о том, что во всех четырех сериях эксперимента, которые объединяло лишь то, что испытуемые смотрели на зрительный стимул, наблюдается активация в полях V1 и V2. В то же время в сериях, где испытуемые искали какой-либо элемент в стимуле или запоминали стимул целиком, наблюдалась дополнительная активация в полях V3 и V4 зрительной коры. Так, в серии «зрительный поиск» испытуемый вначале пытался найти в паттерне квадратик определенного цвета, а затем, найдя его, определял его местоположение. Расчет динамической локализации показал, что на

Рисунок 1

Границы цитоархитектонических полей коры головного мозга, сагиттальная поверхность (названия полей зрительной коры даны по С. Зеки, остальные – по К. Бродману)

ранних этапах наблюдается активация в поле V4, а активность в поле V3 наблюдается несколько позже (приблизительно через 300 мс после появления стимула). В серии же «рабочая память», где испытуемый сразу должен был запомнить весь паттерн целиком (а именно на каком месте находится квадрат определенного цвета), результаты дипольной локализации свидетельствуют о том, что в этой серии активация полей V3 и V4 происходила либо одновременно, либо поочередно. Этот факт хорошо согласуется с клиническими данными (Pearlman et al., 1979; Sacks, Wasserman, 1987; Jones et al., 1999) и данными экспериментов на обезьянах (Зеки, 1992; Tootell et al., 1997; Tsao et al., 2003), в соответствии с которыми поле V4 отвечает за анализ цвета и формы, а поле V3 — за анализ пространственного положения элементов стимула.

Во всех сериях, где требовалось более внимательное восприятие, т. е. в сериях, где испытуемый не просто пассивно смотрел на стимулы, а считал их (серия «счет»), запоминал их (серия «рабочая память»), искал в них какие-либо определенные элементы (серия «зрительный поиск»), наблюдалась активация в области мозжечка и таламуса. По всей видимости, подобная активация свидетельствует об участии этих структур мозга в процессах внимания.

В тех сериях, где испытуемым легко было совершить ошибку, т. е. в серии «счет», где испытуемые считали стимулы, и в серии «рабочая память», где они запоминали весь стимул целиком, наблюдалась активация в районе орбитофронтальной коры (поле 11 по Бродману). Из литературы (Дуус, 1996; Dolan, 1999)

известно, что поражение этой области мозга приводит к нарушениям самоконтроля. По-видимому, обнаруженная активация в поле 11 связана с процессами контроля когнитивных операций.

В серии, когда испытуемый считал стимулы, наблюдалась активация в поле 37 коры, которая в других сериях эксперимента не наблюдалась.

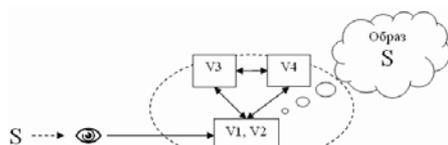
И, наконец, в серии «рабочая память», когда испытуемый запоминал и удерживал образ стимула в памяти, наблюдалась активация в префронтальной коре, в частности в полях 9 и 10, которая в других сериях эксперимента не наблюдалась. Для выявления связей этих полей с другими корковыми полями была обработана корреляционная матрица, построенная по динамике активации коры в этой серии эксперимента. Было обнаружено, что имеются высокие корреляции между активностью поля 10 префронтальной коры и поля V3 зрительной ($r = 0.81$), а также между активностью поля 9 префронтальной коры и поля V4 зрительной коры ($r = 0.99$).

На основании полученных результатов предложена психофизиологическая модель сохранения зрительных образов в рабочей памяти (см. рис. 2).

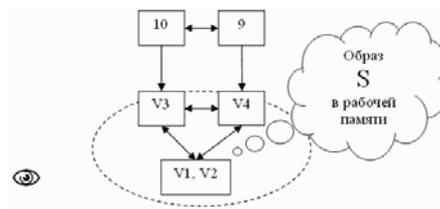
Когда испытуемому предъявляется зрительный стимул, то сигнал поступает в первичную зрительную кору. Далее, если это необходимо, осуществляется более подробный анализ этого стимула: в поле V4 происходит анализ цветов элементов, из которых состоит сам стимул, а в поле V3 анализируется взаимное пространственное расположение элементов этого

Рисунок 2

Психофизиологическая модель удержания зрительных образов в рабочей памяти (S – стимул, – зрительный анализатор, V1, V2, V3, V4 – поля зрительной коры, 9 и 10 – поля префронтальной коры)

А. Построение образа зрительного стимула

Б. Удержание образа стимула в отсутствие самого стимула

стимула. На основании этого анализа формируется детальный зрительный образ стимула. Когда стимул исчезает, а человек старается удержать его образ в памяти, возникает активация в полях 9 и 10 префронтальной коры, которые через поясную извилину влияют на поля V3 и V4, в результа-

те чего зрительный образ продолжает удерживаться в зрительной коре в отсутствие самого стимула. Роль префронтальной коры состоит в том, что она препятствует интерференции образа стимула, удерживаемого зрительной корой, другими сенсорными стимулами.

Литература

Ардила А., Хомская Е.Д. Изучение процессов активации во время произвольного запоминания слов в норме и у больных с поражением лобных долей мозга // Проблемы нейропсихологии. Психофизиологические исследования. М.: Наука, 1977. С. 52–75.

Гольдман-Ракич П. Оперативная память и разум // В мире науки. № 11–12. М.: Мир, 1992.

Дуус П. Топический диагноз в неврологии. Анатомия. Физиология. Клиника / Под ред. Л.Б. Лихтермана. М.: Вазар-Ферро, 1996.

Зеки С. Зрительный образ в сознании и мозге // В мире науки. М.: Мир, 1992. № 11–12.

Козловский С.А. Психофизиологические механизмы сохранения зрительных образов в рабочей памяти: Дисс. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2004.

Соколов Е.Н. Восприятие и условный рефлекс: новый взгляд. М.: УМК «Психология», 2003.

Corbetta M., Kincade J.M. et al. Neural systems for visual orienting and their relationships to spatial working memory // J. Cogn. Neurosci. 14 (3). 2002. P. 508–523.

Courtney S.M., Ungerleider L.G. et al. Object and spatial visual working memory activate separate neural systems in human cortex // Cereb. Cortex. 6 (1). 1996. P. 39–49.

Dolan R. On the neurology of morals // Nature Neuroscience. 2 (11). 1999. P. 927–929.

Goldman-Rakic P.S. Circuitry of primate prefrontal cortex and regulation of behavior by representation memory // Handbook of physiology. The nervous system. Higher functions of the brain. Bethesda, MD: American Physiology Society, 1987. Vol. 5. P. 373–417.

Jasper H.H. The ten twenty electrode system of the International Federation // Electroencephalog. clin. Neurophysiol. 1958. Vol. 10. № 2. P. 371.

Jones M.R., Waggoner R., Hoyt W.F. Cerebral polyopia with extrastriate quadrantanopia: report of a case with magnetic resonance documentation of V2/V3 cortical infarction // Journal of Neuro-Ophthalmology. 1999. 19 (1). P. 1–6.

Pearlman A.L., Birch J., Meadows J.C. Cerebral color blindness: An acquired defect in hue discrimination // Annals of Neurology. 1979. 5. P. 253–261.

Postle B.R., D'Esposito M. «What-Then-Where» in visual working memory: an event-related fMRI study // J. Cogn. Neurosci. 1999. 11 (6). P. 585–597.

Ranganath C., Cohen M.X. et al. Inferior temporal, prefrontal, and hippocampal contributions to visual working memory maintenance and associative memory retrieval // J. Neurosci. 2004. 24 (16). P. 3917–3925.

Sacks O., Wasserman R. The case of colorblind painter // New York Review of Books, Nov. 1987. 19. P. 25–34.

Super H. Working memory in the primary visual cortex // Arch Neurol. 2003. 60 (6). P. 809–812.

Tootell R.B., Mendola J.D. et al. Functional analysis of V3A and related areas in human visual cortex // J. Neurosci. 1997. 17 (18). P. 7060–7078.

Tsao D.Y., Vanduffel W. et al. Stereopsis activates V3A and caudal intraparietal areas in macaques and humans // Neuron. 2003. 39 (3). P. 555–568.

Walters N.B., Egan G.F. et al. In vivo identification of human cortical areas using high-resolution MRI: An approach to cerebral structure–function correlation // PNAS. March 4. 2003. Vol. 100. № 5. P. 2981–2986.

Zarahn E., Rakitin B. et al. Positive evidence against human hippocampal involvement in working memory maintenance of familiar stimuli // Cereb. Cortex. 2005. 15 (3). P. 303–316.

Zhang d. a. R., Li Z. H. et al. Functional comparison of primacy, middle and recency retrieval in human auditory short-term memory: an event-related fMRI study. Brain Research. Cognitive Brain Research. 2003. 16 (1). P. 91–98.

Козловский Станислав Александрович — кандидат психологических наук, Институт психологии РАН

Контакты: s_t_a_s@mail.ru

Обзоры и рецензии

Сону Шамдасани. Юнг, которого разоблачают даже его биографы.

Sonu Shamdasani. Jung Stripped Bare by His Biographers, Even. London and New York: Karnac, 2005.

Есть ряд знаменитостей, включая известных ученых, на которых и биографы, и читатели биографий любят проецировать свои собственные чувства, жизненные вопросы и их решения. В результате такого биографического творчества эти знаменитости превращаются в героев (или антигероев) повествований, удовлетворяющих скорее потребностям их авторов, чем критериям исторического исследования. Так произошло и с создателем глубинной психологии К.Г. Юнгом. Многие авторы книг, написанных на разных языках мира, обещали показать публике «настоящего Юнга», но в результате в книгах было больше сказано об авторах, чем о Юнге.

Одна из причин этого состоит в том, что теория коллективного бессознательного Юнга и применение ее в психотерапии создали ему репутацию духовного учителя с особыми способностями. Кажется, что Юнг сам заложил основы дискурса о себе как о мифологической фигуре, когда

он придумал архетип «мудрого старика» и сам был ему уподоблен. Многие из тех, кого интересует Юнг, и пишущие о нем авторы вместе со своими читателями склонны считать, что в них — как в самом Юнге — есть нечто особое, выходящее за пределы повседневности.

Есть и другие причины, вызвавшие путаницу в осмыслении и истолковании жизни и работ Юнга. Одна из наиболее очевидных — то, что его книга «Воспоминания, сны, размышления» (впервые изданная через год после смерти автора, в 1962 г.) хотя и выглядит как автобиография, на самом деле состоит из записей его секретаря, Анели Яффе. Сам Юнг, его семья и его ближайшие коллеги никогда не разглашали никаких сведений о нем. Отсутствие документированной информации открыло поле для фантазии: биографы взялись придумывать версии, не подкрепленные фактическими свидетельствами. Для собирания фактов нужно значительное время и терпение, чем пишущие

о Юнге, как правило, не обладают, обуреваемые страстным желанием передать миру свое собственное послание. В результате, чтобы узнать побольше о Юнге, читателю надо вначале задуматься о том, *что же именно* он хочет узнать. Одно дело — Юнг и его собственные представления о своей работе; другое — духовное и терапевтическое содержание учения, которое, возможно, к самому Юнгу имеет мало отношения; третье — Юнг как воображаемый персонаж, плод духовной и психологической путаницы, столь характерной для рубежа тысячелетий.

Историк из Лондона Сону Шамдасани в течение многих лет тщательнейшим образом изучает исторические материалы о жизни Юнга в их интеллектуальном и культурном контексте. Его работы полны интереснейших подробностей и важны по трем причинам.

Во-первых, он ведет свою работу систематически и стремится восполнить пробелы в исторических свидетельствах. Ему удалось, в частности, показать, что доступная публике информация о Юнге гораздо обширнее, чем предполагали биографы. Более того, он сам много делает для публикации ранее недоступных материалов, включая знаменитую, но никем еще не виданную «Красную книгу», куда Юнг в 1920-х гг. записывал свои фантазии и соображения о том, чем они были вызваны. Именно такого рода материал необходим для понимания того, как сам Юнг смотрел на развитие — свое собственное и своей теории и терапевтической практики. Ранее, например, швейцарско-канадский психиатр и историк бессознательного Г.Ф. Элленбергер назвал

время создания Юнгом его системы периодом «творческой болезни». Однако собственные записи Юнга свидетельствуют о том, что такое определение не вполне верно. Юнг всегда прекрасно осознавал свою цель — разработку научной психологии.

Во-вторых, Шамдасани располагает самой детальной и полной информацией о том контексте, в котором работал Юнг, в том числе о попытках многих психологов основать на рубеже XIX и XX вв. научную психологию. Знание этого контекста имеет решающее значение для интерпретации архивных материалов. Шамдасани — автор важнейшего исследования «Юнг и создание современной психологии: мечта о науке» (Кембридж, 2003), в котором работа Юнга связывается со сложным процессом становления психологии и попытками придать человеческому самопознанию научный характер.

В-третьих, автор книги показывает, как биографы игнорировали или ложно интерпретировали свидетельства о жизни Юнга и какая пропасть возникла между человеком и его изображениями.

Ранее Шамдасани написал резкое опровержение полемической книги американца Ричарда Нолла о «культе Юнга», автор которой взялся доказать, что Юнг — основатель новой религии. В работе «Культурная литература: К.Г. Юнг и создание аналитической психологии» (Лондон, 1998) Шамдасани дал более точную интерпретацию тех материалов, на которых основывает свои решающие выводы Нолл. В результате стало ясно: выводы Нолла — сочиненная им фикция.

В своей новой, краткой и написанной хорошим стилем книге Шамдасани

дает историю и анализ биографий Юнга или, скорее, тех работ, которые претендуют на то, чтобы быть биографиями. Это рассказ не о самом Юнге, а о том, почему попытки писать о нем заканчивались печально — созданием разноречивых версий и непониманием. Книга проливает свет на то, как в действительности были написаны «Воспоминания» и как люди, издавшие эту книгу, старались выставить ее на читательский рынок в качестве принадлежащей перу самого Юнга. Затем Шамдасани переходит к разбору сильных и слабых сторон различных воспоминаний о Юнге и его биографий, включая одну из последних — книгу американки Деидри Блэр (2003). Его цель — своего рода расчистка территории для будущего историка, чтобы тому стало ясно, какой именно труд нужно проделать для написания настоящей биографии. Поскольку материал о жизни Юнга столь сложен и запутан, такого рода путеводитель по этому материалу необходим. Книга о «Юнге, которого разоблачают даже биографы» будет интересна всем, кто

стремится получить представление о фигуре самого психолога и о том, что из нее сделали биографы. Книга эта будет не менее полезна и тем, кого интересует жанр биографии и переплетение в нем факта и вымысла.

Шамдасани в заключение пишет: «Еще много первичных источников ждут своего исследования, которое изменит наше знание о Юнге до неузнаваемости». Юнг, которого нам еще предстоит открыть, может оказаться не похожим на того, которого мы знаем. Если верить, что идеи Юнга указывают дорогу к новой психологии, которая будет существенно отлична от нынешней, то нужно сначала понять, в чем именно эти идеи заключаются. А для этого необходимо поставить их в биографический контекст. Без воссоздания мира, в котором эти идеи возникали, невозможно по-настоящему оценить замысел Юнга.

Издательство, выпустившее книгу, — Карнак Букс — базируется в Лондоне и имеет обширный список публикаций по психодинамической психотерапии (www.karnacbooks.com).

Роджер Смит — заслуженный профессор Университета Ланкастера (Великобритания), ассоциированный сотрудник Института психологии РАН
Контакты: rsmith@mail.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

A.V. Yurevich. Three Sources and Three Composite Parts of Psychological Knowledge

The author distinguishes between three main areas of psychological knowledge: psychological research (psychology as an academic discipline), psychological practice and folk psychology. The author argues against the traditional understanding of scientific psychology being only about research. He claims that, according to the contemporary postclassical science, two other parts also appear legitimate sources of scientific knowledge, which can enrich psychology.

Theoretical and Empirical Research

A.A. Gorbatkov. The Dynamics of Basic Parameters of Emotions: A Model and Literary Data

The author reviews the literature on the emotional dynamics in individual activity in the light of his own model, which involves four main parameters: positive and negative emotions, their balance and the level of emotional arousal (an integral characteristic). He draws hypothetical curves that show how these parameters change in connection with the efficacy of a normal activity (an activity of a person from the majority of the population, who acts under ordinary circumstances). These curves include the monotone

descending curve for negative emotions, the bell-shaped one for positive emotions, and two inverted *J*-shaped curves: one for the emotional balance with the upward tendency and the other for the integral parameter with downward tendency. The author argues that his model fits well into the existing data and discusses some difficulties that arise from working with the literature.

Special Theme of the Issue. **V.N. Druzhinin – 50 years**

N.V. Druzhinina. Life as Creativity

The article includes the recollections of professor druzhinin's widow who describes how his scientific and poetic work emerged.

A.N. Voronin. On the Object of Psychological Investigation

The author discusses the problem of the object of experimental research, an issue decisive for the basic characteristics of psychological knowledge.

A.N. Poddiakov. Actualisation and Development of Human Abilities

The author discusses the work of the Russian psychologists, V.N. Druzhinin, who has recently passed away. He argues that Druzhinin's principal research topics were the actualisation and development of personal abilities – both constructive and destructive – together

with the factors influencing the human potential. With this in view, the author considers Druzhinin's approach to psychodiagnostics as well as his original version of existential psychology that integrated the cognitive and the moral dimensions.

T.A. Rebeko. Propositional Comparison and Holistic Juxtaposition

The article describes two ways of cognitive processing (holistic and analytical) in relation with the measurement and ontology of latent features. The author refers to the postulate of isomorphism of modern science and the main maxims about the nature of knowledge. It was shown that V.N. Druzhinin's fan model of abilities has high methodological potential and that the model can be instrumental in dealing with the problem of interpreting empirical data. In particular, she focuses on the actual and latent status of the measured features and discusses some potential ways to get the features operational. In conclusion, she refers to S. Harnad's idea of proposition and apposition as mechanisms of knowledge organisation.

Work in Progress

S.A. Kozlovsky. Brain Mechanisms of Storing Visual Images in the Working Memory

The EEG-experiment consisted of four series in which 18 subjects were given identical sets of stimuli (patterns of coloured squares) under different instructions: either to look at the stimuli, to memorise them, to find the stimulus's element that was previously displayed to them, or to count the stimuli. The evoked potentials of the brain were recorded; for each series the co-ordinates of the dynamic equivalent dipoles were calculated; they were superposed with the subjects' MRI-tomograms. In the series, in which the subject had to memorise and retain the image of the stimulus, the prefrontal areas 9 and 10 were activated, which did not occur in other series. There is a high correlation between the activity of the prefrontal area 10 and the visual area V3 ($R=0.81$), and between the activity of the area 9 and the area V4 ($R=0.99$). On the basis of these results, the author suggests a psychophysiological model of storing visual information in the working memory.

Журнал зарегистрирован 14.03.2005 в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77–19534.

Подписано в печать 5.12.2005. Формат 70x100/16. Печ. л. 9,5.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Тираж 600 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ГЕО-ТЭК».
г. Красноармейск, Московской области. Тел.: 584-16-23, 916-36-42.